

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА НОВОКУЗНЕЦКА

Кузнецкая старина

Новокузнецк:
400 лет
в истории России

Кузнецк во второй половине XIX – начале XX в.

Городское управление и самоуправление

В начале рассматриваемого периода Кузнецк по-прежнему представлял собой весьма незначительное селение. В 1864 г. в Кузнецке проживало 1915 человек, из них дворян – 150 человек (8%), лиц духовного звания – 50 (2,6%), 192 купца (10%) и 875 (46%) мещан. Многие из кузнецких мещан занимались мелкой торговлей или получали увольнения от общества для работы на приисках. Социальную структуру Кузнецка отличало наличие большого количества военных – 563 человека (29%). Это было наследие пограничного прошлого города и долгое время существовавшей крепости. Зато государственных крестьян в Кузнецке было мало – всего 26 человек. Кроме того, в Кузнецке были учтены 56 канцелярских служащих, почтальонов и других служащих.

Подавляющее большинство населения Кузнецка являлись православными (95%). Существовала небольшая группа жителей римско-католического вероисповедания – 69 (4%) человек. Несколько человек придерживались иудейской и магометанской веры.

В 1864 г. в Кузнецке имелось 459 жилых строений. Кроме того, в городе работала 31 торговая лавка. Большая часть строений были деревянными, только 5 казённых домов и 1 частный дом – каменными. Ремеслом занималось всего несколько человек, имелось 5 мыловаренных заводов и 2 воскобойных. Они производили продукцию на 4725 руб. В основном она сбывалась на месте, но часть увозили в Томск и на Ирбитскую ярмарку. Большинство жителей занимались сельским хозяйством. Н. Костров писал: «Жители его (Кузнецка. – А.Е.) держат порядочное скотоводство, и многие занимаются хлебопашеством или покупкою хлеба из первых рук и потом доставкою его в различные места» (Костров, 1995. С. 45–49).

Городской бюджет Кузнецка в 1863 г. выглядел так: 3078 руб. в доходной части и 3766 руб. в расходной. Большая часть доходов поступала от военных (2029 руб.). С городских имуществ поступало 978 руб., от промышленников – 212 руб.

Большая часть всех расходов шла на содержание городского управления, полиции и пожарной части (1746 руб.). На благоустройство города была предусмотрена ничтожная сумма – 20 руб. 15 коп. (ТГВ. 1863. № 35).

Кузнецкая полиция. Кузнецкое окружное полицейское управление было образовано по закону от 12 июня 1867 г. в связи с распространением на Томскую губернию «Временных правил об устройстве полиции», утвержденных Высочайшим императорским указом 25 декабря 1862 г. Управление начало действовать с начала 1868 г. Согласно Временным правилам, было произведено слияние городской полиции (городничего со своим штатом) и земской полиции (земского суда во главе с исправником). Объединение двух ведомств было осуществлено с целью повышения эффективности работы полиции. После объединения значительно сократились сроки сыска преступников. Ранее городская и земская полиция занимались сыском только в своем округе, и если розыскиваемый покидал границы города, то его розыском занималась земская полиция и наоборот. После объединения значительно сократилась переписка между различными ведомствами, что заметно сказалось на эффективности работы полиции (Ерошкин, 1965. С. 264).

Кузнецкое окружное полицейское управление возглавлял исправник, ему подчинялся штат служащих.

Территория округа делилась на станы, в которых полицейские функции выполняли становые приставы. Полицейские команды комплектовались десятскими и сотскими командами, выбираемыми из крестьян. По данным на 1896 г., Кузнецкий округ делился на 3 полицейских участка. К 1-му участку относились Кузнецкая и Уксунаская волости с инородческими управами; ко 2-му участку – Бачатская, Салаирская, Ильинская, Касминская волости с инородческими управами; к 3-му участку – Мунгатская, Тармининская, Верхне-Томская волости и инородческие управы (ГАКО. Ф. Д-28. Оп.1. Д. 86. Л. 181).

Становые участки делились на околотки, во главе которых находились околоточные надзиратели. Они обходили свой участок, наблюдали за порядком, освещением улиц, своевременным

Исправники Окружного полицейского управления (1867-1917 гг.)

Киселёв Иван Петрович
(23 декабря 1867 г. – 1869)
Тюшев Василий Евграфович
(20 декабря 1869 – 10 июля 1874 г., умер)
Казанцев Михаил Иванович
(17 июля 1874 г. – 1 сентября 1881 г.)
Паршенников Аполлон Калистратович
(24 сентября 1881 г. – 26 июня 1884 г.)
Окороков Матвей Евгеньевич
(26 июня 1884 г. – 11 марта 1886 г.)
Селивани Михаил Иванович
(11 марта 1886 г. – 23 ноября 1887 г.)
Ляпустин Александр Дмитриевич
(23 ноября 1887 г. – 27 февраля 1890 г.)
Паперный Лавр Васильевич
(27 февраля 1890 г. – 1 июня 1892 г.)
Лучшев Фёдор Панфилович
(1 июня 1892 г. – 23 июня 1893 г.)
Остржинский Яков-Людвиг Викентьевич
(23 июня 1893 г. – 26 апреля 1899 г.)
Зеленский Александр Александрович
(26 апреля 1899 – 21 февраля 1901 г.)
Козинцев Яков Максимович
(22 февраля 1901 – 4 августа 1903)
Халтурин Николай Николаевич
(4 августа 1903–1905)
Донорский Иван Николаевич
(1 сентября 1905 г. – 20 сентября 1908 г.)
Гонилов Павел Петрович
(20 сентября 1908 г. – 30 сентября 1910 г.)
Поляков Илья Васильевич
(и.д. 30 сентября 1910 г. – 1 сентября 1911 г.)
Загарин Иван Иванович
(1 сентября 1911 г. – 22 февраля 1916 г.)
Липский Николай Емельянович
(1917)

Форма одежды
уездного исправника
(утверждена
15 марта 1884 г.)

открытием и закрытием торговых заведений, принимали жалобы от граждан.

Окружное полицейское управление имело следующие функции: возвращение насильно отнятого имущества (движимого и недвижимого); определение убытка; разбор мелких споров и ссор на улице или в других публичных местах; принуждение работодателей к выплате рабочим заработка; взыскание по бесспорным облигациям казённого или частного образца; исполнение резолюций и поручений гражданских судов; рассмотрение некоторых мелких дел; проведение обысков; проведение дознаний.

В 1899 г. окружное полицейское управление было преобразовано в уездное управление в связи с переименованием округов в уезды. Функции его практически не изменились.

Окружной суд. По высочайшему повелению от 21 июля 1864 г. и указу Томского губернского управления от 12 сентября 1864 г. в окружной суд были переданы все судебные дела упразднённой Кузнецкой городской ратуши. Для присутствия в суде были избраны по 2 заседателя от купцов и мещан с кандидатами (ПСЗРИ-II. Т. 39. № 41098). Указом Томского губернского управления от 19 сентября 1864 г. в окружной суд были переданы все сиротские дела, а словесный суд был подчинён окружному суду (Конюхов, 1995. С. 112). При открытии городской думы в 1877 г. все сиротские, купеческие и мещанские дела были переданы в думу. По причине отказа городского головы стать председателем сиротского суда было решено открыть особый сиротский суд, не входящий в состав думы. По его открытии в сентябре 1877 г. все сиротские дела были переданы в его ведение (Конюхов, 1995. С. 113).

Кузнецкий окружной суд был упразднён в 1896 г. в связи с введением в Сибири института мировых судей. Все нерешенные дела были переданы на рассмотрение мировых судей Кузнецкого уезда.

Мировые судьи. Институт мировых судей в Мариинском и Кузнецком уездах введён в 1897 г. в связи с распространением Судебного Положения 1864 г. на Сибирь.

Судебная реформа 1864 г. первоначально была распространена только на так называемые земские губернии, т. е. губернии, на которые распространялось «Положение о земских учреждениях» от 1 января 1864 г. (преимущественно европейская часть страны). В течение второй половины XIX в. судебная реформа была проведена и на окраинах империи. Согласно высочайшему рескрипту, данному на имя министра юстиции от 15 мая 1896 г., подготовка судебной реформы началась и в Сибири. В том же году император Николай II утвердил «Временные правила о применении судебных

уставов к губерниям и областям Сибири» (Судебные..., 1897. С. 1–3). Судебная реформа в стране была завершена в 1899 г. В Высочайшем рескрипте, данном на имя министра юстиции Н.В. Муравьева от 1 июля 1899 г., император Николай II констатировал: «Сегодня... на пространстве России нет уже более местности, которая бы не пользовалась благами присущих сих уставов (Судебные уставы. – А.Е.) вечных начал правды, милости и равенства всех перед законом» (ТАКО. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 27. Л. 72об.).

Временные правила 1896 г. вводили в действие в Сибири судебные уставы 1864 г. с некоторыми изменениями и дополнениями. Согласно реформе, был создан специальный комитет при Томском губернском правлении, который занимался реализацией новых законов. В губернском городе был создан Томский окружной мировой суд. Все уезды Томской губернии были разделены на мировые участки, включающие в себя по несколько волостей каждый. Во главе мирового участка стоял мировой судья. В отличие от Европейской России, где мировые судьи избирались населением, в Сибири, учитывая нехватку лиц, имеющих юридическое образование, мировые судьи назначались губернским правлением (Судебные..., 1914. С. 1)

Поначалу в Кузнецком уезде было образовано 3 мировых участка.

В компетенцию мировых судей входили проступки, за которые в Уставе о наказаниях определяются: 1) выговоры, замечания, внушения; 2) денежные взыскания не выше 300 руб.; 3) арест не свыше 3 месяцев; 4) заключение в тюрьму на срок не свыше 1 года 6 месяцев. Мировые судьи занимались разбирательством дел в ближайших к местам их возникновения селениях или в волостном правлении. Первоначально разбирательство дел проводилось без участия присяжных заседателей. Суд присяжных заседателей был введен в Томской губернии законом от 10 мая 1909 г. (Судебные..., 1914. С. 158).

Система съездов мировых судей, выполняющих функции апелляционного органа, не была введена в Сибири. Обязанности съездов были возложены на Томский окружной мировой суд. Он также занимался непосредственным надзором за деятельностью мировых судей. Томский окружной суд входил в состав Омской судебной палаты.

Круг обязанностей мировых судей в Сибири был шире, чем в Европейской России. Мировые судьи Кузнецкого и Мариинского уездов выполняли ещё и функции нотариальных контор. Причём пошлины с нотариальных актов вносились на депозит местного губернского правления и числились на особом счету с указанием волости, откуда они поступили (ТАКО. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 27. Л. 83).

Командующие Кузнецкой местной командой (1864-1874 гг.)

Снетковский Мефодий Леонтьевич
(3 мая 1859 г. – 14 июня 1865 г., умер)
Темнов Илья Александрович
(17 марта 1865 г. – 24 февраля 1869 г.)
Веденев Николай Осипович
(1869-1874)
Осипов Петр, поручик, командир
кузнецкой местной команды
(ТГВ. 1872. 19 августа)

Мировые судьи Кузнецка и уезда

1-го участка

Штильмарк Фридрих Бертович
(1898–1900)
Станкеев Константин Алексеевич
(20 июня 1900 г. – 28 ноября 1900 г.)
?
Злобинцев Василий Иванович
(5 ноября 1904 г. – 9 июля 1906 г.)
Реченский Георг Иванович
(9 июля 1906 г. – 15 октября 1910 г.)
?
Конусов Александр Петрович
(24 октября 1911 г. – 15 ноября 1916 г.)
Алякритский Михаил Николаевич
(15 ноября 1916 г. - ?)

2-го участка

Иппа Семён Григорьевич
(1898–1902)
Дьяков Иннокентий Иванович
(6 июля 1902 г. – 7 сентября 1910 г.)
Черепенин Михаил Николаевич
(7 сентября 1910 г. – 4 марта 1913 г.)
Островский Александр Александрович
(4 марта 1913 – 17 мая 1915 г.)

3-го участка

Николаев Сергей Николаевич, тит. сов.
(1908)
Самсонов Григорий Васильевич
(1908–1909)
Конусов Александр Петрович
(14 сентября 1909 г. – 24 октября 1911 г.)
Владимирский Владимир Александрович
(1912)

4-го участка

Вистенберг Генрих Иосифович
(1912–1914)
Гидзинский Владимир Данилович
(1915)

5-го участка

Комар Войц Антонович
(1912–1915)

Мировые судьи ежемесячно отчитывались перед Томским окружным судом, который постоянно анализировал их деятельность и делал необходимые распоряжения по улучшению этой деятельности. Так, в 1899 г., рассмотрев все отчеты, суд пришел к выводу, что мировые судьи «сосредоточили свою деятельность почти исключительно на предварительных следствиях, от чего страдает количество решаемых ими дел судебно-мировой подсудности и быстрота производства таковых» (ГАКО. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 27. Л. 75). Томский окружной суд рекомендовал равномерно распределять силы и решать дела всех направлений. Циркуляром от 5 июля 1897 г. председатель Томского окружного суда определил, что ежемесячные отчеты должны отправляться в Томск не позднее 3 числа каждого месяца. На практике многие мировые судьи не выполняли это распоряжение, вследствие чего 30 июня 1899 г. Томский окружной суд разослал во все участки повторные циркуляры, напоминавшие о строгом соблюдении порядка отчетности (ГАКО. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 27. Л. 69). Сами отчеты мировых судей составлялись по 4 формам, утвержденным министром юстиции 22 декабря 1898 г. В отчеты вносились данные о числе дел, находящихся в производстве, числе нерешенных дел, количестве осужденных лиц и т.д. (ГАКО. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 27. Л. 9–10об.).

Кузнецкое городское хозяйственное управление

Итак, по Положению Сибирского комитета, утверждённому императором 21 июля 1864 г., Кузнецкая городская ратуша была упразднена. Все судебные дела были переданы в окружной суд, а все хозяйственные дела – в создаваемое городское хозяйственное управление (ПСЗРИ-II. Т. 39. Ч. 1. № 41098). Только в феврале 1865 г. Кузнецкая городская ратуша была ликвидирована окончательно. Секретарь упразднённой ратуши Ляшков и писец Куртуков были переведены в городское хозяйственное управление (ТГВ. 1865. № 8).

В штат Кузнецкого городского хозяйственного управления входили городской староста, его кандидат, письмоводитель и нескольких писцов. Первое трехлетие (1865–1867 гг.) должность кузнецкого старосты исполнял купец Михаил Иванович Головачев, кандидатом являлся мещанин Александр Степанович Полосухин. В следующее трехлетие (1868–1870) головой был купец Степан Васильевич Конохов (потом его отец Василий Максимович Конохов), кандидатом – Евгений Матвеевич Захарьев. В 1871–1873 гг. – купец Фёдор Яковлевич Хворов, а кандидатом – купец Дмитрий Дмитриевич Бетенев. В четвертое трехлетие (1874–1876) кузнецким головой являлся купец Михаил Васильев, а кандидатом – мещанин

Василий Яковлевич Хворов (потом купец Антон Константинович Медников). На трехлетие 1877–1879 гг. на должность старосты был избран Степан Егорович Шукшин, а кандидатом – Леонид Никандрович Емельянов (Конюхов, 1995. С. 110–111). Однако они служили неполный срок, так как в Кузнецке была проведена городская реформа.

Утверждённое императором в июне 1870 г. Городовое положение вводило новую систему самоуправления городов, основанную на принципах выборности, всеобщности и имущественного ценза. Право голоса при выборе местных органов самоуправления получили горожане, имеющие российское подданство, владеющие недвижимостью в пределах города или содержащие торгово-промышленные заведения в нем, а также лица, проживающие в городе не менее 2 лет и платившие в городскую казну налоги. Возрастное ограничение было определено в 25 лет. Права голоса лишались лица, подвергшиеся суду за преступления и проступки, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, а также находящиеся под следствием и судом. Полицейские чины, пока они состояли в должности, также не имели права голоса. Различные ведомства, учреждения, компании, товарищества и т.п., если они имели недвижимость в городе, имели право участвовать в выборах через своих представителей. При этом представители этих учреждений сохраняли за собой право своего личного голоса, т. е. они получали на выборах два голоса.

Выборы проводились один раз в 4 года по трехразрядной системе (по трём собраниям), отдельно проводились съезды крупных, средних и мелких налогоплательщиков. Все группы были различны по числу участников, но равны по сумме налоговых платежей, взимаемых с них. Технически это выглядело таким образом: составлялся список лиц, имеющих право голоса, не в алфавитном порядке, а по сумме выплачиваемых ими налогов. Чем больше налогов платил избиратель, тем выше в списке была его фамилия. Этот список делился на три равные части по сумме уплачиваемых налогов. Образовывались три группы избирателей, каждая из которых платила равные части налогов. Эти группы и составляли избирательные собрания, которые выбирали представительный орган власти – городскую думу.

Городская дума имела право представлять всё городское общество, и на этом основании решала все дела, касающиеся этого общества. Дума имела право назначать содержание должностным лицам городского общественного управления; устанавливать (увеличивать или уменьшать) городские налоги; распределять натуральные повинности; утверждать сметы городских доходов и расходов; ходатайствовать перед высшим начальством от

имени города по разным делам; утверждать инструкции исполнительной власти (управе). Решения в думе принимались простым большинством голосов.

Исполнительным органом городской думы была городская управа. Председателем управы являлся городской голова. Количество членов управы определялось постановлением думы, но не могло быть менее двух человек (не считая городского головы). Городская управа вела все текущие городские дела и исполняла постановления думы.

Во главе городского самоуправления стоял городской голова. Роль его была исключительно важна, он имел право назначать заседания думы, готовил различные вопросы на обсуждение, выполнял распоряжения городской думы. Голова имел право инициировать решение различных вопросов перед губернатором. Он являлся лицом города, его представителем перед высшими органами управления.

Городовое положение 1870 г. вводилось в городах постепенно в течение нескольких лет. В Кузнецке его начали вводить в 1875 г. (Ермолаев, 2015). От 25 февраля этого года вышло соответствующее предписание томского губернатора, а в октябре был опубликован список лиц, имеющих право голоса. По первому разряду в него входило всего 11 человек, почти все они были купцами 2-й гильдии. По второму разряду право голоса имел 41 человек. Среди них были купцы, мещане, чиновники, священники. По третьему разряду право голоса имели 305 человек – в основном мещане, крестьяне, отставные казаки и солдаты. Всего право голоса получили 357 человек (ТГВ. 1875. № 41).

Составленный в Кузнецке список избирателей был перепроверен в Томске. Губернские власти сочли, что он не отвечает всем нормам закона, в первую очередь в нём неправильно было сделано деление на разряды. В результате началась длительная работа по составлению нового списка избирателей, занявшая больше года (Конюхов, 1995. С. 106, 112).

Первые выборы в городскую думу Кузнецка прошли в марте 1877 г. В них приняли участие всего 38 человек, что составляло около 10% от получивших право голоса. Активность избирателей была очень низкой по всем городам Сибири. Например, в Барнауле и Бийске проголосовало только 6–7% от числа лиц, имеющих право голоса (Голубев, 1890. С. 301).

Первая Кузнецкая городская дума состояла из 30 человек. По каждому избирательному собранию в неё было выбрано по 10 человек. При этом в думу вошли практически все лица, включенные в первое избирательное собрание. Первым городским головой был избран купец 2-й гильдии Михаил Иванович Конюхов. Заступающим место (замести-

телем) городского головы стал мещанин Василий Никифорович Бехтенов. В должности он пробыл до сентября 1879 г., а потом его сменил купец Иван Родионович Родионов (ТГВ. 1877. № 11).

Дума начала работать с 7 апреля 1877 г. В июне этого же года с разрешения министра внутренних дел в Кузнецке была упразднена городская управа. К этому времени она так и не была сформирована. Ее функции выполняли городской голова и его заместитель (табл. 1). Все дела управы были переданы городскому судье (Конюхов, 1995. С. 111).

Список кузнецких избирателей на четырёхлетие 1881–1884 г. был опубликован в «Томских губернских ведомостях» в сентябре 1880 г. Он включал 348 человек, которые совокупно платили 774 руб. 33 коп. городских налогов. Самым богатым из них был купец Михаил Васильевич Васильев. Его годовой взнос составлял 40 руб. 35 коп. Большинство жителей платили налог в размере от нескольких десятков копеек до нескольких рублей (ТГВ. 1880. № 35).

Выборы в Кузнецкую городскую думу прошли осенью 1880 г. В неё было избрано 30 гласных. Из них 8 человек являлись купцами и 22 мещанами. Городским головой был избран купец Антон Константинович Медников. На этот раз была сформирована городская управа. Она состояла из двух человек. Старшим членом управы стал мещанин Константин Иванович Голубцов, простым членом управы – мещанин Степан Васильевич Хворов (не являлся гласным думы). Кандидатами к ним были избраны мещане Андриан Петрович Безсонов и Михаил Леонтьевич Трофимов (ТГВ. 1880. № 47). Все члены городского самоуправления были приведены к присяге 1 января 1881 г. Первое собрание городской думы состоялось 4 числа того же месяца (Конюхов, 1995. С. 113).

Подготовка к выборам на четырёхлетие (с 1885 по 1888 г.) началась летом 1884 г. Известно, что список лиц, имеющих право голоса, рассматривался на заседании городской думы 8 июля. Однако он утвержден не был, а было принято решение перенести его рассмотрение на следующее заседание. На заседании 18 июля городская дума вновь рассматривала список избирателей. Вероятно, он опять не был утвержден, так как в протоколах заседания думы 12 и 19 августа вновь значился вопрос «Об утверждении списка лицам, имеющим право голоса на выборах гласных на 4-летие с 1885 года» (ТГВ. 1884. № 31).

Трудности, возникшие при составлении списка избирателей, могли возникнуть из-за большого пожара, произошедшего 9 мая 1884 г. Многие горожане тогда лишились своего недвижимого имущества, и их могли исключить из числа лиц, имеющих право голоса. Выборы нового состава думы, а также должностных лиц городского управ-

Список городских голов и старост Кузнецка (1877–1917 гг.)

Четырехлетие	Городской голова. 1877–1895 Городской староста, 1895–1917	Утверждение в должности	Окончание срока (вступление в должность вновь избранного)
1877–1880	Конюхов Михаил Иванович	?	1 января 1880 г.
1881–1884	Медников Антон Константинович	?	5 декабря 1884 г.
1885–1888	Попов Степан Егорович	5 декабря 1884 г.	22 марта 1889 г.
1889–1892 (реально до 1895)	Попов Степан Егорович	22 марта 1889 г.	9 августа 1895 г.
1895–1898	Быстров Андрей Петрович	9 августа 1895 г.	8 июня 1899 г.
1899–1902	Попов Степан Егорович	8 июня 1899 г.	19 июня 1903 г.
1903–1906	Попов Степан Егорович	19 июня 1903 г.	8 июня 1907 г.
1907–1910	Попов Степан Егорович	8 июня 1907 г.	21 июля 1911 г.
1911–1914	Тытыяков Порфирий Семёнович	21 июля 1911 г.	11 марта 1915 г.
1915–1918	Кохановский Игнатий Антонович	11 марта 1915 г.	27 июня 1916 г.
	Трофимов Александр Павлович	февраль 1917 г.	4 марта 1917 г. Власть передана комитету общественной безопасности

Знак
городского
головы

ления прошли осенью 1884 г. Приказом томского губернатора от 5 декабря 1884 г. на следующее четырехлетие городским головой был утвержден кузнецкий 2-й гильдии купец Степан Егорович Попов (рис. 1). Его помощником стал мещанин Степан Хворов (ТГВ. 1884. № 50).

Подробности выборов на следующее четырехлетие не известны. На должность городского головы был избран Степан Егорович Попов (ТГВ. 1889. № 13). Избранный член городской управы мещанин Дмитрий Федорович Носонов внезапно умер 1 марта 1889 г. (ТАКО. Фд-60. Оп. 1. Д. 512. Л. 104об.-105). На заседании городской думы 5 марта был рассмотрен вопрос о замещении его кандидатом Вяткиным (ТГВ. 1889. № 17). Однако Вяткин недолго пробыл в должности члена управы.

вы. Уже в октябре 1889 г. на заседании думы вновь рассматривался вопрос «О допущении к отправлению обязанности члена городской управы кандидата Трофимова» (ТГВ. 1889. № 50).

В декабре 1892 г. истёк срок полномочий Кузнецкого городского самоуправления. В июне того же года император Александр III утвердил новое Городовое положение. Судя по всему выборы на

Рис. 1. Степан Егорович (Стефан Георгиевич) Попов. Кузнецкий 2-й гильдии купец.
Фото 1880-х гг. Из фондов НКМ

четырёхлетие 1893–1896 гг. в Кузнецке не проводились. Известно только, что в октябре 1892 г. Кузнецкая городская дума рассматривала вопрос об утверждении списка избирателей на новое четырёхлетие. Но какое было принято решение – не известно (ТГВ. 1892. № 47).

О том, что выборы в Кузнецке не проводились, имеются косвенные сведения. Об этом свидетельствует жалоба Василия Павловича Лоншакова, одного из членов городской думы, поданная в мае 1894 г. Он заявил, что еще в прошлую выборную кампанию, в 1889 г., были выбраны в члены управы двое кузнецких мещан Степан Васильевич Хворов и Дмитрий Фёдорович Носонов. Вскоре Носонов умер, и на его место вступил в должность кандидат кузнецкий мещанин Михаил Леонтьевич Трофимов. При этом оба продолжали быть членами управы в текущем 1894 г. Будучи членами управы, Хворов и Трофимов, «повенчали первый сына своего на дочери второго, т.е. стали в близком родстве, что вопреки закону». Лоншаков требовал «в ограждении интересов города одного из них от сей обязанности удалить» (ГАГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 58. Л. 3). Действительно, по закону членами управы не могли быть близкие родственники.

Жалоба Лоншакова была рассмотрена на заседании Кузнецкой городской думы 22 мая 1894 г. Все присутствующие на нем гласные признали, что Хворов и Трофимов состоят в родстве, но это родство не является близким, поэтому заявление было оставлено без последствий (ГАГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 58. Л. 2–2об.). Томское по городским делам присутствие в июне того же года признало правоту Кузнецкой городской думы, и заявление Лоншакова было отклонено (ГАГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 58. Л. 6–6об.).

На заседании городской думы в марте 1893 г. специально была рассмотрена благотворительная деятельность С.Е. Попова. Гласные думы составили внушительный список благотворительных дел городского головы. На постройку пришедшей в негодность Кузнецкой кладбищенской церкви он потратил 2900 руб. собственных средств. После того как во время пожара 9 мая 1884 г. сгорело каменное здание уездного училища, в котором одновременно помещались женское и мужское приходские училища, С.Е. Попов нанял дом у наследников купца Лоншакова для размещения этих училищ. За 4 года он заплатил 1200 руб. арендной платы. Одновременно Попов занялся строительством нового здания кузнецкого уездного училища и добавил 3800 руб. к тем средствам, которые были отпущены казной. В память о чудесном сохранении жизни императора Александра III во время железнодорожной катастрофы 17 октября 1888 г. он построил новый иконостас в Никольском приделе Спасо-Преображенского собора.

На это было потрачено 1200 руб. Для мужского и женского приходских училищ он заложил фундамент и решил построить новое здание стоимостью около 6000 руб. Для устройства больницы в городе он пожертвовал собственный земельный участок стоимостью 500 руб. Наконец, причитающееся ему жалованье за службу городским головой в течение 8 лет (4800 руб.) он пожертвовал на «принятие санитарных мер и пополнение недостающих городских расходов». Всего, по подсчётам гласных кузнецкой думы, Степан Егорович Попов потратил на благотворительность более 19 тыс. руб., за что, считали они, С.Е. Попов достоин не только «искренней и глубокой признательности», но и «звания почетного гражданина г. Кузнецка». С таким ходатайством гласные думы и обратились в Томское губернское правление и Министерство внутренних дел (ГАГО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 918. Л. 23–24об.).

Действительно, сумма, потраченная Поповым на благотворительные нужды, впечатляет. Учитывая тот факт, что годовой бюджет Кузнецка в начале 1890-х гг. составлял 8–9 тыс. руб., городской голова пожертвовал на разные нужды города сумму, сопоставимую с двумя годовыми бюджетами Кузнецка!

Введение Городового положения 1892 г.

Новое Городовое положение император Александр III утвердил 11 июня 1892 г. Самостоятельность городских дум и управ была ограничена. Опекунство государства над органами самоуправления была усилена. Все члены городских управ считались на государственной службе, их утверждали местные губернские администрации. К членам управ могли применяться меры административного взыскания. Должностным лицам городского самоуправления присваивались классные чины государственной службы. Причём в большей степени, чем возможность получения каких-то льгот, предусмотренных этой службой, она налагала ответственность за её несение.

Городовое положение 1892 г. значительно ограничило число жителей, имеющих право участвовать в выборах городского самоуправления. Прежде всего, был повышен имущественный ценз. Теперь право голоса получали только лица, владевшие недвижимым имуществом, оценённым не менее чем в 1 тыс. руб. для губернских городов и в 300 руб. для окружных городов. В столицах имущественный ценз был еще выше. Право голоса также имели владельцы торговых и промышленных предприятий, платившие промысловый налог в размере не менее 50 руб. в год. Из числа избирателей были исключены священнослужители, чины прокурорского надзора и полиции; лица, имевшие судимости или состоящие под судом и следствием; содержатели питейных заведений; несостоятель-

ные должники, а также те, кто имел задолженности по городским сборам более полугода.

Для выбора гласных думы теперь собиралось одно избирательное собрание. Списки избирателей публиковались в газетах и утверждались губернскими властями. В городских поселениях, имеющих не менее 100 избирателей, в думе должно было быть 20 гласных. Функции самой думы практически не изменились, она занималась хозяйственными вопросами и ведала городским имуществом. Однако по новому Городовому положению практически все решения думы утверждались губернскими властями, а некоторые даже Министерством внутренних дел. Исполнительным органом думы, как и ранее, оставалась городская управа. Она состояла из нескольких выбранных гласных думы под председательством городского головы. Состав городской управы утверждался губернатором, он же имел право проводить ревизии управ.

Новое Городовое положение предусматривало введение в небольших городах упрощённой формы городского самоуправления. В мае 1893 г. Министерство внутренних дел разработало специальную «Инструкцию по организации городских упрощённых управлений». В декабре 1893 г. император утвердил список городов с таким самоуправлением. В него попал и г. Кузнецк Томской губернии.

Согласно этой инструкции, в городах с упрощённым самоуправлением вводилась не городская дума, а собрание уполномоченных, которые выбирались на сходе местных домохозяев. Во главе города был не городской голова, а городской староста. В список избирателей попадали только лица мужского пола старше 25 лет, которые владели в течение одного года перед выборами недвижимым имуществом, оценённым по установленным процедурам не менее чем в 100 руб. В инструкции была прописана процедура составления и согласования списка избирателей.

На самом сходе домохозяев выбирался председатель, который утверждался в губернском центре. Собрание домохозяев являлось полномочным, если на нём присутствовали избиратели в таком количестве, которое хотя бы на одного человека превышает число членов городского самоуправления. Число уполномоченных должно было определяться губернскими властями. Для Кузнецка было определено, что в состав городского самоуправления должно входить всего 12 человек при 4 кандидатах. Это был минимальный состав, предусмотренный законом. Соответственно, собрание домохозяев для Кузнецка являлось полномочным, если на него придут не менее 17 человек. Выборы уполномоченных производились путем подачи избирательных (белых) и неизбиратель-

ных (черных) шаров по каждому претенденту. Затем выстраивался рейтинг, в котором претенденты распределялись по разнице между избирательными и неизбирательными шарами. В число уполномоченных проходили лица с наилучшей разницей в голосах. В случае, если кто-нибудь из числа избранных уполномоченных терял свои полномочия, его место занимал кандидат. Для выборов старосты и членов управы в собрании уполномоченных избирался председатель, который утверждался в губернском центре. После этого уполномоченные избирали старосту и членов управы. Все выборные лица утверждались в губернском правлении (ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 3–6).

В августе 1894 г. в Кузнецке был составлен список избирателей по новому Городовому положению. Несколько месяцев ушло на его согласование и публикацию. Только в декабре он был напечатан в «Томских губернских ведомостях» (ТГВ. 1894. № 49). Право голоса получил всего 91 домовладелец, включая наследников. Сход домохозяев для выборов уполномоченных состоялся 22 января 1895 г. На него явились 27 человек (30% от имеющих право голоса). Состав органа городского самоуправления был сформирован из 12 уполномоченных и 4 кандидатов.

В феврале 1895 г. список уполномоченных по городу Кузнецку был утверждён Томским по городским делам присутствием. После этого началась процедура выбора должностных лиц управления. 21 марта состоялось первое собрание городских уполномоченных, на котором они приняли присягу и выбрали председателя. Им стал канцелярский служащий А.П. Быстров. За него было подано 8 избирательных и 3 неизбирательных шара. Его конкурент Л.Е. Панов набрал 7 избирательных и 4 неизбирательных шара (ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 27).

В губернском центре А.П. Быстрова утвердили только 11 апреля. А 28 апреля состоялось второе заседание Кузнецкого городского самоуправления, на котором были определены размеры жалованья старосте и его помощникам. Большинство голосов решили, что староста должен получать 800 руб. в год, а каждый из двух его помощников по 300 руб. На этом же заседании выбрали должностных лиц. На должность городского старосты претендовали три человека: Л.Е. Панов, Г.И. Утенко и Григорий Онисимович Сычев. Как Сычев оказался в числе претендентов на должность старосты – не понятно. Его не было в числе выбранных уполномоченных. Более того, он не участвовал в самих выборах, хотя имел право голоса как один из наследников купчихи Е.Г. Сычевой.

Результаты выборов городского старосты оказались весьма любопытными. Панов и Утенко набрали неизбирательных голосов больше, чем избирательных. Невесть откуда взявшийся Сычев

набрал одинаковое число избирательных и неизбирательных голосов (по 6 черных и белых шаров). Поскольку это был лучший вариант из всех, его представили к утверждению в Томск. На место его помощников избрали Е.Е. Плеханова и С.В. Вагина, кандидатами к ним – С.В. Хворова и П.И. Малевы соответственно (ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 32, 33).

Странно выбранному Сычеву так и не суждено было стать городским старостой. В мае помощник прокурора по Кузнецкому участку донёс своему начальнику, что Сычев «имеет нравственные качества весьма сомнительного достоинства». Не раз он выступал в «качестве светила местной подпольной адвокатуры», причем он вел дела с обеих сторон. Например, он умудрился поссорить отца и сына Родионовых, а потом писал ходатайства как с одной, так и с другой стороны (ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 36–36об.).

Похожий рапорт поступил от кузнецкого окружного исправника. Он писал, что купеческий сын Сычев окончил Кузнецкое трехклассное уездное училище, «хорошо грамотный, служит секретарем городской думы и сиротского суда». В свободное от службы время он «занимается писанием прошений и ходатайств по разным кляузным делам, за что и не пользуется особым уважением и доверием общества». Городским старостой он был избран «одной из партий, находящей в том свой личный интерес». По мнению исправника, Сычев «по своим нравственным качествам не соответствует этой должности». Остальные выборные лица Кузнецка «пользуются хорошей репутацией и вполне могут быть утверждены начальством» (ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 37).

В результате 16 июня 1895 г. в Томске утвердили только помощников городского старосты, а самого старосту предложили переизбрать. Перевыборы прошли 26 июня того же года. На должность претендовали три человека: С.В. Хворов, А.П. Быстров и Д.Х. Шаньгин. Больше всего голосов набрал А.П. Быстров (9 избирательных шаров и 2 неизбирательных). Кандидатом к нему был избран М.В. Хворов (7 избирательных и 5 неизбирательных шаров) (ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 40).

В июле 1895 г. кузнецкий окружной исправник рапортовал начальству, что вновь избранный городской староста А.П. Быстров происходит из духовного звания и получил образование в Томской духовной семинарии. В течение 5 лет он работал сельским учителем, а в 1880 г. поступил в штат Томского общего губернского управления. Потом он был командирован в Кузнецк для исполнения должности делопроизводителя присутствия по воинской повинности. В Кузнецке он имеет дом, «живет не богато, но и без нужды, пользуется хорошей репутацией; человек он разумный вполне

трезвый и честный и предстоящие ему служебные обязанности может исполнять успешно» (ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 44–44об.).

Окончательно состав городского самоуправления Кузнецка был утверждён приказом Томского губернатора от 9 августа. Городским старостой был утверждён Андрей Петрович Быстров, его помощниками стали Ефим Егорович Плеханов и Семен Васильевич Вагин. Кандидатами к ним были утверждены Степан Васильевич Хворов и Прокопий Иванович Малев (ТГВ. 1895. № 33). Весь выборный процесс и переход на новое Городовое положение заняли в Кузнецке целый год. Напомним, что список избирателей был подготовлен в августе 1894 г., а городской староста был утверждён только в августе следующего года.

Список лиц, получивших право голоса на выборах, был готов в конце 1898 г. Он включал в себя всего 56 фамилий. Большая часть лиц представляла мещанство – 34 фамилии (61%). Почти все были кузнецкими мещанами. По одному мещанину были из Нарыма, Бузулука, Барнаула и Кишенёва. Далее следовали кушцы и почётные граждане – 9 фамилий (16%). Немного от них отставали чиновники и медицинские служащие – 8 домовладельцев (14%). Отставные военные, казаки и унтер-офицеры были представлены 3 фамилиями (5%). По одному представителю было от инородцев (2 %) и крестьян (2%) (ТГВ. 1898. № 44).

Выборы прошли в декабре 1898 г. В них приняли участие всего 24 человека. В число уполномоченных было выбрано 12 человек при 4 кандидатах. Любопытно, что инородец П.С. Тыгтыков и мещанин В.П. Лоншаков набрали одинаковое количество избирательных и неизбирательных шаров. Поскольку они оба заняли двенадцатую строчку в списке уполномоченных, был брошен жребий. В результате удача улыбнулась Тыгтыкову, который и прошел в состав городского общественного управления, а Лоншаков перешел в число кандидатов.

Выборы на общественные должности прошли, видимо, уже в следующем году. Приказом и.д. Томского губернатора от 8 июня 1899 г. в должности Кузнецкого городского старосты был утверждён купец Степан Егорович Попов. Его помощниками были утверждены Семён Васильевич Вагин и Григорий Игнатьевич Утенко. Кандидатом к ним был утверждён Василий Павлович Лоншаков (ТГВ. 1899. № 23).

Выборы на четырехлетие 1903–1906 гг. прошли с некоторыми осложнениями, связанными с составлением и исправлением списка избирателей. Выборы уполномоченных состоялись весной 1903 г. Выбрали 12 уполномоченных при 11 кандидатах. Большое количество кандидатов объясняется, вероятно, тем, что многие лица на-

Рис. 2. Максим Мануйлович (Эммануилович) Окулов, его жена Ольга Леонидовна и их младший сын Евгений. Фото 1900-х гг. Из частного собрания

брали одинаковое число избирательных и неизбирательных голосов. Поэтому их всех включили в число кандидатов (ТГВ. 1903. № 12).

Выборы должностных лиц городского управления прошли в Кузнецке в мае или июне. Приказом томского губернатора от 19 июня 1903 г. в должности кузнецкого городского старосты был утверждён купец Степан Егорович Попов. Его помощником стал Порфирий Семенович Тыгтыяков. Председательствующим в собрании уполномоченных был избран и утверждён мещанин Алексей Яковлевич Игумнов (ТГВ. 1903. № 25).

Осенью 1903 г. в газете «Восточное обозрение» была напечатана критическая заметка о кузнецких выборах. В ней, в частности, было сказано, что выборы сопровождались «путаницей», которая затянула их на несколько месяцев. Газета писала, что в помощники старосты был выбран человек, состоящий в близком родстве со старостой. Прежний помощник старосты, по словам одного из уполномоченных, «не давал старосте очень-то шириться», т. е. имел свое мнение и часто шел наперекор своему начальнику. Старостой, как и ранее, был избран купец С.Е. Попов, который часто уезжал на принадлежащие ему золотые прииски, а его замещал помощник. «Восточное обозрение» критиковало С.Е. Попова, считая, что он мало делает для развития города. Многие дети не имеют возможности получать образование, а общественная библиотека пришла в совершенный упадок. Кроме того, по мнению автора публикации, он мало заботился о продовольственном снабжении горожан. В 1902 неурожайном году обыватели Кузнецка испытывали перебои в снабжении хлебом. С.Е. Попов же, писала газета, не обращал внимания на нужды жителей, хотя сам закупал много хлеба и вывозил его на свои прииски (ВО. 1903. № 222).

В конце августа 1906 г. кузнецкие городские власти подготовили список избирателей. Он

включал в себя 150 фамилий лиц, имеющих право голоса на городских выборах. Возглавляли список самые богатые жители города – наследники купчихи Евдокии Григорьевны Сычевой. Второе место в списке занимал П.С. Тыгтыяков.

Всего в списке указан социальный статус у 148 избирателей и их наследников (2 не указаны). Из них больше всех представителей мещанского сословия – 106 избирателей (72%), в том числе 94 были кузнецкими мещанами и 12 иногородними. Среди иногородних было 3 бийских, 2 барнаульских, 2 бузулукских и по 1 туринскому, ковровскому, златоустовскому, нарымскому и томскому мещанину. Купечество представляли 17 (11%) человек. Двое из них были почётными гражданами (супруги Поповы), а остальные – купцами 2-й гильдии и их наследниками. Чиновничество и дворянство было представлено 13 (9%) фамилиями, включая жену кандидата и лекарского ученика. Далее 5 человек были из крестьян (3%), 4 – из инородцев (3%) и 3 – из рядовых и солдат (2%) (ТГВ. 1906. № 88).

Выборы прошли в конце 1906 г. В состав городского самоуправления были выбраны 12 уполномоченных и 4 кандидата. Безусловным лидером оставался купец Степан Егорович Попов. Он возглавил список по числу поддержавших его голосов.

Важно отметить, что среди 12 уполномоченных 4 были одними из самых состоятельных жителей (П.С. Тыгтыяков, А.Я. Игумнов, П.А. Абрамов, Я.А. Линева). Все они входили в первую десятку списка лиц, имеющих право голоса, т. е. владели самым дорогим недвижимым имуществом. Еще 7 человек входили в сотню, и только инородец Куртегешев занимал 115-е место из 150.

10 января 1907 г. томский губернатор утвердил состав кузнецкого городского самоуправления, а 28 января состоялась церемония принятия присяги уполномоченных и кандидатов к ним. Извест-

но, что два вновь избранных уполномоченных, М.М. Окулов (рис. 2) и Я.В. Фамильцев, а также кандидаты И.Ф. Захваткин и В.И. Псарев не явились на принятие присяги. На этом же заседании был выбран председатель собрания уполномоченных. Им стал Иван Семенович Шунков (рис. 3) (ГАГО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 1248. Л. 13–14).

После утверждения И.С. Шункова в качестве председателя 15 марта 1907 г. состоялось очередное собрание уполномоченных, на котором были проведены выборы городского старосты и его помощников. Выборы проводились тайным голосованием с помощью избирательных и неизбирательных шаров. В результате городским старостой был выбран Степан Егорович Попов, первым его помощником стал Я.В. Фамильцев, вторым – М.В. Петухов. Жалованье городскому старосте было определено в 800 руб. в год. Первый помощник получал 500 руб. в год, а второй – 50 руб. Кроме того, второй помощник за выполнение обязанностей мещанского старосты получал еще 250 руб. от мещанского общества. Распределение обязанностей между должностными лицами городского управления было решено «предоставить им самим» (ГАГО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 1248. Л. 24–25).

Кузнецкий городской староста и его помощники были утверждены в должности приказом и.д. томского губернатора от 8 июня 1907 г. (ТГВ. 1907. № 44).

В сентябре 1907 г. по распоряжению попечителя Западно-Сибирского учебного округа председатель собрания уполномоченных И.С. Шунков был переведен из Кузнецка в Мариинск. В связи с этим на заседании собрания уполномоченных 17 сентября городской староста предложил заменить И.С. Шункова новым уполномоченным из числа кандидатов и выбрать вместо него нового председателя. На освободившееся место уполномоченного претендовали сразу два кандидата – Пётр Никифорович Вяткин и Андрей Константинович Шестаков. Дело в том, что у них были одинаковое количество избирательных и неизбирательных шаров. Тогда вопрос был решен жребием, который тянул Ф.С. Хворов. Его рука оказалась удачной для П.Н. Вяткина, который и стал новым уполномоченным. Председателем собрания уполномоченных был избран Я.А. Линев. За него было подано 6 избирательных и 2 неизбирательных шара (ГАГО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 1248. Л. 100–103об.).

В ноябре 1908 г. при осмотре нового пожарного депо между городским старостой Поповым и уполномоченным Ф.С. Хворовым произошел конфликт. Как писал считавший себя пострадавшим Хворов, «городской староста позволил себе с повышением голоса давать ему нравоучения, оскорбительные для уполномоченного, некоторые даже к делу совсем не относящиеся». В связи с этим

Рис. 3. Иван Семёнович Шунков. Смотритель Кузнецкого уездного училища. Фото 1900-х гг. Из фондов НКМ

Хворов заявил об отказе выполнять обязанности уполномоченного. В декабре того же года вместо Хворова уполномоченным был определен кандидат А.К. Шестаков, имевший на выборах в декабре 1906 г. наилучшую разницу избирательных и неизбирательных шаров (ГАГО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1500. Л. 120–120об.).

Подготовка к выборам на новое четырёхлетие началась, как обычно, летом. В конце июня 1910 г. был подготовлен список лиц, имеющих право участвовать в выборах. В него вошло 154 домовладельца, включая различных наследников. Как и ранее, большую часть избирателей составляли мещане. В списке их указано 109 (71%) фамилий. Большая часть мещан входила в Кузнецкое мещанское общество – 92 фамилии. 17 лиц и фамилий представляли другие города: по три из Бийска, Томска и Барнаула. По одному человеку были из Красноярска, Коврова, Туринска, Бузулука, Златоуста, Нарыма, Уссурийска и Иркутска. По сравнению с предыдущими выборами география некузнецких мещан расширилась, причём в основном за счет восточносибирских городов. После мещан следовали фамилии чиновников и дворян (включая лекарского ученика) – всего 18 (12%) избирателей. Близко к ним располагалась группа

Рис. 4. Степан Егорович (Стефан Георгиевич) Попов. Кузнецкий 2-й гильдии купец. Фото 1900-х гг. Фотокопия. Из фондов НКМ

купцов, купеческих детей почетных граждан – 17 (11%) человек. Из числа крестьян получили право голосовать 5 (3%) человек. Иностранцев представляли 3 (2%) избирателя, солдат и рядовых – 2 (1%) человека (ТГВ. 1910. №70).

Сами выборы прошли осенью того же года. В число уполномоченных были выбраны 12 человек, еще 2 стали кандидатами. По-прежнему безоговорочным лидером по числу голосов был Стефан Георгиевич Попов (рис. 4). Заметно продвинулся вперед Порфирий Семенович Тыттыяков. В предыдущих выборах он занимал всего лишь 11-ю позицию, а теперь его авторитет поднялся, и на этих выборах он был уже 3-м в списке выбранных уполномоченных.

Состав избранного городского управления Кузнецка на четырёхлетие (с 1911 по 1914 г.) был более демократичным. Среди уполномоченных практически не было богатых владельцев недвижимости. Только П.С. Тыттыяков занимал в списке избирателей одну из верхних строчек (пятую), а остальные были средними и даже низшими плательщиками налогов.

В феврале 1912 г. томский губернатор удовлетворил ходатайство первого помощника городского старосты М.И. Фёдорова об увольнении его от службы. В марте того же года были проведены новые выборы. Новым помощником был избран губернский секретарь Петр Андреевич Темников,

который не состоял в числе избранных уполномоченных, а потому надежды на его утверждение в Томске были небольшими. Он набрал 7 избирательных шаров и 3 неизбирательных (ТАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 119. Л. 13–13об.).

Через месяц произошло несчастье с другим помощником старосты – Петуховым. В первый день Пасхи, 25 марта, он поссорился со своим зятем мещанином Губкиным, который нанёс ему смертельное ранение. Петухов скончался 8 апреля, о чём городской староста немедленно известил томского губернатора. Уже 15 апреля состоялось собрание уполномоченных Кузнецкого городского общественного управления, на котором был избран новый второй помощник. Им стал мещанин Андрей Павлович Рохин. За него было подано 6 избирательных и 2 неизбирательных шара. Любопытно, что на должность второго помощника баллотировались еще 3 мещанина: А.Я. Игумнов, Ф.Н. Рожков, С.В. Вагин. Каждый из них набрал по 4 избирательных и 5 неизбирательных шаров (ТАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 119. Л. 31–31об.).

Между тем уволенный по собственному прошению уполномоченный М.И. Фёдоров вернулся в состав кузнецкого общественного управления. Обстоятельства его возвращения не известны. Но пробыл он в числе уполномоченных недолго. В апреле 1913 г. он был признан несостоятельным должником и был заключен в Кузнецкий тюремный замок. В соответствии с законодательством он лишился права быть уполномоченным городского общественного управления. Вопрос о составе этого управления был поднят на заседании в июле 1913 г. Городской староста доложил, что по разным причинам из состава городского общественного управления уже выбыло несколько человек, включая всех кандидатов. Сейчас имеется только 11 человек наличных членов. Заменить выбывшего Фёдорова некем. Городской староста неоднократно ходатайствовал о проведении дополнительных выборов уполномоченных, но от Томского губернского управления не последовало никаких распоряжений. В результате было решено считать Фёдорова утратившим полномочия члена общественного управления, а его обязанности по должности члена раскладочного по Государственному налогу присутствия решено передать другому лицу. Этим лицом был избран по баллотировке П.А. Темников. Он получил 7 избирательных и ни одного неизбирательного шара (ТАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 154. Л. 50–51).

Тем временем томский губернатор приказом от 21 июля 1911 г. утвердил в должности городского старосту. Им стал выбранный ранее П.С. Тыттыяков. Его помощниками были утверждены Михаил Васильевич Петухов и Максим Ильич Фёдоров (ТГВ. 1911. № 54). Заметим, что оба уже фактически вы-

были из состава уполномоченных и не могли быть помощниками городского старосты. Кто был избран на их место – выяснить не удалось.

Во время выборов на четырёхлетие 1911–1914 гг. в Кузнецке были выбрано 12 человек в собрание уполномоченных и 2 кандидата к ним. В течение первых лет деятельности городского самоуправления из его состава по разным причинам выбыло 5 уполномоченных и все кандидаты. В результате кворум уполномоченных был утрачен. Кузнецкое городское самоуправление потеряло легитимность. Озабоченный этим обстоятельством в ноябре 1913 г. томский губернатор обратился к министру внутренних дел с предложением дополнить число уполномоченных города Кузнецка лицами, состоявшими в этой должности в предыдущем четырёхлетии (РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 224. Л. 1).

После изучения это вопроса выяснилось, что срок окончания действующего состава уполномоченных истекает в феврале 1915 г. Поэтому, опираясь на подобные прецеденты, в министерстве решили просто назначить в Кузнецке новые выборы, не дожидаясь окончания срока полномочий текущего состава городского самоуправления. В марте 1914 г. это предложение было поддержано министром, а 30 апреля того же года утверждено императором Николаем II (РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 224. Л. 11).

Подготовка к выборам началась уже в мае 1914 г. В начале июня был подготовлен список избирателей, который включал в себя 198 лиц, имеющих право голоса. Как и ранее, большая часть была представлена мещанами – 143 (72%) человека. Помимо кузнецких мещан право голоса получили 3 бийских, 3 барнаульских, 3 томских мещанина и по одному из Красноярска, Коврова, Туринска, Бузулука, Кольвани, Златоуста, Нарыма, Никольск-Уссурийска и Иркутска. Следующая группа избирателей – чиновники. В их списке было 23 (11%) владельца имущества. Далее шли крестьяне – 17 (9%) владельцев недвижимого имущества. Купцы, их наследники и почётные граждане были представлены 13 (7%) фамилиями. Иностранцев было всего 2 (1%) человека (ТГВ. 1914. № 68).

Между тем численность собрания уполномоченных Кузнецка продолжала сокращаться. В июле 1914 г. был рассмотрен вопрос об уполномоченном туринском мещанине Петре Анфиногеновиче Абрамове. Городской староста доложил, что Абрамов объявлен несостоятельным должником и заключён в Кузнецкий тюремный замок. В связи с этим он утратил свои права как член городского самоуправления. Поскольку численность городских уполномоченных была и без того невелика, а кандидатов на их место не имелось, было решено выбрать нового временного уполномоченно-

го. Большинство голосов был избран кузнецкий мещанин Тихон Иванович Солодилов. Кстати, на этом собрании присутствовало всего 8 уполномоченных, включая городского старосту П.С. Тыгтыкова и самого Т.И. Солодилова (ГАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 207. Л. 32–33).

Выборы в Кузнецке прошли по одному избирательному собранию 12 октября 1914 г. В них приняли участие 52 человека. На них были избраны 12 уполномоченных и 4 кандидата к ним. Наибольшее количество избирательных шаров было отдано за почётного гражданина города Кузнецка Стефана Георгиевича Попова. Его представляла жена Елена Васильевна. Любопытно, что среди оставшихся 11 человек 8 были из мещан и 3 представляли дворянство и чиновничество. Ни одного купца (кроме С.Г. Попова) в составе городского самоуправления не было (ТГВ. 1914. № 87).

Как и на предыдущих выборах, состав уполномоченных городского управления Кузнецка был довольно демократичным. Из числа состоятельных владельцев имущества был только красноярский мещанин А.П. Трофимов, в списке избирателей он занимал 2-е место. Остальные владельцы имущества были из середины и даже нижней части списка лиц, имеющих право голоса.

В ноябре 1914 г. собрание уполномоченных выбрало специального председательствующего, которому было поручено руководить выборами городского старосты и его помощников. Им оказался коллежский секретарь Георгий Иванович Елесин (ТГВ. 1915. № 34). В декабре 1914 г. на заседании уполномоченных было определено, что на четырёхлетие с 1915 по 1918 г. городской староста будет получать жалованье 800 руб. в год, первый его помощник – 500 руб., второй помощник – 150 руб. Кроме того, второй помощник получал 250 руб. в год от общества за выполнение обязанностей мещанского старосты. Затем состоялись выборы городского управления. Большинство голосов кузнецким городским старостой был выбран дворянин провизор кузнецкой аптеки Игнатий Антонович Кохановский. Первым его помощником стал Петр Андреевич Тёмников, вторым – Андрей Константинович Шестаков (ГАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 207. Л. 100–100об.). Все трое были утверждены в должности приказом томского губернатора от 11 марта 1915 г. (ТГВ. 1915. № 21).

Кохановский пробыл в должности Кузнецкого городского старосты менее года. В июне 1916 г. он отказался от должности. Официальная версия отказа связана с его болезнью. Приказом Томского губернатора от 27 июня его отставка была принята (ТГВ. 1916. № 43). Вероятно, главной причиной отказа являлось слишком низкое жалованье. В месяц он получал всего 66 рублей. При этом работы у старосты было очень много. В августе

1916 г. в «Сибирской жизни» была опубликована заметка, в которой говорилось, что Кузнецк переживает период «безголовья». В ней было отмечено, что избрание нового «лорд-мэра» – задача очень сложная, так как «в городе среди цензовиков-избирателей почти нет достойных кандидатов, могущих принять бразды правления городской хозяйственно-общественной жизнью. Если и есть такие лица, то искать их приходится днем с огнем, и, кроме этого, их едва ли можно склонить к согласию принять почётную, но не выгодную должность представителя городского общественного самоуправления». Газета считала, что жалование, установленное городскому старосте, слишком маленькое. Его необходимо повысить хотя бы до 1800 руб. в год. «Быть может, таким образом, – продолжала газета, – удастся привлечь к участию в городском самоуправлении деятельного, обладающего определенной хозяйственной практикой человека и хотя немного подвинуть вперед развитие городского хозяйства» (СЖ. 1916. № 170).

В начале сентября 1916 г. состоялись выборы нового городского старосты. Победу на них одержал местный торговец Александр Павлович Трофимов. Возможно, его просто уговорили принять на себя обязанности старосты, так как желающих занять эту должность практически не было. Никаких сведений об увеличении размера жалования старосте нет. Выбранного Трофимова долгое время не утверждали в губернском центре. Вместо него исполнял обязанности В.Г. Утенко. В октябре 1916 г. «Сибирская жизнь» писала, что он «всё почти время занят в заседаниях комиссии по приёму ратников и белобилетников, а дела городского хозяйства остаются в ожидании лучшего» (СЖ. 1916. № 230).

Прошло еще несколько месяцев, а Трофимов так и не был утверждён в должности. В течение декабря 1916 г. – января 1917 г. кузнецкая управа несколько раз обращалась с телеграфными просьбами в губернское управление об утверждении старосты в должности. Но никакого ответа из Томска она не получила. Причина затянувшегося процесса утверждения Трофимова в должности не известна. Между тем городское хозяйство Кузнецка продолжало приходить в упадок. Исполняющий должность старосты Утенко большую часть времени находился в комиссии по мобилизации и занимался приёмом лошадей для нужд армии. В результате даже в январе 1917 г. городские власти не приступили еще к составлению сметы доходов и расходов на текущий год, хотя по закону они должны были это сделать еще в ноябре прошлого года. Губернское по городским делам присутствие неоднократно требовало от управы представить смету, но члены управы просто не могли физически выполнить это требование (СЖ. 1917. № 17).

В новый 1917 год город Кузнецк вступил без утверждённой сметы доходов и расходов.

Между тем в начале 1917 г. губернское управление все-таки утвердило в должности кузнецкого городского старосты торговца А.П. Трофимова. Точную дату установить пока не удалось. Скорее всего, произошло это в феврале. Об этом имеются только косвенные свидетельства. Известно, что 4 марта 1917 г. в городской управе состоялось собрание, посвящённое «государственному перевороту», т.е. революции, отречению царя от власти. Это совещание вёл недавно утверждённый городской староста А.П. Трофимов. На этом заседании был избран Кузнецкий комитет общественной безопасности, взявший власть в свои руки (СЖ. 1917. № 59).

Пожары и борьба с ними

Большинство строений в сибирских городах были деревянными. Пожары в них случались регулярно. Они приносили много бедствий и несчастий. Органы государственной власти пытались организовать пожарную службу лучшим образом, хотя это не всегда удавалось. Еще в 1847 г. Министерство внутренних дел установило особый сбор с застрахованных имуществ (по 75 коп. с 1 тыс. руб. по страховой оценке). Собранные деньги предназначались для устройства полицейской и пожарной частей в городах империи. Ежегодно сбор составлял около 200 тыс. руб. Однако для улучшения пожарного дела его совершенно не хватало. Пособия выдавались только самым малым городам, в которых не было своих средств на организацию противопожарного дела. В апреле 1860 г. в министерстве было принято решение о сокращении сбора до 25 коп. с 1 тыс. руб. В результате города практически лишились возможности получать денежную помощь.

Министр внутренних дел граф С.С. Ланской считал, что сохранение имущества городских обывателей должно лежать на плечах самого городского общества. Поэтому он «предложил городским обществам принять на себя как образование из среды своей общественной команды, так и поставку для пожарного обоза обывательских лошадей; причём все расходы на первоначальное устройство пожарной части (обоза, инструментов, помещения для них) могли бы быть покрыты из городских доходов, а при недостаточности, из накопившихся остатков от страхового сбора». В качестве примера министр приводил опыт города Осташкова, «где с давних пор пожары прекращаются с успехом общими силами обывателей». В связи с этим министр поручил всем губернаторам проработать вопрос об организации в городах общественных пожарных служб (ГАГО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 232. Л. 40–41).

Пожарная команда в Кузнецке в то время состояла из 6 нижних воинских чинов, которые находились на полном обеспечении города. Ежегодно на их содержание тратилось около 300 руб. По согласованию с томскими губернскими властями в августе 1860 г. жители города Кузнецка в общем собрании рассмотрели вопрос об устройстве пожарной части в городе. Обыватели пришли к выводу, что содержание пожарной команды обременительно для горожан, а «служители пожарной команды находятся совершенно без всякой надобности». Поэтому они решили обеспечить противопожарное дело в городе «натурою». Для этого они решили ежегодно избирать из своей среды два человека для содержания пожарных инструментов, которые хранились в пожарном обозе при городской полиции. Для их перевозки и для транспортировки воды ежегодно составлялся график группового дежурства. В каждую группу входило 9 домовладельцев. Они должны были дежурить по одной неделе два раза в год. При этом ремонт пожарных инструментов и приобретение новых возлагались на городской бюджет (ГАГО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 232. Л. 17–19).

Осенью того же года состоялось еще несколько общественных приговоров. Согласно одному из них, жители Кузнецка отказались строить пожарный водопровод, так как в городе протекала река. Согласно другому приговору, они ходатайствовали о возвращении нижних чинов, состоящих в пожарной команде, обратно в военное ведомство. Стоит заметить, что кузнецкое общество – единственное из всех городских обществ Томской губернии, которое согласилось провести реформу. Во всех остальных городах местные общества уклонились от нее. Не удивительно, что в октябре 1861 г. Томское губернское правление предписало поставить «в пример другим городам» решение кузнецкого общества и даже объявить ему признательность, «с припечатанием сего в губернских ведомостях» (ГАГО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 232. Л. 78–80).

В мае 1862 г. Совет Главного управления Западной Сибири одобрил реформу пожарной части в Кузнецке и распорядился вернуть нижних чинов кузнецкой пожарной команды в военное ведомство. Правда, в журнале совета было указано, что, помимо созданной в Кузнецке общественной пожарной команды, необходимо, чтобы общество распределило на каждого домовладельца «орудия к потушению», которые они должны принести с собой на пожар (ГАГО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 232. Л. 99–100об.).

После этого в Кузнецке окончательно была сформирована общественная пожарная команда. Она состояла всего из 2 вольнонаемных человек, которых называли «машинистами», так как они отвечали за содержание обоза с машиной для туше-

ния пожара. Перевозка обоза осуществлялась самими домовладельцами, в которых состояло по 10 человек. Дежурные группы осуществляли перевозку по графику, каждая группа дежурила по одной неделе дважды в год. В результате реформы расходы Кузнецка сократились на 300 руб. в год. Все остальные города Томской губернии по-прежнему отказывались перевести пожарную службу на вольный наем.

Большой пожар случился 9 мая 1884 г., в день перенесения мощей Николая Чудотворца. Это был самый сильный пожар за всю историю города. Выгорела почти вся нагорная часть Кузнецка. Пожар начался во время литургии, когда все церкви города были переполнены прихожанами. В одной из церквей службу вел протоиерей Захарий Кротков. Ему немедленно сообщили, что начался сильный пожар и его дому угрожает опасность. Однако протоиерей продолжил службу. Услышав известие о пожаре, почти все прихожане покинули церковь и бросились спасать свои дома и имущество. В церкви остались только протоиерей, купец Конюхов и полицейский чиновник Шаромов. Они продолжали молиться до конца службы. Как стало известно потом, дома Кроткова и Конюхова сгорели дотла, а дом полицейского уцелел (СВ. 1899. №106).

Известно, что пожар начался в 9 часов 30 минут с дома мещанина Серебрякова. Сильный ветер способствовал быстрому распространению огня. По свидетельствам очевидцев, пламя перебрасывалось через целые кварталы. Пожар продолжался около 4 часов. В огне полностью сгорело здание уездного училища со всем имуществом и библиотекой. При этом погиб сторож Михаил Байдеков, ставший единственной жертвой пожара (ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 368. Л. 76об.–77). Делопроизводство училища было спасено. Пострадало здание, в котором помещалось казначейство: сгорела кордегардия и некоторые помещения. Все денежные средства, хранившиеся в казначействе, и документы были спасены. Всего в пожаре сгорело около 100 домов (ТГВ. 1884. № 20).

Когда пожар добрался до торговых рядов, все купцы бросились вытаскивать свои товары из лавок. Они складировали их около лавки купца Р-ва (вероятно, Родюкова. – АЕ.), находящейся позади всех рядов. Сам Родюков вытаскивал свой товар с помощью солдат, пообещав им заплатить за работу 100 руб. Правда, говорили, что он заплатил только 25 руб. После того как большинство товара было спасено, купцы с рабочими бросились спасать имущество из своих домов.

После того как пожар прекратился, купцы вернулись в торговые ряды и стали разбирать свои товары. Некоторые из купцов неожиданно обнаружили свои товары в уцелевшей лавке купца Родюкова. Они заподозрили его в том, что он по-

хитил товар. Однако Р-в уверял, что это его товар. В доказательство он приводил ярлыки со своими метками. Купцы потребовали вскрыть тюки, в некоторых из них оказались ярлыки с их метками. Тогда они подали жалобу на Родюкова. Более 10 человек были свидетелями при вскрытии товара. Однако судебное разбирательство длилось около года. И даже весной следующего 1885 г. оно не было закончено. Кроме купца Родюкова, воспользовались суматохой во время пожара и солдаты местной команды. Они принимали участие в спасении товаров и имущества и, как потом писали в газетах, были замечены в кражах (СГ. 1885. № 9).

После пожара с разрешения губернского начальства в Кузнецке был образован комитет для сбора пожертвований погорельцам. Его возглавил окружной исправник. Сборы денег, вещей, товаров и продуктов начались уже в мае. Первыми жертвователями по традиции стали состоятельные и богатые купцы Томской губернии. Так, торговый дом Петрова и Михайлова выделил 300 руб., такую же сумму пожертвовал Пётр Васильевич Михайлов. Евграф Иванович Королёв внёс 200 руб., его брат Всеволод – 150 руб. Купец Сибиряков из Петербурга прислал 200 руб. Федосья Емельяновна Цибульская, Евграф Николаевич Кухтерин, Фёдор Харлампиевич Пушкинов, Иван Алексеевич Еренев, Семён Степанович Валгусов, Андрей Николаевич Пастухов, Дмитрий Хрисанфович Иванов, А.В. Швецов, сыновья Петра Боткина, И.Л. Фуксман пожертвовали по 100 руб. каждый. Кузнецкие купцы, несмотря на то, что сами потеряли в пожаре часть имущества, тоже пожертвовали в комитет некоторые суммы. Так, А.К. Медников выделил 104 руб., С.Е. Попов – 104 руб. и некоторые товары, С.Е. Шукшин – 103 руб., В.М. Смирнов – 100 руб., А.И. Молчанов – 50 руб. В сборе пожертвований приняли участие различные общественные организации, церкви, служащие типографии Михайлова и Макушина, Томской губернской почтовой конторы, городские и мещанские управы и думы Томской губернии. Всего за май – июнь 1884 г. в Комитет помощи погорельцам поступило 5 251 руб. с копейками, а также более 41 пуда муки ржаной, 3 пуда муки пшеничной, 167 пудов ржи, 2 пуда овса и 7 пудов соли от почти 100 жертвователей (частных лиц и организаций).

Вначале действия комитета помощь ограничивалась выдачей погорельцам только предметов первой необходимости. Выдача продуктов производилась из расчета: по 2 пуда муки в месяц на взрослого человека и по 1,5 пуда на ребёнка, по 3–5 фунтов крупы, 2–3 фунта соли. Кроме того, выдавалось по 1 паре верхнего и нижнего белья. Всего в течение первых недель после пожара продукты и предметы первой необходимости получили 47 человек. По распоряжению Главного управ-

ления Алтайского горного округа 62 бывшим домовладельцам было разрешено вырубить по 230 стволов строевого леса и по 50 жердей каждому без уплаты пошлины. При распределении денег комитет учитывал имущественное положение каждого погорельца и убытки, понесённые от пожара в движимом и недвижимом имуществе. Для определения стоимости имущества учитывались ведомости по раскладке налога на него. В результате наиболее состоятельные горожане, потерявшие более дорогое имущество, получили от комитета больше денег (ТГВ. 1884. № 19, 29). Жители города, получившие пособия в период с мая по сентябрь 1884 г., представлены в табл. 2. В этот период производились основные выплаты. Стоит заметить, что некоторые жители потеряли только движимое имущество, так как они снимали комнаты у домовладельцев.

Сбор пожертвований продолжался почти год. Основная масса денежных средств поступила в Комитет помощи погорельцам летом 1884 г. Осенью этого года, а также зимой и весной 1885 г. в распоряжение комитета поступило всего несколько сотен рублей. Как и раньше, в числе жертвователей были частные лица и различные учреждения, в том числе инородческие управы, городские думы, церкви. В пользу погорельцев также поступали средства от благотворительных концертов, спектаклей и т.п. Большая часть пожертвований, поступивших осенью 1884 г., пошла на приобретение книг и учебных пособий для кузнецкого уездного (500 руб.) и приходского (100 руб.) училищ (ТГВ. 1884. № 50).

Деньги, поступившие в комитет в течение зимы 1884/85 гг., пошли в основном на выплату небольших дополнительных пособий погорельцам (Гавриилу Бехтеневу, казаку Сидорову, Анне Капелькиной, Пелагее Варфоломеевой, чиновнику Жданову), а также некоторым новым лицам: чиновнику В.А. Батюшкину (100 руб.), канцелярскому служителю Выюкову (25 руб.), наследнице мещанина Захарева (14 руб. 45 коп.). Кроме того, 150 руб. комитет передал Кузнецкой городской думе для оплаты проезда и работы архитектора, составившего новый план застройки нагорной части города (ТГВ. 1885. № 12, 15).

Всего, согласно отчётам Комитета помощи погорельцам, было собрано только деньгами более 7400 руб. В среднем на каждого домовладельца, потерявшего свое недвижимое имущество, пришлось по 100–120 руб. пособия. Если учесть, что стоимость простого деревянного одноэтажного дома в то время составляла 1500–2000 руб., то полученная сумма не покрывала и десятой части. Поэтому застройка нагорной части города шла медленно. Кроме того, возникла еще одна проблема. Многие домовладельцы хотели построить новые дома на

Список погорельцев 1884 г., которым оказана денежная помощь

№ п/п	Фамилия Имя Отчество	Социальный статус	Пособие в рублях				
			13 мая – 25 июня	25 июня – 11 июля	11 июля – 18 августа	18 августа – 20 сентября	Всего
1	Абрамов Пётр Арефьевич	Мещанин	20+15		10		45
2	Аврова	Дочь урядника				10	10
3	Андреева Таисия	Вдова чиновника	25	20	25		70
4	Антипин Онисим	Мещанин	60	30	10	10	110
5	Антонов Михаил	Мещанин		35		10	45
6	Антонов Федор Дмитриевич	Мещанин	70	25		10	105
7	Бедарева Аграфена	Вдова, крестьянка				20	20
8	Безсонов Николай Алексеевич	Отставной солдат	50	25	25	10	110
9	Бехтенов Василий Никифорович	Мещанин	100				100
10	Бехтенов Гавриил	Мещанин	30	15	15		60
11	Бехтенева Ксения Николаевна	Вдова	20	10	20	5	55
12	Варфоломеева	Казачка	30	15	5		50
13	Винтовкин Иван с сестрой Павлиной	Мещанин	50	25	10	5	90
14	Водзицкий	Окружной врач		50			50
15	Голубцов Константин Иванович	Мещанин	50	25	15	10	100
16	Девельдеева Александра Васильевна	Деввица	10	5	10		25
17	Еремин Егор Прокопьевич	Мещанин	60	30	20	10	120
18	Жданов Николай Дмитриевич	Окружной страпчий	25				25
19	Зайкова Александра Васильевна	Мещанка	30	15	15	5	65
20	Зайкова Ксения Александровна	Мещанка	100	50	25	10	185
21	Зайкова Пелагея	Мещанка	5				5
22	Зеленчуков Василий Петрович	Мещанин	50	30	10	10	100
23	Зеленчукова Анна	Деввица	30	15	5	5	55
24	Зимин Иван Никитович	Мещанин	20+20		10	5	55
25	Иванов Михаил Иванович	Мещанин	20+30		15	5	70
26	Инчукова Екатерина	Мещанка	5				5
27	Капелькин Константин	Мещанин из ссыльных	30	15	10	5	60
28	Карпов Василий Васильевич	Мещанин	30	15	15	5	65
29	Комаровская Аграфена	Солдатка	100	50	25	10	185
30	Копылов Александр	Мещанин	3				3
31	Кротков Захарий	Протоиерей	100	50	25	15	190
32	Крюкова Агафья Семёновна	Мещанка	30	20	10	5	65
33	Кузнецов Илья Порфирьевич	Отставной солдат	35	18	7	5	65
34	Куртуков Пётр Осипович с сестрой Марьей	Отставной чиновник	40	20	10	10	80
35	Малев Прокопий Иванович	Мещанин	70	35		10	115
36	Малеева Елена Ивановна	Мещанка	30	15			45
37	Мальцева Антонина Ивановна	Деввица, дочь священника	50	25	15	10	100
38	Маландер	Повивальная бабка				15	15
38	Мархинина Екатерина	Мещанка			30		30
40	Меляев Андрей	Мещанин			5		5
41	Меркурьев Алексей Петрович	Мещанин	100				100
42	Михайлов Игнатий Михайлович	Отставной солдат	30	15	15	10	70
43	Наумов Василий Семёнович	Купец	100	50	25	10	185
44	Недорезов Матвей Федорович	Мещанин	100	50	25	10	185
45	Панов Лука	Купец		150			150
46	Полосухин Александр Степанович	Мещанин	70	35	20	10	135
47	Попугаев Константин	Отставной чиновник	70	35	15	10	130

48	Родишевская Акулина	Жена канцелярского служителя	70	35	15	10	130
49	Савельев Василий Семёнович	Учитель	50				50
50	Серебряков Матвей Пахомович	Мещанин	50	25	10	5	90
51	Серебряков Пётр Алексеевич	Мещанин	30	15	10	5	60
52	Степанов Афанасий Семёнович	Мещанин	50	25	10		85
53	Степанов Семён	Мещанин				10	10
54	Сляднев Фёдор Яковлевич	Мещанин	30+20		20	10	80
55	Сидоров Иван Львович	Мещанин, казак	50	25			75
56	Сычева Евдокия Григорьевна	Купеческая жена	100		25	10	135
57	Тайданов Василий	Иноходец	15				15
58	Токмасов Алексей	Военный фельдшер			50		50
59	Толмачева Татьяна Фёдоровна	Мещанка, вдова	35	18	7		60
60	Трофимов Степан Терентьевич	Мещанин	50	25	15	10	100
61	Тюменцев Василий Федорович	Мещанин	75	35	15	10	135
62	Тюменцев Евгений	Священник	100	50	25	15	190
63	Тюшева Прасковья Фёдоровна	Мещанка	40		10	10	60
64	Тюшев Философ Хрисанфович	Учитель	50	20	10	10	90
65	Утенко Игнатий Ермолаевич	Отставной солдат	25	15	15		55
66	Ухов Василий Фирсович	Поручик	40		10	10	60
67	Ухова Елизавета	Жена отставного поручика		20			20
68	Чебыкин Флор	Солдат	5				5
69	Чешкина Анна Осиповна	Девица	15	10	10		35
70	Чижков Феофан Григорьевич	Мещанин	5				5
71	Шалабанов Фёдор	Священник	50		25		75
72	Шаньгин Христофор Семёнович	Купец	100	50	25	10	185
73	Шебалины Алексей и Дмитрий	Мещане	30	15	10		55
74	Шебалин Василий Александрович	Мещанин	50+30		20	10	110
75	Шебалин Мефодий (Нифонт) Павлович	Мещанин	50	25	15	10	100
76	Шукшин Гавриил Алексеевич	Мещанин	70		10	10	90
77	Шукшин Егор Васильевич	Мещанин	50	25		10	85
78	Щепетов Александр Петрович	Военный врач	75	30			105
79	Янова Марья Ивановна	Жена отставного чиновника	50	25	25	10	110
			3373	1506	884	455	6218

Таблица составлена по ведомостям о приходе и расходе денег, поступивших в Комитет по оказанию помощи погорельцам города Кузнецка (ТГВ. 1884. 26 июля; 2 августа; 18 октября).

прежних своих местах, поскольку земля под домами находилась в их собственности. Городская дума, ссылаясь на то, что по новому плану большая часть сгоревшей территории предназначена для площадей и новых улиц, запрещала им это делать. Конфликт дошёл до губернского присутствия, которое постановило, чтобы городские власти, если они хотят строить все по новому плану, должны выкупить землю у бывших частных владельцев и продать её новым лицам. Всё это мешало застройке выгоревшей части города (СВ. 1885. № 1).

Очередной пожар произошёл в Кузнецке 20 июля 1888 г. Как и пожар четырёхлетней давности, он мог принести много бед. Однако на этот раз пожарная команда действовала слаженно и

быстро. Пожар начался в поместье купца Васильева. Сгорели оба дома и все пристройки. Но удалось предотвратить распространение огня на близлежащие дома. Когда пожар начался, многие жители города бросились его тушить. Но после того, как опасность распространения огня миновала, они отказались заливать водой остатки строений домов Васильева. В народе ходили слухи, что у купца много недоброжелателей, поэтому жители не хотят помогать тушить его имущество. Уездному исправнику пришлось даже нанять за деньги иногородцев, которые согласились возить воду и заливать остатки жилых помещений. После этого случая уездный исправник А.Д. Ляпустин собрал жителей города в здании городской управы и отчитал их за

равнодушие к общественным бедам. Кстати, было заведено следствие по этому пожару. Ходили слухи, что дома Васильева подожгли, но ничего выяснить не удалось (СВ. 1888. № 81). Ущерб от пожара составил около 20 тыс. руб. Купец Васильев лишился почти всего своего имущества.

В том же 1888 г., 19 октября на базарной площади в Кузнецке сгорела лавка купца Уманского. Следствием было установлено, что это был поджог. Задняя стена лавки была вымазана керосином, а под угол была подложена пакля. Караульные, стоящие на базарной площади, ничего не заметили. Ночь была очень тёмная, а освещения на площади не было. После пожара купцы сбросились и поставили на базарной площади 4 фонаря. Они хотя и слабо, но освещали часть лавок на площади (СВ. 1888. № 81). Некоторые домовладельцы предложили страховать дома, но идея эта не была реализована (СВ. 1889. № 57).

Кузнецкое вольное пожарное общество.

Идея учреждения первого вольного пожарного общества возникла в Кузнецке в самом конце XIX в. На святках 3 января 1899 г. в городе произошел пожар. Загорелась завозня во дворе дома вдовы Медниковой. Возникла угроза распространения огня на сено, от которого могли загореться соседние дома. На этот пожар местная пожарная команда прибыла с большим опозданием. Даже в церквях колокольный набат зазвучал намного раньше, чем на пожарной каланче. Пожарные оказались плохо подготовлены к тушению огня, многие из них были пьяны, другие не успели одеться, третьи прибыли к месту в шубах, вывороченных наизнанку (не успели переодеться после святков и колядок). Кроме того, инструменты для тушения пожара оказались неисправными: собравшаяся толпа видела, как багры, которыми пытались растащить горящий сруб, ломались, пожарные планги не расправлялись. Тушением пожара командовали сразу несколько человек, отчего возникла полная неразбериха. Помощник исправника руководил полицейскими, смотритель тюремного замка – стражниками, в качестве руководителей выступали даже какие-то неизвестные люди. Видя всё это, жители соседних домов стали вытаскивать имущество на улицу. Пожар продолжался более 4 часов, огонь был потушен только после того, как завозня полностью сгорела (СВ. 1899. № 3).

Вскоре после пожара группа интеллигенции города предложила организовать вольное пожарное общество. Тут же была организована подписка. Жертвовали разные суммы: от 50 коп. до 50 руб. Некоторые кузнецчане передали будущему обществу старые пожарные машины, планги, инструменты (ВО. 1899. № 49).

С назначением на должность кузнецкого уездного исправника А.А. Зеленского решение вопро-

са об организации вольного пожарного общества ускорилось. Известно, что Зеленский был активным общественным деятелем, инициатором учреждения нескольких различных обществ, во всех местах своей службы. К осени 1899 г. устав Кузнецкого вольного пожарного общества был утверждён. Были выбраны все должностные лица. Оставалось решить вопрос об инвентаре. Сразу же после организации в обществе возникли некоторые разногласия. Часть членов общества была недовольна тем, что члены правления собираются отдельным кружком и не приглашают на них рядовых участников общества. Кроме того, спорным оказался и вопрос, что приобретать в первую очередь: пожарные машины и инструменты или одежду, обувь и каски для пожарников (ВО. 1899. № 226).

Известно, что первый председатель Кузнецкого вольного пожарного общества мировой судья Фридрих Штильмарк выписал из Риги каски, значки и топоры для пожарной команды. Это вызвало нарекания со стороны некоторых членов общества. Мизерный капитал общества был потрачен на дорогие аксессуары. Топоры вообще можно было заказать на одном из заводов Томской губернии. Это позволило бы сэкономить немало денежных средств (ВО. 1900. № 89).

Уже вскоре после образования общество вступило в период глубокого кризиса. Фактически оно бездействовало. Хорошо, что в городе после 1899 г. несколько лет не было пожаров, иначе дружина пожарного общества ничем не смогла бы помочь при их тушении. В течение нескольких лет ни разу не проводились учебные сборы дружинников, поэтому они не имели никаких навыков в тушении огня. В 1900 г. «Сибирская жизнь» писала: «Оно (пожарное общество. – А.Е.), как слабое, хилое дитя, никак не может стать на ножки, и если не будут приняты какие-нибудь меры, то суждено ему погибнуть на заре юных лет» (СЖ. 1900. № 239).

К сожалению, предсказания корреспондента газеты сбылись. Вольное пожарное общество распалось. Взносы не собирались, дружина бездействовала. Прекращение деятельности общества было связано во многом с отъездом в начале 1901 г. из Кузнецка уездного исправника А.А. Зеленского в Мариинск. В 1908 г. корреспондент «Сибирской жизни» Павел Анютин с сожалением писал о том, что общество кануло в Лету, не предоставив никакого отчета о денежных суммах, собранных на его организацию (СЖ. 1900. № 242).

Идея возродить общество возникла после пожара, случившегося в ночь на 25 июля 1908 г. Сгорел дом на Соборной улице, в котором помещалась аптека Манушевича. Пожар угрожал домам Янковского и Булгаковых, но их удалось отстоять. В доме Бутлаковых помещался архив и камера мирового судьи 1-го участка. Стоит заметить, что

Манушевичу вообще не везло. Два года назад сгорел его дом, стоявший на том же месте. Во время пожара 1906 г. сгорел ещё один из соседних домов, расположенных около дома Манушевича. Городской пожарный обоз, хотя и прибыл на пожар, но действовал «крайне нерасторопно» (СЖ. 1908. № 165).

Весной следующего 1909 г. в «Сибирской жизни» появилась корреспонденция, призывающая к возрождению вольного пожарного общества. Как утверждал корреспондент, инвентарь для пожарной дружины имелся, необходимо было привести в порядок делопроизводство и организовать дружину, в которую готовы записаться многие жители города. Появлению пожарного общества мешали только разногласия между его организаторами (СЖ. 1909. № 87). Возродить общество в 1909 г. не удалось.

Таким образом, один на один с пожарами оставалась кузнецкая городская пожарная команда. Правда, деятельность ее постоянно вызывала нарекания со стороны местных жителей. Так, 25 ноября около 11 часов утра в Кузнецке недалеко от городской управы вспыхнул пожар. Любопытно, что дежуривший на каланче пожарный его не заметил. Позднее выяснилось, что он вообще находился не на каланче, а спокойно играл в карты со своим товарищем. Когда всё-таки пожарным стало известно о возгорании, оказалось, что большая часть команды вместе со всеми лошадьми уехала из города за сеном. В результате тащить пожарные машины пришлось вручную. Однако когда их доставили, оказалось, что в них нет воды. Пожар тушили практически вручную силами добровольцев из числа местных жителей. После этого пожара в печати подняли вопрос о возрождении вольного пожарного общества (УС. 1911. № 8).

В очередной раз этот вопрос был вновь поставлен в 1912 г. Произошло это после двух пожаров, на которых явно ощущалась нехватка людей, способных бороться с огнем. Городской староста 11 марта 1912 г. собрал в помещении общественного управления всех лиц, готовых участвовать в воссоздании общества. На собрание прибыло всего 18 человек. Однако все они единодушно высказались за возрождение общества. Из собравшихся было выбрано временное правление, которому поручили немедленно привести всё в порядок, выяснить, какой инвентарь имеется в наличии, и выработать план дальнейшей деятельности. Поскольку устав общества был утверждён ещё в 1899 г., нового утверждения устава не требовалось (СЖ. 1912. № 65).

В Народном доме 30 марта 1912 г. в пользу возрождающегося вольного пожарного общества был дан спектакль. От продажи билетов было получено 97 рублей 50 коп. Ещё 31 рубль 75 коп. дал сбор от продажи чая. А.Ф. Барсуков лично пожертвовал

в пользу общества 3 рубля. Общий сбор составил 132 руб. 25 коп. Из него был вычтен расход на изготовление костюмов и декораций, а также за мытьё полов, отопление и освещение народного дома в сумме 29 руб. 75 коп. Таким образом, председателю вольного пожарного общества были переданы 102 руб. 50 коп. (ТТВ. 1912. № 33).

Однако, судя по всему, Кузнецкое вольное пожарное общество так и не смогло возродиться. В памятных книжках Томской губернии за 1912–1914 гг. нет никаких сведений о существовании вольного пожарного общества в Кузнецке. Возможно, оно возродилось в 1915 г., так как в газете «Сибирская жизнь» упоминается, что кузнецкое вольное пожарное общество принимало участие в благотворительности и собирало денежные средства на нужды семей призванных в армию (СЖ. 1915. № 259).

Городской сад для гуляния был устроен в Кузнецке в 1889 г. по инициативе и на средства городского головы Попова. Сад занимал около полудесятины земли на красивом берегу Каргаса – при впадении его в речку Иванцевку. Он был огорожен резной изгородью. По специально разработанному плану в саду было высажено более 400 деревьев различных пород, не считая кустарников. Кроме того, были устроены площадка для танцев, роскошная беседка и несколько скамеек для отдыха. Устройство сада заняло около года. Поскольку он был разбит на средства Попова, то считался его собственностью. Правда, он планировал впоследствии передать его в собственность города (СВ. 1889. № 76).

Празднование столетия Александра Сергеевича Пушкина в 1899 г. было знаковым событием в истории Кузнецка. Планы развития культурной жизни города, возникшие у местной интеллигенции накануне и в год празднования юбилея поэта, оказали большое влияние на историю города. Именно в год столетия Пушкина появилась идея учредить в городе народный дом – реализация плана постройки первого культурного учреждения заняла несколько лет. В тот же год возникла идея учреждения в городе общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Этот проект был реализован очень быстро, в том же году.

С самого начала 1899 г. местная интеллигенция стала строить планы по празднованию юбилея А.С. Пушкина. Сначала было решено поставить бюст поэта в помещении общественной библиотеки, но из-за нехватки денег от этой идеи отказались. Потом возникла мысль посадить сад в память великого поэта. К посадке деревьев планировалось привлечь учеников местных училищ. Потом возникла мысль построить в городе народный дом имени А.С. Пушкина.

Критика в периодической печати способствовала активизации местной интеллигенции. Еще в 1898 г. в городе планировали устроить юбилей В.Г. Белинского. Местная интеллигенция предложила поставить спектакль, провести чтения. Однако в день юбилея ничего не состоялось. В печати появились критические статьи по этому поводу. Многие полагали, что с юбилеем Пушкина произойдет то же самое (СЖ. 1898. № 120).

В 1899 г. в Кузнецк прибыл корреспондент «Сибирской жизни» Л. Сетов. Отправляясь в город, он надеялся собрать сведения о пребывании в нем Ф.М. Достоевского. Однако, к его удивлению, расспросы старожилов ничего не дали. Корреспондент писал, что на его вопросы о Достоевском местные жители только отвечали: «Чьи они будут, этот г. Достоевский». На слова Сетова, что это великий писатель, чьи произведения печатаются в приложении к журналу «Нива», ему отвечали, что в его книгах нет ничего интересного: «Все одна аллегория».

Раздосадованный неудачными интервью со старожилами корреспондент отправился в церковь, где венчался Ф.М. Достоевский. Там он решил сфотографировать метрическую запись о браке. Однако и здесь его ждало разочарование. Священник не без возмущения спросил: «К чему это нужно?». В результате Л. Сетов отказался и от этой затеи. В ходе поездки ему практически ничего не удалось узнать о пребывании Достоевского в Кузнецке. Корреспондент писал: «Обидно стало на душе после таких курьезов, тем более обидно, что за границей я был очевидцем совершенно иного отношения к знаменитым людям. Там чтут и сохраняют в памяти каждую мелочь, раз она касается знаменитости, не только своей, но и чужой. За границей везде, где только бывали выдающиеся русские люди, сохраняется воспоминание о них» (СЖ. 1899. № 106).

Подводя итоги своей поездки в Кузнецк, корреспондент «Сибирской жизни» высказал опасение, что намечаемые к юбилею великого русского поэта А.С. Пушкина мероприятия могут пройти в городе незаметно, будут организованы не лучшим образом и вряд ли всколыхнут местное общество, которое даже не интересуется Достоевским, посещавшим город много лет назад. Чтобы не упасть в грязь лицом, кузнецкая интеллигенция постаралась организовать празднование юбилея Пушкина на достойном уровне. Старания интеллигенции оказались не напрасными – праздник удался.

Связанные с юбилеем поэта мероприятия начались в городе 26 мая 1899 г. В церкви была отслужена панихида. Затем в помещении уездного училища состоялось торжественное собрание, на котором присутствовало, помимо учеников, много посторонней публики. На следующий день, 27

мая, празднование продолжилось. В помещении уездного училища снова собралось много народа. Присутствующие прослушали лекцию о жизни и творчестве поэта. Затем ученики декламировали несколько стихотворений Пушкина. Хор любителей исполнил «Гимн Пушкину» и «Боже, Царя храни», после чего всем учащимся были розданы портреты и сборники избранных сочинений поэта, а всем выпускникам были подарены полные собрания сочинений. После торжественной части было устроено чаепитие для всех учащихся училища. К чаю подавали сладости. На этом же собрании смотритель уездного училища предложил учредить в городе Кузнецке «Общество попечения о начальном образовании». Многие жители поддержали эту идею.

Вечером того же дня в помещении общественного собрания была поставлена драма в трех действиях «Станционный смотритель» – инсценировка одноименной повести А.С. Пушкина. Перед началом спектакля хор любителей музыки спел: «Гимн Пушкину», «Боже, Царя храни», «Коль славен» и «Буря». Весь сбор от спектакля был направлен на формирование фонда для устройства народного дома имени А.С. Пушкина. Планировалось, что в народном доме будут располагаться общественная библиотека, общественное собрание и зал для постановки спектаклей. Многие жители сочувственно отнеслись к идее постройки этого дома. Зрителям спектакль понравился – на этом празднование юбилея поэта было завершено (ВО. 1899. № 131).

Столетие Отечественной войны 1812 года.

В 1912 г. по всей стране прошли праздничные мероприятия, посвященные столетию Отечественной войны 1812 г. Некоторые жители Кузнецка имели непосредственное отношение к изгнанию наполеоновских войск из России. Несколько кузнецких городничих участвовали в войне и зарубежных походах русской армии. Память об этих людях жила в городе, возможно, поэтому кузнецкие приняли активное участие в торжествах.

Подготовка к празднованию столетия Отечественной войны 1812 г. в Кузнецке началась летом 1912 г. В ней принимали участие многие чиновники города и уезда: крестьянские начальники 1-го участка А.П. Миролобов, 2-го участка Б.Н. Пермикин (рис. 5), 3-го участка Л.А. Шавров, заведующий водворением переселенцев в Кузнецком подрайоне П.Н. Копылов, уездный исправник И.И. Загарин, податный инспектор А.О. Ширкевич, настоятель Спасо-Преображенского собора протоиерей отец Виссарион Минералов, городской староста П.С. Тьттыков, воинский начальник Н.С. Сухов, учитель-инспектор А.М. Кутузов, секретарь уездного съезда Ф.Я. Яременко. Все указанные лица провели несколько совещаний, в результате

Рис. 5. Борис Николаевич Пермикин, крестьянский начальник. Фото 1917 г. Из фондов НКМ

которых была выработана программа торжеств и составлен план мероприятий.

Сами торжества в городе Кузнецке проходили 25 и 26 августа 1912 г. под непосредственным руководством уездного исправника И.И. Загарина. К сожалению, в торжествах не приняли участие крестьянские начальники всех трёх участков, так как они были направлены начальством в селения уезда с целью обследования видов на урожай трав и хлебов, пострадавших от ненастья и заморозков. В первый день празднования, 25 августа, в местном соборе была отслужена заупокойная литургия, после которой участники церемонии прошли на могилу бывшего городничего и ветерана Отечественной войны Меретеева (рис. 6). На следующий день, 26 августа, был организован парад местного вольного пожарного общества и торжественный смотр солдат местной воинской команды. При этом учитель А.М. Кутузов организовал потешный парад в котором приняли участие воспитанники городского училища (рис. 7). Вечером солдаты местной команды устроили «военные игры», имитируя события столетней давности и разгром наполеоновских войск. Жители города, наблюдавшие за этими «играми», были от них в восторге.

После проведения торжеств активные участники их организации были представлены к награждению

Рис. 6. Торжественный молебен на Кузнецком кладбище на могиле участника Отечественной войны 1812 года А.Г. Меретеева. На фото: в центре – о. Виссарион (Минералов), слева от него – уездный исправник И.И. Загарин, справа (с нагрудным знаком на цепи) – городской староста П.С. Тытыяков. Фото август 1912 г. Из фондов НКМ

Рис. 7. Учащиеся Кузнецкого городского училища в роли потешных в день празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. Слева – учитель-инспектор Александр Матвеевич Кутузов. Фото 1912 г. Из фондов НКМ

дению юбилейными медалями «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года». Право на получение этой медали имели все воинские чины, состоящие на службе на момент празднования в тех войсковых частях, которые принимали участие в войне, все потомки ветеранов войны по мужской линии, а также активные участники организации торжеств юбилейных мероприятий на местах. По Томской губернии таких активных организаторов к награждению было представлено 50 человек. Двое были из Кузнецка – крестьянский начальник А.П. Миролубов и уездный исправник И.И. Загарин. В начале 1913 г. оба они получили светло-бронзовую медаль для ношения на Владимирской ленте (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6709. Л. 33, 45–46).

Общественное, или благородное, собрание Кузнецка являлось своеобразным клубом самых состоятельных и авторитетных горожан. В него входили преимущественно чиновники уездного уровня, их жены и совершеннолетние дети. Купечество было представлено наиболее богатыми и успешными предпринимателями. Купеческие жены и дети тоже становились членами собрания. Собрание имело свое самоуправление, его возглавляли выбираемые на определенный срок старшины. Членство в собрании было платным, но сумма была не так велика, поэтому она не стесняла лиц, участвующих в нем. По сведениям на 1899 г., члены общественного собрания тратили 300 рублей в год на аренду и содержание помещения. Поскольку большинство членов собрания были чиновниками, то его состав постоянно менялся (чиновников часто переводили из одного города в другой, за ними переезжали и члены их семей). Иногда состав общественного собрания практически полностью менялся в течение нескольких лет.

По сведениям Д.А. Поникаровского, общественное собрание Кузнецка сформировалось в 1860-х гг. В силу полузакрытого характера этого образования сведений о нем сохранилось мало, большую часть информации о его деятельности можно найти в периодической печати. Порой она показывала деятельность собрания и с неприглядной стороны. Общественное собрание не имело своего помещения, поэтому оно вынуждено было снимать дом. В 1881 г. между членами собрания и владельцем снимаемого дома, который, кстати, тоже являлся членом клуба, произошла ссора. Владельца дома вывели из помещения за дебош. Тогда он выбил в доме все стекла, оправдывая это тем, что он может делать со своим домом всё, что хочет (ВО. 1882. № 5).

В 1886 г. среди членов общественного собрания образовался небольшой кружок любителей драматического искусства, которые решили поставить несколько спектаклей в пользу библиотеки местного училища. Члены кружка поручили распорядительную часть зрителю этого уездного училища. Первый спектакль, несмотря на полное отсутствие декораций и грима, прошел довольно успешно. Чистая прибыль составила около 140 руб. Тогда было принято решение поставить ещё несколько спектаклей. В счёт будущего сбора были приобретены некоторые «гримировочные принадлежности» на сумму 100 руб. Второй спектакль покрыл эти расходы. После него артисты, занятые в постановке, отправились в деревню Берёзову и устроили там пикник. А третий спектакль, состоявшийся 28 декабря 1886 г., принёс доход в размере 135 руб. Все деньги были переданы в пользу библиотеки уездного училища. На Филиппов (Рождественский) пост в 1887 г. был

поставлен новый спектакль. Затем второй спектакль, оказавшийся очень удачным. Публика долго аплодировала, третий спектакль был поставлен на масленицу. К постановке предполагался ещё и четвёртый спектакль, но билеты не были проданы, поэтому его отменили (СВ. 1887. №26).

Отголоски прежних конфликтов внутри благородного общества долго еще не давали покоя любителям драматического искусства. Один актёр отказывался играть на одной сцене с другим, третий был против двух предыдущих. Всё это не лучшим образом отразилось на культурной жизни в городе. В 1889 г. возникла идея поставить несколько спектаклей с целью закупки медикаментов и основания аптеки. Но из-за проблем внутри общественного собрания ни одного спектакля поставлено не было. Как писала газета «Сибирский вестник», «вино да карты у нас над всем берут перевес и, как терние злое, заглушают едва ли не все честные порывы и стремления нашей молодежи. Жалко смотреть, как какой-нибудь молодой человек, страстно увлекавшийся минутой тому назад музыкой и пением, подходит к зеленому столу и ставит свои последние золотые часы «на туза» и равнодушно отходит назад, передавая их во владение банкомёта» (СВ. 1889. № 31).

Многие начинания общественного собрания оставались нереализованными. Так, в 1889 г. некоторые члены собрания решили устроить духовой концерт, но потом от этой затеи отказались. В конце концов было решено устроить очередной спектакль (СВ. 1889. № 44).

Одной из традиций общественного собрания были проводы чиновников, уезжающих из города в связи с переводом на другое место службы. В конце 1889 г. – начале 1890 г. сразу несколько членов общественного собрания были переведены на службу в другие города. Помощник исправника Со-в был направлен в город Екатеринбург, окружной судья А.Е. Смирнов тоже получил приказ о переводе в другое место службы. Смирнов был очень уважаемым человеком, хотя прослужил в городе очень недолго. Члены общественного собрания устроили ему торжественный прощальный обед. Деньги собирали по подписке. В том же году из Кузнецка перевели еще одного чиновника, в котором подозревали едкого корреспондента, писавшего под псевдонимом «Свербигуз». Последний служил в городе последние 5 лет и прославился критическими статьями, высмеивающими многие пороки горожан. В том же году из города уехала учительница С.Ф. Г., снискавшая самую искреннюю симпатию среди жителей Кузнецка (СВ. 1890. № 34).

После отъезда из города многих чиновников общественная жизнь на некоторое время замерла. Вновь прибывшие лица еще не успели прижиться

на новом месте. По словам одного кузнецкого корреспондента, «наша общественная жизнь не цветёт, а блекнет. Мертвящая скука царит надо всем и над всеми. В былое время бывали у нас и спектакли, и музыкальные вечера устраивались, а ныне буквально нет ничего, как будто какая-то неведомая сила сразу нас всех вогнала в непробудную спячку». Впрочем, корреспондент надеялся, что с приходом длинных зимних вечеров «начнутся у нас в скором времени маскарады и танцевальные вечера в благородном собрании, да только одно наше горе: танцевать и маскарговаться-то, кроме кучеров да кухарок, некому, а музыканты наши не играют, а душу на клочки разрывают» (СВ. 1891. № 9).

Несмотря на конфликты, кузнецкое общественное собрание оставалось культурным центром города. Члены собрания нередко организовывали различные благотворительные мероприятия. Так, в ноябре 1891 г. по инициативе городского головы С.Е. Попова была устроена в Кузнецке лотерея-аллегри в пользу голодающих Европейской России. Лотерея дала хорошие результаты, было собрано около 600 рублей. Кроме того, многие члены общественного собрания пожертвовали в пользу голодающих различные предметы. Например, Адамович пожертвовал две вазочки; Барковы – два бронзовых подсвечника, ридиколь, салфетки; Березовские – чайные серебряные ложечки; Вадзидская – швейную машину, Гандель – золотой брелок; Горст – скатерть и бронзовые часы; Денисьевы – два бокала, ридиколь; Емельянович – 20 разных мелких вещей (браслеты, брошки, подсвечники и т.д.); Медников – шляпы, перчатки, зонты, галоши, воротники и т.д.; отец Евгений – серебряную цепочку, золотой перстень, перчатки и т.д.; городской голова Попов – лошадь. Многие женщины подарили различные поделки, сделанные своими руками (вышитые скатерти, полотенца, перчатки, диванные подушечки и т.д.). Всего жертвователей было 33 человека (ВО. 1892. № 10).

Короткий всплеск общественной активности в конце 1891 г. сменился затяжной паузой. Один из кузнецких корреспондентов писал: «Скучновато все-таки жить в нашем обетованном уголке. Кроме дела, если только оно есть у кого, кроме общепринятых утех за столом, украшенным с «горячительным», других развлечений почти не бывает, а если когда и случаются, то весьма в малых размерах». Одно из ожидаемых развлечений – святки. Некоторые члены общественного собрания выступили с инициативой устройства ёлки для детей и маскарадных вечеров. Однако организаторы не нашли общего языка между собой, перессорились и решили ёлку не устраивать, а отложить ее до следующего года. Маскарадные вечера все же состоялись. Правда, по словам корреспондента, «к сожалению, все эти вечера прошли при весьма плохих услови-

ях; происходили какие-то недоразумения, несогласия, вражда, мешавшая веселому настроению духа посетителей. В обществе не было ничего общего: каждый выставлял свои личные достоинства, своё «я» в ущерб другим. В силу этого общественное собрание почти во все вечера было пусто, а если и кто заворачивал, то исключительно затем, чтобы повинтиться по трёхсотой, да сыграть несколько партий на бильярде, сопровождая каждую из них путешествием в буфет. Выход таких гусей из собрания каждый вечер ознаменовывался поправлением физии какому-либо лицу. Для предупреждения подобного рода мордобитий приходилось прибегать к помощи полицейской власти» (СВ. 1892. № 14). Видимо, смена значительной части состава общественного собрания не лучшим образом сказалась на взаимопонимании его членов.

Разногласия в общественном собрании зашли слишком далеко. Празднование Рождества 1893 г. закончилось дракой. К этому времени в общественном собрании стали всё чаще появляться приисковские рабочие, которые посещали преимущественно буфет, где продавали спиртное. Газета писала, что общественное собрание Кузнецка доживало свои последние дни, так как только с его закрытием можно было надеяться на «прекращение распрей и драк» (СВ. 1893. № 20).

Кризис в общественном собрании продолжался несколько лет. Иногда в печати появлялись скандальные подробности внутренней жизни кузнецкой элиты. Так, например, на Рождество 6 января 1897 г. в благородном собрании произошёл грандиозный скандал, когда на устроенную в собрании ёлку были приглашены ученики уездного и приходского училища. Большинство это были дети из бедных семей. Это не понравилось некоторым представителям благородного общества, и они стали настаивать на том, чтобы ученики и их родители покинули ёлку (ТЛ. 1897. № 32).

Позднее произошел еще один конфликт. Один из членов собрания, будучи чем-то оскорбленным, со злости запретил группе активных членов собрания играть в карты. Более того, он составил на них протокол и пригрозил судебным разбирательством. Обиженные участники игры стали утверждать, что «цвик» не является азартной игрой и её нельзя запрещать. В эту игру играют даже судьи и представители власти. Характеризуя общественную жизнь Кузнецка, газета «Томский листок» писала: «Карты, выпивки и закуски – наше главное препровождение времени» (ТЛ. 1897. № 107).

Со временем в общественное собрание города стали проникать лица неблагородного сословия, удачливые приисковские рабочие, ловкие приказчики, различные дельцы. В 1897 г. корреспондент «Сибирского вестника» обратил внимание на то, что в кузнецком общественном собрании сложи-

лись две группы, или, можно даже сказать, касты. Корреспондент назвал их на казахский манер «аксуёк» и «кара-суёк». Первый термин обозначает людей «белой кости», а второй – «черной кости». Между двумя этими группами возникали постоянные разногласия. Представители «белой кости» выступали за старые порядки, игру в карты, галантность и обходительность. Они не нашли понимания со стороны людей «черной кости» и решили выйти из общественного собрания. Более того, представители чиновничества уездного уровня объявили о намерении создать свое отдельное «благородное» общество, отдельное от общественного собрания Кузнецка (СВ. 1897. № 38).

Как оказалось впоследствии, разделение общественного собрания пошло ему на пользу. Представители благородной части собрания уже летом 1897 г. дали три благотворительных спектакля. После трёхлетнего перерыва публика пошла на них с большим удовольствием. Денежный сбор оказался даже больше, чем ожидали самые оптимистично настроенные организаторы спектаклей. Денежный сбор был направлен в пользу неимущих учеников и общественной библиотеки. Часть средств была направлена на приобретение рояля или пианино. Любители-актеры надеялись, что учреждаемое на новых началах общественное собрание будет более привлекательным для публики, если в нём будет звучать хорошая музыка. Благородные члены собрания намеревались нормализовать деятельность буфета, уйти от разделения общества на кружки и вернуться к старым добрым временам, когда члены собрания собирались вместе, ставили спектакли, оказывали посильную помощь ученикам училищ и библиотекам (СВ. 1897. № 112).

В следующем году активная деятельность членов общественного собрания продолжилась. В воскресенье 30 августа 1898 г. в помещении общественного собрания была поставлена комедия Дьяченко «Гувернёр», затем были сыграны комедия-шутка Грессора «Накануне золотой свадьбы». Как писала пресса, «все любители играли очень одушевленно и дружно, так что вполне можно надеяться на успех в будущем». Правда, цены на билеты на первые места были достаточно высоки, поэтому они почти все пустовали. Общий сбор составил около 70 руб. Все средства были направлены в пользу учащихся (СВ. 1898. № 195).

Несмотря на некоторое оживление общественной жизни и активизацию членов общественного собрания в конце XIX в., в его деятельности были еще серьезные проблемы. Так, наибольшее беспокойство у членов собрания из интеллигенции вызывал буфет, расположенный в помещении общественного собрания. По сведениям одного из корреспондентов, в этом буфете, «кроме водки (которую, впрочем, величают вином) и коньяка,

других напитков (хотя бы чистой воды или кваса) здесь не имеется...Таксы на вино в собрании не существует, а потому буфетчик волен брать за вино (не водку, а – вино) сколько ему заблагорассудится». Еще одной проблемой была карточная игра. «В кузнецком общественном собрании в карты играют точно запоём, если можно так выразиться, и при этом, чаще всего, конечно, в 20-х числах каждого месяца; соберутся этак, 21-го вечером, да и кончат играть примерно так 24-го, 25-го утрачком. Оригинально, при этом, что чай пить, обежать и ужинать господа партнёры бегают домой, каждый к себе домой. Не менее оригинально и то, что штрафы за игру сверх положенного времени в пользу собрания не взимаются, – да и к чему? Господа старшины – самые первые картёжники, что касается до кассы собрания, то таковая не нуждается в доходах: к чему? Для чего? Требования у господ членов невелики, да и так, кажется, ладно» (СВ. 1898. № 244).

В общественном собрании Кузнецка 9 декабря 1898 г. состоялся прощальный обед в честь супругов Матвеевых. Оба они работали в течение 5 лет в городе врачами. Супруга считалась лучшей в городе акушеркой. В газетах появились весьма лестные отзывы об их деятельности в Кузнецке. «Сибирский вестник» писал: «Нельзя не упомянуть уехавших добрым словом: все, в особенности бедные и богатые, знакомые и незнакомые, во всякое время дня и ночи, близко или издалека имели к ним доступ». «Это были честные, добрые, любвеобильные и безупречные люди, всеми без исключения уважаемые супруги» (СВ. 1898. №273). По настоянию отъезжающего ему была послана депутация из детей. Впрочем, некоторые жители без сожаления провожали врача, так как не очень были довольны его службой в городе (СВ. 1899. №49).

На рождественские праздники 1899 г. члены общественного собрания устроили ёлку для учащихся уездного, двух приходских училищ (мужского и женского) и церковно-приходской школы. Беднейшим учащимся был выдан ситец на пошив одежды. На этой ёлке впервые в городе был показан сеанс синемаатографа, вызвавший большой интерес у детей. Кроме этого на ёлке демонстрировался графофон, исполнивший несколько музыкальных пьес. Некоторые из учащихся декламировали перед графофоном басни и стихотворения, которые тут же воспроизводили. Записки оказались очень неплохого качества. Всего на ёлке были около 250 детей.

В пользу общественной библиотеки 14 февраля 1899 г. были поставлены два спектакля: «Воспитанница» по пьесе А. Островского и «Без жены, или Начальник в гостях» по пьесе Михайлова. Чистый сбор составил 66 руб. На масленице в том же году был устроен литературно-драматический ве-

чер в пользу голодающих. На нём было собрано 87 руб. Острой оставалась проблема карточных игр. Многие члены общественного собрания отличались азартностью. К этому злу прибавились еще и лотереи. Вот как описывал корреспондент «Восточного обозрения» эти азартные игры: «На лотереях этих разыгрывается, конечно, разная ветошь, но, очевидно, они дают их устроителям немалую пользу; такие лотереи приравниваются к 20-му числу. Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний... бывает на этих лотереях! Часто за одним столом режутся с возбужденными лицами в «польский банк» или «стуколку» человек 6–7, тут и чиновник, и купчик лет 18, пользующийся неограниченно тятенькиным сундуком, и кучер купца П., и испитой господин, и целовальник купца К., педагог, проигрывающий несчастные 28 рублей с копейками, а дома – жена, дети, старуха-мать... Шум, гам, облака табачного дыма, и игра по суткам, по двое, до отупения... до обалдения ... и обо всем этом знают, но не принимают никаких мер, а давно бы пора прекратить эту мерзость, пользующуюся у нас почему-то правом гражданства» (ВО. 1899. № 69).

В помещении общественного собрания 3 марта 1899 г. был устроен прощальный вечер в честь помощника уездного исправника А.А. Ващенко. Его перевели на службу в Вилюйск Якутской области. В Кузнецке он служил несколько лет. В городе он снискал себе славу честного и безупречного чиновника. Ващенко ни с кем и никогда не ссорился. Поэтому на прощальном вечере многие произнесли благодарственные слова. Во время ответного слова Ващенко даже прослезился, что никого не удивило, так как он был известен как человек мягкий и сентиментальный (СВ. 1899. № 63).

На Пасху в общественном собрании был организован праздник с благотворительными целями. Членам собрания был разослан подписной лист. Поскольку он вызвал некоторую сумятицу в благородном сословии, приведём его текст полностью. «Лица, желающие вместо предстоящих пасхальных визитов поздравить друг друга в общественном собрании, благоволят внести не менее 1 рубля и в первый день Пасхи в 12 часов дня пожаловать в общественное собрание, где для гг. подписавшихся будет устроено пасхальное угощение. Остатки от расходов на угощение поступят в пользу арестантов местной тюрьмы. Пожертвования сверх 1 рубля поступят в пользу арестантов целиком». Некоторые жители не поняли суть подписки, будут ли они праздновать, если дадут более 1 рубля, или все их деньги пойдут в пользу арестантов? Другие подписались на одни только остатки, третьи задались вопросом, а будет ли вышивка? Словом, из-за неразберихи празднование Пасхи чуть не сорвалось (СВ. 1899. № 94).

В 1899 г. были устроены сразу несколько мероприятий в пользу голодающих Европейской России. На вечере, прошедшем 23 февраля 1899 г., были поставлены три спектакля: «Победителей не судят» Самойлова, «Записки сумасшедшего» по Гоголю и «Денщик подвёл» Трубина. Не обошлось и без казусов. Один из участников спектакля дал свое согласие играть в нём, был на всех репетициях, а когда дело дошло до самого выступления, то он отказался играть свою роль. Зал общественного собрания был не всегда полон. Особенно мало было посетителей из купечества, у которого были финансовые возможности, и оно могло бы оказать существенную помощь (СВ. 1899. № 56).

Сбор от спектакля, сыгранного 23 февраля, составил около 87 руб. Устроители вечера не знали, как с ними поступить. Спектакли в пользу голодающих Европейской России проводились в городе очень редко. В дело вмешалась полиция: полицейский надзиратель Кузнецка нашел закон, где было сказано, что деньги от благотворительности нужно пересылать в Европейскую Россию через местную полицию. Правда, закон этот он никому не показал (СЖ. 1899. № 71).

А 20 апреля был устроен музыкально-вокальный вечер. Инициатором его проведения был старший врач кузнецкого лазарета Григорий Васильевич Казанский. Программа состояла из 13 номеров, всего было задействовано 11 любителей поэзии, музыки и пения (СВ. 1899. № 94).

В зале общественного собрания 23 мая был устроен бал-базар в пользу голодающих. Одним из главных действующих лиц был Малеев, ему поручили собирать деньги. Помощниками и активными участниками базара были Казанский и Зарецкий. При этом Зарецкий предварительно устроил небольшой базар в пользу голодающих у себя дома. Активными участниками бала-базара были жены почти всех чиновников города. На базаре были приобретены в пользу голодающих две коровы и одна лошадь (СВ. 1899. № 119).

Очередной концерт в пользу голодающих был устроен 27 мая 1899 г. По его окончании члены общественного собрания остались, чтобы отпраздновать мероприятие «выпивкой без остатка». Сначала собравшиеся шутили, потом началась ссора, закончившаяся дракой. В этой драке пострадал один из членов собрания. Во время потасовки ему проткнули вилкой три пальца на руке. Серьёзно были повреждены сухожилия, решался даже вопрос об ампутации всей кисти пострадавшей руки (СВ. 1899. № 122). Тем не менее, несмотря на все инциденты, в общей сложности в пользу голодающих России было собрано около 1000 руб. Сумма довольно приличная для маленького городка.

Очень богатым на различные мероприятия оказался 1899 г.: спектакли, подписки и концерты.

Один из корреспондентов «Сибирского вестника» писал: «Никогда кузнецане не переживали такой лихорадочной деятельности, как последнее время: спектакли, организация противопожарного общества, разные подписки и сборы; концерт, базар, чествование Пушкина; письма княгини Шаховской о присылке почтовых марок, бывших в употреблении; письма общества Красного креста о присылке рубля в пользу голодающих, вновь подписки на церкви и прочее, и вновь спектакли... Да, просто: не знаешь, где и денег брать!» (СВ. 1899. № 129).

В 1900 г. внимание большинства членов общественного собрания было приковано к Англо-бурской войне. Как писал корреспондент «Сибирской жизни», «симпатия к бурам до такой степени охватила кузнецан, что они, чего прежде никогда не бывало, стали с нетерпением ожидать прибытия почты, стремясь поскорее узнать о положении угнетённых «буречков», как некоторые кузнецане ласкательно называют буров. Прежде играли у нас в карты с благоговением молча, а теперь даже за зеленым полем среди обычных возгласов «семпик», «большой шлем в бубнах» и т.п. можно услышать и разговор о полученной телеграмме с поля военных действий. Даже гостей хозяева, благодаря симпатиям к бурам, чаще приглашают к закусочному столу, чтобы выпить за здоровье Крюгера, Кронье и других вождей буречков» (СЖ. 1900. № 113).

На Рождество и празднование Нового 1901 г. в помещении общественного собрания были устроены две ёлки. Одна – для учеников уездного училища, другая – для учеников приходского училища. На Новый год был назначен спектакль. Планировалось поставить пьесу «Не в свои сани не садись» Островского и водевиль «Дорогой поцелуй». Однако из-за болезни некоторых актёров-любителей спектакль пришлось отложить на начало января. В это же время общественное собрание Кузнецка подверглось критике со стороны корреспондента «Сибирской жизни». В очередной раз пресса обратила внимание на то, что в Кузнецком общественном собрании постоянно идут игра в карты, бильярд и выпивки. По его мнению, собрание «отличается от кузнецкого трактирного заведения с бильярдом только тем, что последнее находится рядом с полицейским управлением и каталажкой, а общественное собрание довольно отдалено от сих мест» (СЖ. 1901. № 24).

На масленицу 8 февраля 1901 г. любителями был поставлен спектакль в пользу пострадавших от неурожая. Чистый сбор составил около 110 руб. Деньги были отправлены по назначению. На 18 февраля инициативная группа общественных деятелей организовала народные чтения в воинских казармах. Присутствовало около 400 человек. Читались «Путешествия по святым местам» и «Об императоре Александре I». А 25 февраля чтения

продолжились в уездном училище и в Кузнецком тюремном замке. Во время чтений в воинской казарме были выставлены кружки для добровольного сбора пожертвований. Солдаты охотно вкладывали в них свои скромные деньги (СЖ. 1901. № 58).

В январе 1906 г. в помещении общественного собрания был устроен маскарад. На нём были представлены весьма любопытные маски, изготовленные членами общественного собрания. Помимо искусного изготовления, они отличались тонким намёком. Одна маска изображала правой половиной от головы до сапог человека, бедно одетого во всё серенькое, с надписью на рукаве: «Кузнецкий адвокат до приезда судьи», а другая половина представляла человека, одетого в черный изящный сюртук, с надписью на рукаве: «Кузнецкий адвокат по приезде судьи», а на груди этой маски была надпись: «Союз». Вторая маска была не менее оригинальной, она изображала болото. По зеленому фону раскинуты лужицы, окаймлённые мхом. Вся фигура этого участника маскарада была покрыта лопухами, под которыми были листочки с надписями и рисунки из местной кузнецкой жизни. На одном из рисунков была изображена фигура в мундире, сидящая по пояс в луже, с надписью «отсиживается», вдали виднелись домики с надписью «Змеиногорск». Некоторые участники маскарада догадывались, кто имелся в виду под этой маской (СЖ. 1906. № 29).

В апреле 1907 г. в помещении общественного собрания состоялся спектакль в честь врача Ромуальда Клементьевича Гадомского, переводимого на службу в Якутскую область. Поставлена была пьеса Гарина-Виндинга «Сейчас мой выход», комедия Мансфельда «Щекотливое поручение» и шутка Ленского «Роковой дебют». Во время второго перерыва члены общественного собрания преподнесли в подарок Гадомскому полное собрание сочинений Шиллера. Затем длинные и теплые речи произнесли Б-н и Вод-к. Оба отметили, что Гадомский завоевал симпатию всего местного общества, благодаря той огромной пользе, которую он оказывал в течение двенадцатилетнего служения в Кузнецке (СЖ. 1907. № 19).

Осенью 1908 г. в помещении общественного собрания был организован вечер в честь отъезжающего из города уездного исправника Донорского. Инициатором вечера было местное купечество. Правда, не все положительно оценивали деятельность Донорского. По словам одного корреспондента, он не сделал ничего хорошего и полезного для кузнецкого общества. Особенно блекло смотрится его деятельность на фоне бывшего исправника А.А. Зеленского, который стал инициатором организации в Кузнецке «Общества вспомоществования учащимся» и «Вольной пожарной дружины» (СЖ. 1908. № 242).

Спектакли и благотворительные вечера в общественном собрании перемешивались со скандалами и ссорами. Так, 23 февраля произошла даже драка между двумя участниками «благородного собрания». В присутствии старшин собрания и его председателя один из членов был избит до потери чувств (СЖ. 1908. № 81).

Члены общественного собрания по инициативе О. Карповой 15 апреля 1908 г. устроили бал-базар со спектаклем и музыкальным отделением в пользу «недостающих» студентов Томского университета. Подробный отчет был напечатан в «Сибирской жизни». От продажи входных билетов было выручено более 60 руб., от продажи чая, кофе, фруктов, цветов поступило более 24 руб., от продажи призов было выручено около 112 руб. Кроме того, Медникова, Манушевич и Шубарские пожертвовали более 8 руб. Доход от буфета составил 17 с лишним рублей. Всего было выручено 242 руб. 40 коп. Расходную часть составили оплата телеграмм, печатание афиш, устройство декораций, закупка призов, аренда помещения, оплата услуг музыканта и т.д. Всего в расход было записано 111 руб. 39 коп. Чистая прибыль составила 131 руб. 1 коп. 28 апреля вся прибыль была отправлена через уездное полицейское управление в Томск.

В музыкальном отделении приняли участие жены чиновников и предпринимателей: Сомашко, Казанская, Волкова. В спектакле участвовали Нешумова, Жукова, Ешина, Жуков, Безсонова, Серебренникова. Е.В. Попова занималась устройством чайного стола, Реченская заведовала буфетом, продажей бантиков и цветов занимались Серебренникова и Минералова. Пожертвования поступили от частных лиц: Поповых, Казанской, Куртегешевой, Емельяновой, Сычевых, Ешина, Ливинского, Медниковой, Паутовой, Тытыякова, Грузиновых, Коротковича, Гончаревского, Еременко, Ананьиной, Окуловой, а также от магазинов Фонарева и Шутова. Госпожа Красимович пожертвовала пиво и квас, Дьяков (рис. 8) – фрукты. Помощником устроительницы О. Карповой был Ешин (СЖ. 1908. № 104).

Перед Первой мировой войной деятельность общественного собрания Кузнецка постепенно стала ослабевать. Все дело в том, что с появлением в городе нескольких культурно-просветительных обществ многие члены общественного собрания сосредоточили свою деятельность именно в этих организациях. Кроме того, после революции 1905–1907 гг. усилилась политизация общества, при этом культурная деятельность сократилась.

Тем не менее общественное собрание города Кузнецка продолжало существовать вплоть до революции 1917 г. Последнее упоминание о нем имеется за 1914 г., когда во время беспорядков,

Рис. 8. Иннокентий Иванович Дьяков. Мировой судья 2-го участка Кузнецкого уезда, коллежский асессор. Фото 1900-х гг. Из частного собрания И.М. Яковлевой

произошедших в городе во время мобилизации, запасные нижние чины разгромили помещение общественного собрания, похитив при этом столовое серебро и различное бельё. Помещение этого собрания располагалось в то время в одном доме с магазином Выгнова (СЖ. 1916. № 46).

Здравоохранение. В середине XIX в. в стране были образованы особые врачебно-административные учреждения – *губернские и уездные комитеты общественного здоровья*. Губернские комитеты находились под председательством губернатора, в них входили представители полиции, духовенства, медицинских учреждений и других лиц. В округе комитеты находились в ведении окружного исправника, в них входили представители органов власти и самоуправления, городские и уездные врачи, священники. Томский губернский комитет общественного здоровья, а также Кузнецкий окружной комитет стали действовать с середины XIX в. Важнейшей функцией комитетов общественного здоровья была борьба с заразными болезнями и эпидемиями.

В том же 1881 г. дифтерия была обнаружена и в Кузнецком округе. Кроме того, в округе появилось и более опасное заболевание – тиф. В декабре в Кузнецке был создан комитет общественного здоровья. В него вошли представители полиции и

окружной врач. Комитет разработал специальное постановление из 10 пунктов, призывающее население соблюдать правила гигиены и санитарные нормы. Комитет признал, «что дурные гигиенические и санитарные условия особенно скученного и бедного населения, служат самой лучшей почвой для развития появившегося или принесённого извне яда». Болезнь удалось остановить. В 1882 г. случаев заболевания тифом в Кузнецком округе выявлено не было (ВО. 1882. № 5).

Зимой 1883/84 г. в Кузнецком округе крупный рогатый скот был заражен чумой. Больше всего пострадавших было в селе Бачатском. Появилась чума и в окрестностях Кузнецка, и в самом городе. В феврале 1883 г. был создан уездный комитет общественного здоровья, в который вошли представители уездной власти, полиции и врачи. Комитет призвал жителей уезда соблюдать санитарные нормы и разработал соответствующие рекомендации. В тот же месяц состоялось заседание Кузнецкой городской думы. В результате дума постановила разбить город на 13 секторов, в каждом из них избрать специального санитаря, который обязан был ежедневно обходить каждый двор своего участка. В случае обнаружения павшей скотины он должен был сообщить об этом полиции. Затем специальный санитарный отряд вывозил павший скот в могильники и там сжигал его. На всех дорогах, ведущих в город, были поставлены карантинные отряды из местных жителей. Они должны были не пропускать никого, кто вёз в город скот или кожи. Карантинные отряды стояли круглосуточно и обязаны были жечь костры. На санитарные нужды город выделил 150 рублей. Ответственность за соблюдение санитарных норм была возложена на двух мещан Андреяна Безсонова и Михаила Трофимова. В случае обнаружения нарушений они должны были через полицию возбуждать дела о наложении штрафов (ТАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1903. Л. 238–239об.).

Однако многие крестьяне нарушали санитарные требования. Они снимали шкуры с умерших животных, а трупы закапывали прямо у себя во дворе, так как считалось, что если хозяин вывезет павшее животное за пределы своего двора, то вся остальная скотина тоже околеет. Народная традиция оборачивалась распространением заболевания. Как писала газета «Восточное обозрение», бывали случаи, когда в деревнях умирали все коровы и лошади (несколько тысяч голов), оставался только молодняк. Ветеринара в Кузнецком округе не было, его присылали из Томска. Пока он приедет, весь скот уже падёт. «Плачь и стон стоит по улице, когда вывозят со двора попилиц и кормилиц, как называют крестьяне рогатый скот. Ведь нелегко домохозяину-крестьянину вывезти со двора в неделю десять, двадцать или тридцать

скотин, а здешний народ держит помногу скота, как для молока, так и для продажи». Были случаи, когда после падежа скотины, хозяева заканчивали жизнь самоубийством, так как домашние животные – единственные кормилицы в семье (ВО. 1884. № 11, 18).

Частые эпизоотии в 1880-х гг. в Томской губернии беспокоили не только местные губернские и уездные власти, но и центральную власть. Длительное время в Министерстве внутренних дел обсуждался проект развития сельской медицины в Западной Сибири. Наконец, в мае 1888 г. было издано утверждённое императором Положение Государственного совета «Об устройстве сельской медицинской части в губерниях Тобольской и Томской». Согласно этому положению, в каждом уезде этих губерний были введены должности участковых сельских врачей. В обязанности этих врачей входила, прежде всего, борьба с заразными болезнями в деревнях и сёлах подведомственного им уезда. Предполагалось, что со временем в наиболее крупных селениях уезда будут построены сельские лечебницы. При каждом участковом сельском враче были определены по 5 фельдшеров (2 высшего и 3 низшего окладов) и по 3 повивальных бабки (ПСЗРИ-II. № 5189). После введения должностей сельских врачей медицинское обслуживание в Кузнецком округе стало постепенно улучшаться.

В последней четверти XIX в. Кузнецк не отличался хорошим санитарным состоянием. К 1880-м гг. практически ежегодно в городе и в округе вспыхивали какие-нибудь инфекционные болезни. Как писала газета «Сибирский вестник», «дифтерит, скарлатина и оспа – постоянные гости кузнецкой весны». Никакие меры локального характера, предпринятые в каждой отдельно взятой семье, к положительному результату не приводят. По мнению газеты, проблема в самом санитарном состоянии города Кузнецка. Вот, что писал корреспондент указанной газеты: «Выйдите только утром на улицу, и вы поймете всю возможность появления эпидемии, так как от дорог, покрытых навозом, от навозных куч, разбросанных всюду, от помойных ям, луж и Картасского болота вонючие и, без сомнения, вредные испарения поднимаются, подобно густому и непроницаемому туману. А днём представляется взору другая картина. Тогда весь скот городских обывателей – овцы, коровы, свиньи и лошади – целыми табунами гуляют по главным и неглавным улицам Кузнецка, так, что новому человеку весьма трудно разобрать что это: город ли, или деревенская поскотина?» (СВ. 1889. № 44). Само санитарное состояние города не способствовало борьбе с заразными заболеваниями.

Кузнецк практически не имел промышленных заведений, но, несмотря на это, его санитарное

состояние было удручающим. Городские власти пытались принимать меры к благоустройству города. Ежегодно весной на каждый дом вешались объявления о необходимости очищать от мусора и нечистот дворы. Однако, как писала газета «Сибирская жизнь», обыватели, «прочитавши такое объявление, только посмеивались себе в бороду ... деды и прадеды наши никогда не убрали назма, да прожили же век, ну и мы проживём». Навоз лежал во дворах годами и десятилетиями. Некоторые жители сваливали его в Томь. В результате, по словам корреспондента газеты, «пройти по Береговой улице, не зажавши носа, нет возможности».

Санитарное состояние многих городов и населённых пунктов Сибири к концу XIX в. Было ужасающим. Составляемые санитарные отчёты не были унифицированными, поэтому власти не только в губернии, но и в столице не могли представить себе полную картину. Практически ежегодно то в одном населённом пункте, то в другом наблюдались вспышки какой-либо инфекции. Иногда они перерастали в эпидемии, когда болезнь распространялась на целые уезды и даже губернии. В 1896 г. в медицинском департаменте Министерства внутренних дел наконец-то обратили пристальное внимание на санитарное состояние населённых пунктов. Причиной послужила недавно прокатившаяся по стране эпидемия холеры, унесшая тысячи жизней. В медицинском департаменте разработали программу обследования санитарного состояния населённых пунктов страны. В феврале 1896 г. соответствующее распоряжение было направлено и томскому губернатору.

По программе обследования санитарного состояния городов предполагалось получить сведения о рельефе местности, численности жителей, источниках питьевой воды, числе домов и помойных ям, протяжённости улиц, способах поддержания санитарного порядка (наличие ассенизаторского обоза, очистка улиц и отхожих мест, наличие общественных скотобоен, санитарное состояние фабрик и заводов) и т.д. (ГАГО. Ф.3. Оп. 40. Д. 17. Л. 1–2).

Кузнецкие власти представили свой санитарный отчёт в декабре 1896 г. По городскому плану за городом числилось 259 десятин земли, 4306 десятин городского выгона. Улиц в городе было 19, переулков – 18, площадей – 2, садов не было. В городе было 512 домов, из них не имеющих дворов было всего 10. Ретирадные места (туалеты) были при всех домах, но только при 386 домах они были выгребные. Чистка производилась частными лицами, либо владельцами, либо наёмными работниками. Ассенизаторского обоза не имелось. Нечистоты вывозились за город, в специально отведённое место.

Главным источником питьевой воды была Томь, вода которой была пригодна для употребления, так как она текла с гор. Воду жители набирали в протоке Иванцевке. Общественных бань в городе не было. Скотобойня находилась за городом на реке Николаевке. Кладбище имелось одно, располагалось оно на возвышении. В черте города было всего 3 кустарных производства (мыловаренные заводы). Отрицательного влияния на санитарное состояние они не оказывали (ГАГО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 17. Л. 58–62).

Санитарная очистка города проводилась двумя способами: силами заключенных местной тюрьмы и наймом желающих. Так, в феврале 1897 г. городские власти заключили два трёхлетних контракта со смотрителем тюрьмы Семёном Самойловичем Титовым и мещанином Гаврилой Самсоновичем Пономаревым. Заключенные обязаны были чистить базарную площадь и берега реки, а Пономарев обязывался очищать все ретирадные места в общественных зданиях. Тюремному смотрителю за работу город платил 78 руб. в год, а Пономареву – 120 руб. (ГАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3749. Л. 13–13об.).

В конце XIX в. Россия проводила активную внешнюю политику на Дальнем Востоке. Началось строительство Китайской восточной железной дороги, тысячи русских рабочих и специалистов оказались в Китае. Двигаясь на восток, страна столкнулась с угрозой новых эпидемий. В 1894 г. в Китае, а затем и в Индии вспыхнула эпидемия бубонной чумы. Для защиты границ России в январе 1897 г. был издан царский указ о создании «Высочайше утверждённой комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой» (Противочумная комиссия). В июне 1897 г. эта комиссия разработала и утвердила «Временные правила о принятии мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри империи».

Согласно эти правилам, в каждой губернии, где возникала опасность появления чумы, создавались *губернские и уездные санитарно-исполнительные комиссии*, выполнявшие административно-врачебные функции. В их состав входили представители полиции, медицинских учреждений, городского и сельского самоуправления, священники. Эти комиссии занимались организацией очистки почв в населённых пунктах, следили за соблюдением чистоты на улицах, площадях и т.д. Они заботились об обеспечении населения доброкачественной водой и съестными припасами. В случае появления заболевших они принимали меры, предотвращающие её распространение: разделяли населённые пункты на участки, назначали в них санитаров, организовывали помощь населению в уничтожении заразных животных, объявляли о карантине и т.д. Санитарно-исполнительные комиссии обя-

заны были привлекать к ответственности лиц, не соблюдавших карантинные ограничения или нарушавших санитарные нормы. В экстренных случаях им разрешалось использовать войска для оцепления территории, где вспыхивала болезнь, а также подавлять возможные бунты (ПСЗРИ-III. № 14267).

В Томской губернии в конце XIX в. угроза распространения холеры была не столь велика. Поэтому санитарно-исполнительные комиссии по правилам 1897 г. созданы не были. Через несколько лет, в начале XX в., угроза появления холеры была более реальной. Санитарно-исполнительные комиссии были созданы в губернии в 1904 г., действовали они на основании старого закона от 1897 г. и нового закона, подписанного в 1903 г.

В мае 1897 г. Министерство внутренних дел выступило с инициативой учреждения в городах так называемых городских полицейских врачей. Они должны были состоять в полиции, иметь такой же оклад, как и уездные врачи, но выполнять строго оговоренные функции. Городские полицейские врачи должны были выполнять судебно-медицинские и санитарно-эпидемические функции. Врачи должны были содержаться за счёт города. Томский губернатор настоятельно рекомендовал Кузнецку найти деньги на содержание полицейского врача, а также открытие в городе приёмного покоя. Вопрос о введении в Кузнецке должности городского полицейского врача обсуждался на заседании собрания городских уполномоченных дважды – в августе и сентябре 1897 г. Сначала городские власти отложили решение вопроса, а потом окончательно решили отказаться от введения должности городского полицейского врача «ввиду недостаточности денежных средств» (ГАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3749. Л. 62–63, 65–66).

По результатам проверки санитарного состояния городов и сёл Томской губернии, а также в связи с усилившейся опасностью вспышки заразных болезней в 1898 г. была проведена реформа врачебной части Томской губернии. Высочайше утверждённым 8 июня 1898 г. мнением Государственного совета было решено разделить все уезды губернии на врачебные участки. Каждый участок объединял несколько волостей. В него назначался специальный участковый врач, при нём были фельдшеры и акушерки. Участковый врач занимался «подачей медицинской помощи», «распространением оспопрививания» и выполнением «судебно-медицинских и медико-полицейских функций». Должности сельских и уездных врачей упразднились. Большинство этих врачей просто получили статус участковых врачей. Должности городских врачей, а также лекарских учеников при них сохранились. Всего в губернии была введена 41 должность участковых врачей при 82 фель-

дшерах и 41 акушерке. В августе 1900 г. в дополнение к созданным участкам было открыто еще 5 врачебных участков при 5 участковых врачах, 10 фельдшерах и 5 акушерках (ПСЗРИ-III. № 15612). В Кузнецком уезде первоначально было создано 3 врачебных участка.

С конца XIX в. санитарные обязанности городских и участковых врачей были прописаны отдельными пунктами. Врачи должны были следить за возникновением инфекционных болезней, принимать меры к лечению больных, они обязаны были проводить дезинфекцию помещений, обследовать заводы и ремесленные мастерские, в их ведении находились кладбища, скотобойни и т.п. Однако санитарная ситуация оставалась сложной. В отчёте Кузнецкого городского врача за 1899 г. в санитарном разделе было сказано, что в текущем году серьёзных эпидемий не было. Среди учеников городских училищ была вспышка кори, переболели 22 человека (1 умер). Во время надзора за торговлей на рынке были выявлены случаи продажи тухлой рыбы. К административной ответственности было привлечено 5 человек. В ходе проверки санитарного состояния школ не было выявлено серьезных нарушений. Оспопрививание проводилось регулярно. Всего был привит 71 ребёнок. В 1899 г. был проведён осмотр трёх мыловаренных заводов. Санитарное состояние их было признано удовлетворительным (ГАГО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 150. Л. 154–166).

Кстати, в 1899 г. по распоряжению полиции в городе была проведена большая работа по благоустройству улиц. Большинство дорог было засыпано щебнем и галькой. Как писала «Сибирская жизнь», «благодаря подобной инициативе в Кузнецке можно ходить во всякое время года без риска утонуть в болоте, и жители сами, без принуждения, возят гальку для улучшения своих улиц» (СЖ. 1900. № 106).

Очередная угроза проникновения холеры возникла в 1902 г. В этом году холера появилась в Китае и проникла на российский Дальний Восток. Это было начало шестой по счёту всемирной пандемии холеры, продолжавшейся более четверти века (1901–1926 гг.). Масштабы эпидемии в России были незначительными, особенно по сравнению со странами Азии, где болели и умирали миллионы людей. В 1902 г. в России заболело более 2 тыс. человек, половина из которых умерли. Болезнь распространялась с Дальнего Востока, вдоль линии Сибирской железной дороги. Предписанием томского губернатора от 25 июля 1902 г. было постановлено, чтобы в каждом городе была образована санитарная комиссия под председательством городского головы. Комиссии обязана была вести наблюдение за санитарным состоянием города, проверять скотобойни, бани, мясные и

рыбные ряды, готовить медицинские учреждения, устроить специальную холерную больницу (ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 326. Л. 1).

В августе 1903 г. из-за угрозы распространения холеры и чумы в стране были утверждены «Правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри империи». В целом они повторяли Временные правила, принятые в 1897 г. Некоторые положения старых правил были конкретизированы и дополнены. Как и раньше, правилами предусматривалось создание губернских и уездных санитарно-исполнительных комиссий. Наделенные чрезвычайными полномочиями, они организовывали борьбу с болезнями, наблюдали за санитарным состоянием населённых пунктов: городов, сёл, деревень (ПСЗРИ-III. № 23336).

Кузнецк находился в стороне от железной дороги, но опасность проникновения в город и уезд холеры существовала. В августе 1907 г. на очередном заседании собрания уполномоченных горожан было принято решение избрать постоянно действующую санитарную комиссию. Её возглавил городской староста С. Попов. В её состав вошли Д.И. Шутов, А.П. Трофимов, М.И. Фёдоров, П.А. Абрамов, Е.Я. Чупников, И.И. Родионов. На заседания комиссии приглашались все врачи города и начальник полиции. По примеру прошлых лет город был разделен на 11 участков, в каждый из которых был выбран санитар. Все расходы на покупку дезинфекционных средств были отнесены на счёт запасного капитала города (ГАГО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 1248. Л. 58–58 об., 114–114 об.).

Несмотря на усилия медиков, городских властей и полиции, эпидемия холеры в стране продолжалась. Многие зависело от квалификации местных врачей, которая была не на высоте. В Министерстве внутренних дел было принято решение «организовать при Императорском институте экспериментальной медицины двухнедельные курсы по бактериологии и эпидемиологии холеры с практическими занятиями по распознаванию холерного вибриона и по дезинфекции». На эти курсы приглашались все желающие врачи. Единственным условием было то, что командировать их должны были сами города. Томские губернские власти настоятельно советовали Кузнецку командировать в Санкт-Петербург врача для обучения. Однако кузнецкие городские власти отказались направлять в столицу врача «по неимению средств» (ГАГО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1500. Л. 18–18 об.).

Появление в Мариинске в 1908 г. холерных больных обеспокоило кузнецкие городские и уездные власти. Была проведена ревизия дезинфекционных средств. Все средства оказались в наличии. Потом был поставлен вопрос о том, где будут проходить лечение больные. Согласно инструкциям, для таких «заразно-больных» людей

необходимо было выделить специальное помещение, помещать их в одних покоях с простыми больными было нельзя. Поскольку у города не было приспособленных для этого помещений, и вообще не имелось свободных площадей, городской староста С. Попов предложил размещать больных в его усадьбе на ул. Достоевского, во флигеле. При этом он предоставлял помещение совершенно бесплатно. Городские власти приняли предложение старосты «с благодарностью» и распорядились выделить средства на оборудование флигеля и закупку дополнительных дезинфекционных средств и препаратов (ГАГО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1500. Л. 96–97).

Рост населения Томской губернии (в том числе Кузнецкого уезда) в начале XX в. вследствие проводимой правительством переселенческой политики привёл к тому, что участковые врачи просто не успевали оказывать помощь больным, которые жили в разных населенных пунктах, часто далеко отстоящих друг от друга. В 1910 г. правительство приняло решение о расширении сети врачебных участков в Томской губернии. Имеющийся штат был увеличен на 6 участковых врачей при 12 фельдшерах и 6 акушерках (ПСЗРИ-III. № 33900).

В 1913 г. была проведена очередная реформа в организации здравоохранения в губернии. Кроме участковых врачей, в каждом уезде были введены должности уездных врачей. При каждом уездном враче была учреждена должность уездного фельдшера. Уездный врач становился своего рода главным врачом, в его ведении находились все остальные врачи (участковые и городские). При этом всё здравоохранение губернии стало финансироваться из государственной казны, а не самой губернией, как это было ранее (ПСЗРИ-III. № 39745).

В 1911 г. в стране была создана специальная комиссия, которая должна была бороться с холерой и чумой. Из государственного бюджета в эту комиссию поступили немалые суммы. Комиссия имела право распределять деньги по стране и помогать тем регионам, где особенно остро нуждались в устройстве лечебниц и приобретении лекарств. Кузнецкие городские власти решили воспользоваться моментом и обратиться в правительство за помощью в постройке специальной холерной больницы (барака). В июле 1911 г. состоялось заседание уполномоченных Кузнецкого городского общественного управления, на котором было принято решение ходатайствовать о выделении 1000 руб. для устройства в Кузнецке холерной больницы и приобретении лекарств для нее. Однако томская губернская санитарно-исполнительная комиссия отклонила ходатайство, мотивируя тем, что город со своей стороны не предложил своего участия в софинансировании строительства больницы. На очередном засе-

дании собрания уполномоченных в ноябре 1913 г. было решено выделить для постройки холерной больницы 250 рублей, а недостающие 750 просить из казны. При этом городскому старосте было поручено составить смету расходов, план постройки и другие необходимые документы (ГАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 154. Л. 110–111об.).

Смета на постройку больницы для «острозаразных больных» была подготовлена осенью 1913 г. Планировалось, что приступить к ее постройке можно будет уже летом следующего 1914 г. Однако, судя по всему, построить холерную больницу так и не удалось. Летом 1914 г. началась Первая мировая война. Практически все социальные программы были свёрнуты, деньги, выделенные на их реализацию, были направлены на военные нужды. Никакими сведениями о наличии в Кузнецке холерной больницы в период Первой мировой войны мы не располагаем.

На 1915 г. система здравоохранения Кузнецка и Кузнецкого уезда выглядела следующим образом: Кузнецкий уезд состоял из 4 врачебных участков, в Кузнецком участке участковым врачом был К.П. Ядвиршис, в Бочатском – Л.И. Красулин, в Тогульском – Б.Н. Денисов, в Усть-Искитимском (ныне территория города Кемерово) – Г.А. Бухвостов. Городским врачом в Кузнецке был статский советник В.М. Басев, кузнецким уездным врачом – Н.Н. Любимов, он заведовал всеми врачами уезда.

Кузнецкое уездное училище полностью сгорело во время пожара 9 мая 1884 г. Пожар уничтожил всю мебель, все учебные пособия и библиотеку. Уцелели только книги, которые были на руках. На постройку нового здания у города не было денег. На помощь пришел городской голова С.Е. Попов. Чтобы не останавливать занятия, он нанял для училища подходящее здание, за которое платил из собственных средств 360 руб. в год. Одновременно Попов занялся поиском средств для строительства нового здания училища. Еще до пожара он пожертвовал 1,5 тыс. руб. на ремонт крыши. Но деньги эти не были потрачены. Попов выступил с ходатайством об ассигновании от правительства необходимой суммы на строительство нового училища. Ходатайство было удовлетворено, но выделено было всего 8 тыс. руб. Имеющихся денег было недостаточно. Несколько раз объявлялись торги, но никто не соглашался построить училище за 9,5 тыс. руб. Тогда городской голова С.Е. Попов решил сам приступить к строительству хозяйственным способом. Если же денег не хватит, то он возместит недостающую сумму из своих средств.

Летом 1887 г., не дожидаясь перечисления ассигнованных правительством средств, Попов нанял рабочих, закупил строительные материалы и приступил к постройке здания. На все это он по-

тратил около 5 тыс. руб. собственных денег. Вскоре поступили 8 тыс. руб. от правительства. Однако казначейство неожиданно отказалось выдавать их Попову. Оно потребовало заключения с ним контракта с обеспечением всей суммы залогом в виде процентных бумаг. С.Е. Попов был оскорблен этим требованием. К тому же у него не было залоговых бумаг на такую сумму. Он объявил, что все уже возведённые постройки считает своими собственными, а от строительства здания училища отказывается. Штатный смотритель училищ тут же предложил перенести уездное училище из Кузнецка в Бийск. В Бийске имелись подходящие помещения, да и город, по его мнению, был «более богатый и весёлый». Жители Бийска давно хлопотали об учреждении у них в городе уездного училища (СВ. 1887. № 12).

Конфликт между казначейством и городским головой был улажен. Вероятно, власти пошли на уступки. Кузнецкое уездное училище было полностью отстроено в 1888 г. Газета «Сибирский вестник» утверждала, что это было самое лучшее уездное училище во всей Западной Сибири. Классы были большими, чистыми и светлыми. Имелся рекреационный зал, стены которого были увешаны картинами, картами и другими учебными пособиями. Библиотечный фонд насчитывал 2 тыс. томов. Все помещения хорошо проветривались. В училище было всего 30 школьников, но при необходимости их число можно было увеличить в 2–3 раза.

Пришкольный участок занимал около 1 десятины. Здесь были разбиты сад, огород и цветник, засаженные представителями алтайской флоры. Рядом было устроено место для спортивных занятий. Единственным недостатком было близкое соседство училища с печально известным Картаским болотом. Важнейшей задачей на будущее было осушение этого болота (СВ. 1889. № 52).

В ноябре 1889 г. кузнецкое уездное училище посетил директор училищ Томской губернии К.И. Удовиченко. Он остался доволен новым зданием училища, поприступствовал на нескольких уроках, а затем выступил с короткой речью. Обращаясь к преподавателям, он призвал относиться к своему делу с любовью, сердечностью и искренностью. Одна из газет привела такие его слова: «Любовь, горячая, искренняя любовь, наконец, постоянная и безотчетная, есть постоянный и верный залог желаемых отечеством и семьей результатов от вверенных нам школ» (СВ. 1889. № 142).

Некоторые выпускники Кузнецкого уездного училища продолжали обучение в других учебных заведениях. Так, осенью 1900 г. три выпускника решили продолжить образование в Барнауле на учительских курсах. В городе им были устроены торжественные проводы. Почётный блюститель

Кузнецкого уездного училища И.И. Гандл вручил каждому отъезжающему выпускнику по 25 руб. (СВ. 1900. № 235).

Приходские училища. Как уже было сказано выше, в 1854 г. в Кузнецке открылось мужское приходское училище (женского приходского училища не было). Томские губернские власти постоянно побуждали кузнецкое общество к развитию образования в городе. Летом 1861 г. в Кузнецк прибыл сам губернатор Александр Дмитриевич Озерский. В очередной раз он поставил вопрос об образовании. Ему удалось уговорить некоторых чиновников и купцов учредить в Кузнецке женское училище. В августе того же года кузнецкие купцы постановили отчислять от каждого капитала по 3 руб. на учреждение женского класса при уездном училище. Одновременно городская ратуша постаралась склонить и мещанское общество к участию в этом деле. Мещане были приглашены в присутствие ратуши, но отчислять деньги на учреждение женского училища категорически отказались, по причине «бедного своего состояния». Кузнецкая городская ратуша с сожалением доносила томскому губернатору, что «мещанское общество за всеми убеждениями членов ратуши по закостенелому невежеству от участия в этом общепольном деле решительно отказалось» (ГАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 953. Л. 1–1об.).

Разумеется, томский губернатор остался недоволен таким решением. В сентябре 1861 г. он потребовал от Кузнецкого земского исправника И.М. Катанаева, чтобы тот склонил кузнецкое мещанское общество к участию в финансировании женского училища. Не известно, какие меры принял Катанаев, но через некоторое время мещане города Кузнецка согласились отчислять ежегодно по 50 руб. со всего общества на содержание женского училища. Более того, в Кузнецке был организован сбор добровольных пожертвований, который дал единовременного сбора 159 руб. 50 коп. Главными жертвователями, правда, были чиновники. Семья Катанаевых дала 30 руб., коллежский регистратор Александр Путорович – 25 руб., городничий В. Андреев и стряпчий А. Плахин – по 10 руб., купцы Александр Сычугов и Михаил Головачев – по 10 руб. Еще около 30 человек отчислили по 1–5 руб. (ГАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 953. Л. 21–21об.).

Дирекция училищ Томской губернии считала, что ежегодный сбор в Кузнецке составит не менее 100 руб., а этого должно хватить на учреждение в Кузнецке женского училища. Однако женское училище в 1861 г. так и не открылось. В январе 1862 г. штатный смотритель Кузнецкого уездного училища потребовал от городской ратуши немедленно передать собранные деньги. Неожиданно ратуша заявила, что у неё имеются только деньги, собранные с купеческих капиталов (105 руб.), обещанные

мещанские деньги (50 руб.) так и не были собраны с горожан. Но даже эти деньги она не собиралась отдавать. Ратуша заявила, что на это требуется разрешение губернского начальства. В апреле 1862 г. дирекция училищ Томской губернии признала, что действия Кузнецкой городской ратуши «вредят делу просвещения» в городе. Дирекция потребовала немедленно передать деньги штатному смотрителю Кузнецкого уездного училища, чтобы он мог открыть женское училище (ГАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 953. Л. 19–19об., 26–26об.).

Томский губернатор был очень обеспокоен таким положением дел. Об открытии в Кузнецке женского училища было уже сообщено генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю, который даже успел поблагодарить томские власти за развитие просвещения. Томский губернатор потребовал от Кузнецкой ратуши немедленно передать деньги смотрителю училищ (ГАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 953. Л. 27–27об.).

Несмотря на строгое указание губернатора, Кузнецкая городская ратуша каким-то образом умудрилась не выполнить его распоряжение. Несколько лет деньги хранились в городской ратуше. Возможно, кое-кто пользовался ими по своему усмотрению. Только в 1869 г., когда сама ратуша была уже упразднена, Кузнецкое городское хозяйственное управление попросило разрешения у губернских властей включить собранные еще 8 лет назад деньги на учреждение женского училища в смету доходов города Кузнецка. После непродолжительной переписки в ноябре того же года такое разрешение было получено (ГАГО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 953. Л. 36–36об.).

Кузнецкие приходские училища (и мужское и женское) с первого дня своего существования не имели собственных помещений. Город снимал для них подходящие здания. Поскольку денег выделялось всегда очень мало, помещения эти были часто очень ветхие и непригодные. В зимнее время не только ученики, но и учителя вынуждены были вести занятия в верхней одежде и даже в пубках и пимах. Вопрос о постройке специальных зданий неоднократно поднимался в заседаниях городской думы. Она была согласна приступить к строительству только в том случае, если горожане примут в этом самое деятельное участие. Совместными усилиями можно было выстроить необходимое здание. Однако жители отказывались собирать средства на постройку домов. В 1889 г. мужское приходское училище вынуждено было даже размещаться в двух комнатах квартиры штатного смотрителя. Это было даже хорошо, так как комнаты были теплыми и светлыми, в отличие от предыдущего помещения (СВ. 1889. № 76).

В 1894 г. кузнецкий купец и городской голова Степан Егорович Попов решил преподнести го-

роду очередной подарок – он объявил о том, что приступает к строительству каменного двухэтажного здания, специально предназначенного для размещения в нем мужского и женского приходских училищ (ВО. 1894. № 24–25). Сооружение здания было закончено осенью 1894 г. Оно обошлось Попову в 7 тыс. руб. Здание было просторным и светлым и было обнесено оградой.

В октябре 1894 г. состоялось очередное заседание Кузнецкой городской думы. Заступающий место городского головы купец Степан Васильевич Хворов объявил о передаче построенного на средства Попова здания в ведение города. При этом было отмечено, что супруга городского головы Елена Васильевна дарит также 2 иконы в серебряной оправе и 10 готовых столов для учеников. Здание передавалось при условии, что оно будет использоваться только в учебных целях. Кроме того, Попов пожелал, чтобы мужское приходское училище отныне именовалось в его честь «Стефановским», а женское в честь его жены – «Еленинским». Гласные городской думы выразили искреннюю благодарность Попову, приняли от него здание училища и постановили повесить портреты Степана Егоровича и Елены Васильевны в помещении училища. Кроме того, они заявили о намерении ходатайствовать о присвоении Попову звания почетного гражданина города Кузнецка (ГАГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 88. Л. 3–4).

В тот же год женское и мужское приходские училища переехали в новое здание. Первое из них разместилось в верхнем этаже, а второе – в нижнем. Газета «Восточное обозрение» с гордостью писала, что теперь Кузнецк превращается в «умственный центр». Построенное Поповым здание отличается «и красивой внешностью и соблюдением всех гигиенических требований». Газета восклицала: «Даже Томск не имеет подобного школьного помещения» (ВО. 1895. № 9).

Однако радость жителей Кузнецка была омрачена тем, что смотритель Кузнецкого уездного училища К.А. Батюшкин (рис. 9) распорядился снять вывеску с названиями училищ, а также портреты супругов Поповых. Батюшкин объявил, что приходские училища не могут именоваться «Стефановским» и «Еленинским», несмотря на то, что построены на их деньги. Разумеется, это оскорбило купца Попова. Заступающий место городского головы купец Хворов подал жалобу на Батюшкина, заявив, что его вмешательство является «совершенно неуместным» и преследует только его эгоистические цели (ГАГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–2).

Губернские власти стали разбираться в конфликте. Началась переписка между Томским губернским правлением и попечителем Западно-Сибирского учебного округа. Оказалось, что Батюшкин действовал в рамках закона. Согласно

Рис. 9. Капитон Алексеевич Батюшкин – смотритель Кузнецкого уездного училища. Фото 1890-х гг. Из частного собрания

существующему Положению, присвоение персонального имени училищу возможно только в том случае, если жертвователю перечислил в его пользу капитал, ежегодные проценты с которого достаточны для полного содержания этого училища. Попов только построил здание для училища, поэтому присвоить его имя училищу было нельзя (ГАГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 88. Л. 6).

Для Степана Егоровича Попова это был не единственный неприятный эпизод. Летом 1895 г. он сложил с себя полномочия городского головы. Введением в Кузнецке Городового положения 1892 г. городская дума и должность городского головы вообще были упразднены. Осенью 1895 г. уполномоченные Кузнецкого городского управления и вновь избранный городской староста чиновник Быстров предложили С.Е. Попову внести в пользу приходских училищ капитал для отчисления с него процентов на их содержание. Обиженный властями купец отказался это делать. К чести Попова надо заметить, что он не стал требовать возвращения здания в свою собственность. В результате кузнецкие приходские мужское и женское училища остались в хорошем помещении, но больше не именовались «Стефановским» и «Еленинским» (ГАГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 88. Л. 12).

После того как последовал отказ попечителя учебного округа в открытии в Кузнецке женской прогимназии, городские власти стали ходатайствовать о преобразовании женского приходского

одноклассного училища в двухклассное. Разрешение было получено, и 4 октября 1900 г. в Кузнецке состоялось торжественное открытие двухклассного женского училища. По традиции в день открытия была отслужена литургия в Преображенском соборе. На ней присутствовали ученики уездного и обоих приходских училищ. Из церкви учащиеся пошли в помещение женского приходского училища, в котором открывалось двухклассное училище. Здесь был совершен молебен. На торжественное открытие были приглашены около 50 человек из числа интеллигенции Кузнецка. Правда, пришло только человек пять. Учащиеся исполнили два гимна: один – посвященный князю Владимиру, другой – народный. От общества вспомоществования нуждающимся учащимся преобразованному училищу была преподнесена икона. Купец А.Е. Фонарёв (рис. 10) пожертвовал 50 руб. на нужды училища. Всем ученицам были вручены пакеты со сладостями (СЖ. 1900. № 235).

Женская прогимназия. Впервые идея устройства в Кузнецке женской прогимназии возникла в 1900 г. по инициативе штатного смотрителя Кузнецкого уездного училища. Но возбужденное ходатайство успехом не увенчалось, так как у города не было достаточно средств на устройство учебного заведения.

В мае 1907 г. в Кузнецк прибыл томский губернатор генерал-майор барон К.С. Нолькен. Ознакомившись с нуждами города, он особое внимание обратил на женское образование. Губернатор согласился с предложением городских властей о необходимости устройства в Кузнецке женской прогимназии. Более того, он обещал «оказать возможное содействие к осуществлению желания горожан дать своим дочерям возможно лучшее образование здесь на месте под своим родительским наблюдением». Городские власти обещали ежегодно отчислять по 500 руб. на содержание прогимназии. Однако этих денег было недостаточно. Поэтому в Кузнецке был объявлен сбор пожертвований на устройство учебного заведения.

Не дожидаясь окончания сбора средств, городские власти обратились с ходатайством об открытии прогимназии к попечителю Западно-Сибирского учебного округа. Вскоре выяснилось, что ежегодное содержание прогимназии будет обходиться в 5 тыс. руб. Казенное ведомство обещало выделить только 1 тыс. руб. в год. Соответственно, 500 руб. городских средств никак не хватало на покрытие всех расходов. Тогда городские власти через посредничество попечителя Западно-Сибирского учебного округа обратились к управляющему Кабинетом Е.И.В. с просьбой ежегодно выделять недостающую сумму на содержание женской прогимназии. Однако в октябре 1907 г. Кабинет отклонил эту просьбу. В январе

Рис. 10. Алексей Егорович Фонарёв и его дочь Лидия. Фото 1900-х гг. Из частного собрания Ирины Михайловны Яковлевой

1908 г. состоялось очередное заседание собрания уполномоченных кузнецкого городского общественного управления, на котором было принято решение «вновь возбудить вопрос о пособии на прогимназию из средств Кабинета». При этом городскому старосте Попову было поручено лично обратиться к управляющему Кабинетом с ходатайством об отчислении денег из средств Алтайского горного округа (ГАГО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1500. Л. 3–3об., 8–8об.).

Городской староста С.Е. Попов выполнил поручение. Более того, ходатайство об открытии женской прогимназии в Кузнецке было подано лично императрице Александре Федоровне. Но положительного ответа не последовало. Между тем 3 июля 1908 г. вышел новый закон, согласно которому предельный размер ежегодных казённых пособий на прогимназии был установлен в 2 тыс. руб. В связи с этим в сентябре 1908 г. в собрание уполномоченных городского общественного управления Кузнецка был приглашен учитель-инспектор городского трёхклассного училища А.М. Кутузов. Он заявил, что в частных беседах с директором народных училищ Томской губернии тот посоветовал ему вместо учреждения прогимназии заняться ходатайством о преобразовании двухклассного женского училища, действующего по программе сельских училищ, в двухклассное же училище, действующее по программе городских училищ.

При этом никаких дополнительных средств от города не потребуется, плата за обучение взиматься не будет, а программа обучения в этом училище будет соответствовать четырёхклассной гимназии. Уполномоченные городского управления согласились с необходимостью такого преобразования и поручили Кутузову подать соответствующее ходатайство директору народных училищ Томской губернии (ГАГО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1500. Л. 85–85об., 88).

Однако директор народных училищ Томской губернии не торопился с реализацией самим же предложенных преобразований. Осенью 1908 г. он потребовал от кузнецких городских властей сведения о количестве детей школьного возраста и потребности в открытии новых учебных заведений в городе. В декабре состоялось очередное собрание уполномоченных Кузнецка, на котором было доложено, что в городе проживает 599 детей (283 мальчика и 316 девочек) в возрасте от 8 до 16 лет и что Кузнецку требуется мужское ремесленное училище и женская прогимназия (ГАГО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1500. Л. 125–125об.).

В феврале 1912 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа уведомил кузнецкого городского старосту, что по проблеме устройства женской прогимназии остался невыясненным вопрос о здании, в котором она должна помещаться, так как идея с закрытием двухклассного приходского

Рис. 11. Учителя и учащиеся Кузнецкого высшего начального училища. В центре за столом за прибором – директор Андрей Георгиевич Кузнецов; слева от него священник о. Николай (Рудичев). Фото 1916 г. Из фондов НКМ

городского училища не встретила поддержки со стороны дирекции Западно-Сибирского учебного округа, потому что дети несостоятельных родителей лишались бы возможности получить бесплатное образование.

Для решения этого сложного вопроса в заседание уполномоченных города Кузнецка был приглашен учитель-инспектор Кузнецкого городского 4-классного училища А.М. Кутузов. Он согласился с доводами директора народных училищ Томской губернии, но все-таки высказался «за». Правда, Кутузов считал, что при женской прогимназии нужно будет открыть подготовительный класс, а детям из бедных семей городские власти и общество будут оказывать помощь в оплате обучения.

Собрание уполномоченных Кузнецка пришло к выводу, что город остро нуждается в женской прогимназии. При этом одновременно содержать двухклассное женское училище и прогимназию возможности не было. Поэтому собрание уполномоченных поручило «городскому управлению по-прежнему просить об открытии в г. Кузнецке 4-классной женской прогимназии с подготовительным классом из 2 отделений и о возможности упразднения двухклассного женского учи-

лища и переименования смешанного училища в женское. Таким образом, в городе останется два приходских училища: мужское и женское, а смешанное ликвидируется. Функционирующее здесь двухклассное женское училище передаёт, если возможно, инвентарь и библиотеку последнего в ведение проектируемой к открытию прогимназии». Существующее же смешанное училище предполагалось преобразовать в женское. Кроме того, городские власти гарантировали, что будут оплачивать обучение в прогимназии детей из несостоятельных семейств, правда, в том случае, если за них не сможет платить общество вспомоществования нуждающимся учащимся (ГАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 119. Л. 19–20об.).

В декабре 1912 г. собрание уполномоченных города признало, что «проектируемая в городе Кузнецке женская прогимназия, за неимением у города соответствующего помещения и требующихся на содержание таковой средств, не может быть учреждена». Подрастающее поколение девочек должно либо довольствоваться начальным образованием, либо отправляться в другой город для получения среднего образования. В связи с принятием закона о высших начальных учили-

цах городской староста предложил «возбудить ходатайство об открытии в городе Кузнецке высшего начального женского училища, содержимого на средства казны» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 119. Л. 136–137).

В январе 1913 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа уведомил томские губернские власти, что открытие высшего начального женского училища в Кузнецке «было бы весьма желательно, но главным препятствием к осуществлению этого предположения служит отсутствие помещения». Не без основания попечитель учебного округа предположил, что кузнецкое городское управление «будет комбинировать, как бы закрыть какое-либо из существующих училищ и его помещение передать открываемому женскому училищу». Этого нельзя было допустить. Поэтому попечитель учебного округа в очередной раз постарался убедить кузнецкое общество, чтобы оно нашло здание для высшего начального женского училища. Если же помещение не будет предоставлено, то он согласился на преобразование «на первое время» существующего в городе городского 4-классного мужского училища в высшее начальное училище (рис. 11) для детей обоего пола (ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 159. Л. 3–3об.).

Данное предложение вполне устраивало кузнецкие власти. На собрании уполномоченных Кузнецкого городского общественного управления в апреле 1913 г. было принято решение «возбудить в установленном порядке через господина Томского губернатора ходатайство о преобразовании с начала будущего 1913/1914 учебного года существующего городского 4-классного мужского училища в высшее начальное [училище] для детей обоего пола» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 154. Л. 35–35об.).

Неожиданно в июле 1913 г. томский губернатор предложил кузнецким властям отозвать свое ходатайство. Вместо преобразования городского 4-классного мужского училища в высшее начальное училище для обоего пола он предложил переустроить мужское училище «в какую-либо профессиональную школу». Мотивировал он свою инициативу очень просто: по «последним слухам» ему стало известно, что Министерство народного просвещения поощряет профессиональные школы и выделяет на их учреждение неплохие деньги. Однако городские уполномоченные Кузнецка, ссылаясь на мнение попечителя Западно-Сибирского учебного округа и острую необходимость обучать девочек в начальной школе, отказались «изменять свое ходатайство о преобразовании городского училища» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 154. Л. 56–56об.). В результате с начала нового учебного года, в 1914 г., в Кузнецке было открыто смешанное 4-классное училище для лиц обоего пола (СЖ. 1915. № 224).

Осенью 1915 г. на внеочередном заседании уполномоченных городского управления Кузнецка было принято решение о расширении школьной сети города. Городское управление ходатайствовало об учреждении в Кузнецке мужской гимназии и высшего начального женского училища. Судя по всему, городские власти планировали передать помещение начального высшего смешанного училища под мужскую гимназию, а под проектируемое женское высшее начальное училище предоставить новое помещение. Более того, они обещали принять на средства города расходы по отоплению и освещению этого здания, а также на содержание школьного сторожа. Для первоначального обзаведения мужской гимназии было собрано около 2 тыс. рублей. Корреспондент газеты «Сибирская жизнь» сетовал на то, что вопрос о школьном образовании Кузнецка обсуждается уже много лет, и очень надеялся, что «бумажные и словесные проекты, наконец-то получат результат» (СЖ. 1915. № 224).

Общественная библиотека (1896–1917 гг.). Идея устройства в городе общественной библиотеки возникла у интеллигенции Кузнецка в 1894 г. В этом году по инициативе городского врача К-аго (по другим данным, Столярского) любителями был дан спектакль, сбор от которого поступил на устройство общественной библиотеки. В следующем году был устроен концерт с той же целью. Идею создания библиотеки поддержал купец Степан Егорович Попов, который пожертвовал немалую сумму на ее обустройство. После этого была организована частная подписка, давшая достаточно хорошую сумму денег, которая с ранее собранными средствами была вполне достаточна для устройства библиотеки. По некоторым данным, она составила 700 руб. (ВО. 1896. № 30).

В конце 1895 г. было созвано совещание, на котором присутствовали представители торговых и промышленных кругов города. Обсуждался вопрос о приискании помещения для библиотеки, а также о библиотекаре. Помещение было найдено, кандидатуру библиотекаря тоже утвердили. Библиотеку решено было разместить в здании общественного собрания (СВ. 1896. № 16).

Несколько месяцев понадобилось инициаторам, чтобы добиться разрешения на открытие общественной библиотеки. В течение первой половины 1896 г. были выписаны и получены книги. Они были даже расставлены на полках, но до утверждения устава пользоваться ими было нельзя. Устав библиотеки был утверждён в Министерстве внутренних дел только 5 июля 1896 г. В Кузнецк он поступил лишь 10 декабря. Открытие библиотеки состоялось 15 декабря 1896 г. Некоторые представители власти на нем не присутствовали, зато было много общественных деятелей. В

день открытия по традиции был проведён торжественный молебен. На нем присутствовало около 30 мужчин и 3 женщины. После молебна хором певчих был исполнен гимн «Боже, Царя храни». По окончании гимна прозвучало троекратное «ура». Затем учитель кузнецкого уездного училища И.С. Шунков произнес речь, в которой вкратце описал историю открытия библиотеки, её назначение и возможности. Речь он закончил пожеланиями новому учреждению процветания. После этого вновь прозвучало троекратное «ура», затем хор певчих исполнил «Слава Князю Владимиру». Открытие библиотеки закончилось речью бывшего городского головы С.Е. Попова, который высказал ряд упреков в адрес кузнецкой интеллигенции, проявивший пассивность при учреждении библиотеки. Попов выразил надежду, что библиотека не заглохнет, а разовьётся и расцветёт. Его слова были встречены аплодисментами. После празднеств началась баллотировка членов в управление библиотеки и кандидатов к ним. Временно заведующим библиотекой стал Шунков, а должность библиотекаря безвозмездно принял на себя учитель уездного училища Чебыкин. Решили также вопрос о том, какие именно газеты и журналы нужно выписать на будущий 1897 г. На закупку книг имелось всего 150 руб. На момент открытия в библиотеке насчитывалось около 200 томов книг 44 авторов (СВ. 1897. № 3, 18).

Открывая библиотека предоставляла свои услуги платно. Согласно уставу, все читатели делились на разряды. Посетители первого разряда платили по 5 руб. в год, второго – по 3 руб., третьего – по 2 руб., четвертого разряда – по 1 руб. Сразу же в библиотеку записался 41 человек (19 по первому разряду, 13 – по второму, 2 – по третьему и 7 – по четвертому). С момента открытия библиотеки и по 28 марта 1897 г. 37 читателей воспользовались услугами библиотеки, в указанное время они получили 724 книги. Библиотека работала по воскресеньям, вторникам, четвергам и пятницам (кроме двенадцатых праздников). Среди периодических изданий имелись подшивки следующих журналов: «Русская мысль», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Вестник иностранной литературы», «Домашняя библиотека», «Неделя», «Вестник Европы», «Северный вестник», «Русская старина», «Образование», «Детское чтение», «Русские ведомости», «Нива», «Живописное обозрение», «Игрушечка». На подписку 1897 г. было израсходовано 200 руб. (СВ. 1897. № 83).

Некоторые газеты отмечали, что среди подписчиков было всего несколько коренных кузнецов. Большинство читателей библиотеки являлись мелкими чиновниками из числа приезжих. Численность администрации библиотеки была чуть ли не больше всего состава ее читателей. Согласно

уставу, правление библиотеки состояло из 7 членов: 2 обязательных – законоучитель-священник и штатный смотритель училищ – и 5 выборных, избираемых путём голосования. При этом выбирались еще 5 кандидатов к членам правления. В самом начале деятельности библиотеки один из её читателей подал в правление жалобу на библиотекаря Чебыкина. Но разбирательство показало, что жалоба была безосновательной (ТЛ. 1897. № 92).

В первые годы деятельность общественной библиотеки была вполне успешной. 6 и 22 июля 1897 г. в пользу библиотеки были даны два спектакля. Любителями драматического искусства была поставлена комедия А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье» и шутка в одном действии В.В. Билибина «Молчание». Перед началом спектакля артисты пропели гимн «Боже, Царя храни». Сцена была украшена цветами и зеленью. На одной из стен висели портреты императоров. Сбор от спектаклей был довольно неплохой, свободных мест в зале практически не было (ТЛ. 1897. № 166).

В августе состоялось общее собрание членов библиотечного общества, обсуждался вопрос о том, как потратить собранные средства. Предложений было много: одни высказывались за религиозные книги, другие – за литературу для детей, третьи – хотели видеть в библиотеке русских классиков. Было решено выписать книг на сумму 150 рублей. В основном это были зарубежные беллетристы. Очередное собрание членов библиотеки состоялось 2 декабря того же года. На этом собрании было решено выписать периодических изданий на 1898 г. на общую сумму 180 руб. В декабре же, 14 числа, в пользу библиотеки был дан спектакль. Поставлены были «Бешеные деньги» А.Н. Островского и водевиль «Гастролёрша» Щеглова (настоящее имя Иван Леонтьевич Леонтьев). Сбор составил более 100 руб. Игра актёров публике понравилась (ТЛ. 1897. № 197; СЖ. 1898. № 5).

На общем собрании 4 января 1898 г. был заслушан годовой отчет. Деятельность библиотеки была признана очень успешной. Собравшиеся отметили неутомимую заботу о библиотеке смотрителя уездных училищ И.С. Шункова, а также учителей Чебыкина и Черепанова, которые выполняли обязанности библиотекарей в течение всего 1897 г. на общественных началах. Финансовое положение библиотеки тоже окрепло. Благодаря нескольким спектаклям, данным любителями драматического искусства, удалось выписывать новые газеты и журналы. Кстати, любителями драматического искусства, дававшими спектакли в пользу библиотеки, были: К.А. Адамович, А.А. Адамович, М.А. Адамович, А.А. Ващенко, Т.М. Васильева, Ф.Х. Гончаров, В.С. Добротворская, М.И. Крейтер, С.И. Красимович, Л.Х. Либерман, Ф.В. Мархинин, А.Я. Малеев, М.Д. Новоселов, И.И. (или П.). Огородников,

М.Л. Печеркина, Н.Л. Рылеева, М.А. Сычев, В.С. Савельев, М.Л. Троицкая, Ф.Х. Тюшев, Д.И. Фамильцев, И.М. Чебыкин, Ю.Л. Чебыкина, Г.П. Черепанов и Е.И. Янковская (СВ. 1898. № 22; СЖ.1898. № 24).

Главным поставщиком книг для библиотеки был магазин П.И. Макушина в Томске. Фирма эта была выбрана по причине «солидности и доброкачественности». Однако не всегда магазин Макушина исправно выполнял заказы Кузнецкой общественной библиотеки. Так, в 1898 г. было выписано много книг в этом магазине, однако полученный заказ огорчил библиотекарей – несколько книг имели явный полиграфический брак. В связи с этим некоторые члены библиотечного общества предлагали отказаться от услуг магазина Макушина в Томске (СВ. 1899. № 7).

В 1899 г. деловые связи с магазином Макушина продолжились, несмотря на то, что некоторые общественные деятели Кузнецка были против сотрудничества с этой фирмой, ссылаясь на то, что заказы приходят с опозданием. Например, 22 декабря 1899 г. была заказана партия книг, журналов и газет. В срок пришли только газета «Сибирская жизнь». Большая часть заказа была выполнена только через два месяца. Некоторые журналы («Нива», «Игрушечка») не поступили в Кузнецк даже спустя три месяца. Другая проблема – высокая стоимость пересылки и упаковки книг. Услуги магазина Макушина иногда составляли до 30 процентов от стоимости самих книг (СВ. 1900. № 54).

Со временем общественную библиотеку стали критиковать. По словам одного из корреспондентов газеты «Сибирская жизнь», подписчиков в библиотеке было всего 40 человек, половина из которых ее не посещала. Читатели интересовались только беллетристикой, серьезные статьи никто не читал. Книг для «народного чтения» и бесплатной литературы в библиотеке вообще не было (СЖ. 1901. № 106).

В начале января 1901 г. было созвано общее собрание библиотечного общества, на нём проявились все недовольства, накопившиеся к этому времени. Во-первых, учитель Чебыкин отказался от исполнения обязанностей библиотекаря, мотивируя это тем, что он около трёх лет бесплатно трудился на ниве просвещения. На его место никто не был выбран, так как все отказались занимать эту должность. Во-вторых, годовой отчёт ко дню заседания подготовлен не был. Ответственный за составление отчёта объяснил это просто: он не успел подготовить документ. Впрочем, собравшимся было заявлено, что у библиотеки в наличии есть около 300 руб., которые лежат в сберегательной кассе. Этих денег должно хватить на выписку новых книг и журналов. В-третьих, разгорелись споры по поводу того, что нужно выписывать. В-четвертых, ответственный за содержание би-

блиотеки Шунков отказался от своей должности, но, так как никто не хотел брать на себя этот труд, Шунков вынужден был остаться. У библиотеки по-прежнему был очень узкий круг читателей – всего около 40 человек. Как отмечал корреспондент «Сибирской жизни», в библиотеке просто не было книг, доступных для простых жителей. Кроме того, плата за ее посещение не позволяла обывателям приобрести к чтению (СЖ. 1901. № 11).

Однако критика не могла изменить положение дел – библиотека продолжала оставаться культурным очагом для избранных. Все дело в том, что учредителями и читателями библиотеки были преимущественно чиновники города, которые подбирали литературу для себя. По словам критиков, общественная библиотека Кузнецка превратилась в некое «сословное учреждение», обслуживающее культурные запросы «небольшого числа лиц». Библиотека практически не выписывала столичные издания, за исключением «Биржевых ведомостей» и «Севера». Не все местные сибирские издания пользовались популярностью в Кузнецке. Так, некоторое время библиотека выписывала «Восточное обозрение», но поскольку в этой газете часто публиковались критические статьи, от неё отказались. Общественная библиотека не имела никаких контактов с местными школами и училищами. Ученики пользовались только своими школьными библиотеками, фонды которых не отличались разнообразием. Вопрос о предоставлении ученикам права пользоваться общественной библиотекой даже не поднимался членами библиотечного общества. По мнению корреспондента «Восточного обозрения», в последнее время библиотека «не только не прогрессирует в отношении средств и клиентов, но, пожалуй, даже падает. Причина этому, нам думается, та, что во главе правления библиотеки стоят некоторые лица, для которых мелочное тщеславие выше общественных интересов, и мы едва ли ошибёмся, если скажем, что, пока эти лица будут находиться не на своём месте, до тех пор и библиотека будет находиться в таком состоянии» (ВО. 1902. № 267).

Не лучше обстояли дела с организацией работы библиотеки – она работала всего четыре дня в неделю, по два часа. Даже в отведённые часы работы библиотекаря не всегда можно было застать на рабочем месте. Не существовало каталога книг. Кроме того, подаренные частными лицами книги не доходили до читателей. По сведениям корреспондента «Сибирской жизни», их просто запирали в шкафу и никому не выдавали. Среди подаренных книг были и сочинения Ф.М. Достоевского, человека, судьба которого была связана с уездным городом Кузнецком (СЖ. 1903. № 83).

Со временем интерес к общественной библиотеке упал даже у интеллигенции. Так, в июне 1903 г.

в помещении общественного собрания был организован спектакль в пользу библиотеки. Любители драматического искусства поставили комедию А. Островского «Доходное место». Однако ни серьезность пьесы, ни благородная цель её постановки никак не повлияли на местных чиновников. Первые ряды, где обычно располагались наиболее состоятельные горожане, пустовали. Поэтому сбор от спектакля составил очень незначительную сумму – всего около 35 руб. (СЖ. 1903. № 156).

Летом 1903 г. общественная библиотека оказалась на грани закрытия. Количество подписчиков сократилось до 5 человек, денег в кассе на выписку книг и журналов не было, многие члены библиотечного общества покинули его. Оставшиеся члены решили созвать экстренное собрание, чтобы решить судьбу библиотеки. На этом собрании потребовали отчёта у заведующего библиотекой Шункова. В ходе разбирательства выяснилось, что Шунков сам не занимался выписыванием книг, журналов и газет, как это требовал устав библиотеки. Он поручал это другому лицу, который вёл дело очень неэкономно. Например, он пересылал деньги за книги телеграфным переводом, что было гораздо дороже, чем почтовым. Из-за неудачного выбора поставщиков книг и журналов получение литературы иногда затягивалось на несколько месяцев. Журналы за зимние месяцы получали только летом. Проверка кассы библиотеки показала, что в ней недостаёт около 50 руб., которые Шунков обещал вернуть в ближайшее время. На экстренном собрании было решено снять Шункова с должности и предложить заведование библиотекой кому-нибудь другому с оплатой 10 руб. в месяц. С трудом удалось найти нового заведующего, который при проверке списка литературы выяснил, что в него не были внесены очень многие книги. Неучтённые книги были подарены разными частными лицами, их забывали вносить в списки, поэтому ими не пользовались. После экстренного заседания численность подписчиков стала расти, через некоторое время их стало 12 человек, что не позволяло говорить об общественном характере библиотеки (СВ. 1903. № 233).

Никакая критика деятельности общественной библиотеки в печати, никакие меры, принимаемые её членами для выхода из кризиса, не помогали. Долгие годы библиотека продолжала оставаться полузакрытым учреждением, обслуживающим интересы небольшой группы читателей, преимущественно из чиновничьей среды. С годами интерес у корреспондентов сибирских газет к Кузнецкой общественной библиотеке упал, информация о ней исчезла со страниц периодических изданий. Лишь в 1908 г. появились сведения о том, что в библиотеке были проведены выборы правления.

Члены правления вместо работы «впали в спячку». В члены правления не попала А.П. Ляшкевич, бывшая заведующей выдачей книг, она знала библиотечное дело, поэтому её отсутствие не лучшим образом отразилось на работе библиотеки (СЖ. 1908. № 81).

В 1911 г. была предпринята ещё одна попытка вдохнуть жизнь в библиотеку. По инициативе любителей драматического искусства 5 июня был поставлен спектакль «Кто в лес, кто по дрова». Однако он не принёс ожидаемого результата. Зал был почти пустой, и собрано всего 17 руб. 35 коп. Подводя итог благотворительной акции, газета «Сибирское слово» писала: «Всё зло заключается в нашей апатии, отсутствии общественных интересов, общественной инициативы и в разрозненности. Чтобы поставить у нас спектакль или устроить вечер, необходимо инициаторам много настойчивости, энергии в преодолении предвиденных и непредвиденных препятствий... После подобных сборов наши любители, а главным образом устроители, предпочтут благородным образом воздержаться в будущем от устройства спектаклей, не рискуя, таким образом, своим кошельком для покрытия расходов» (СС. 1911. 9 июня).

О библиотеке вспомнили неожиданно в разгар Первой мировой войны. Дело в том, что в 1915 г. по инициативе городского старосты в Кузнецке стал обсуждаться вопрос об открытии в городе городской публичной библиотеки. Она должна была стать по-настоящему общедоступной для всех жителей города, желающих приобщиться к чтению и просвещению. Городской староста провёл ряд бесед с наиболее состоятельными жителями Кузнецка, многие из них согласились участвовать в благородном деле. Городскую библиотеку планировалось открыть на базе уже существующей общественной, весь фонд которой должен был поступить во вновь открываемую библиотеку. Учредители общественной библиотеки согласны были совершенно бесплатно передать городской библиотеке около 2 тысяч книг. Город должен был за свой счёт содержать новую библиотеку и ежегодно выделять денежные средства на пополнение её фондов. Предполагалось, что городская публичная библиотека Кузнецка будет носить имя великого писателя Ф.М. Достоевского (СЖ. 1915. № 261). Пока не удалось установить, были ли реализованы все эти замыслы городских властей и общественности города.

Общество вспомоществования нуждающимся учащимся (1899–1917 гг.). Вопрос об организации этого общества был поднят в конце XIX в. в связи с ростом количества учащихся в кузнецких школах. Всерьёз идея создания общества стала обсуждаться в 1894 г. Однако тогда дальше разговоров не пошло (СВ. 1894. № 145). Во время

празднования столетия А.С. Пушкина в мае 1899 г. вопрос о создании общества активно обсуждался многими чиновниками Кузнецка. Наконец, 7 июня было создано совещание избранных горожан в количестве около 30 человек, которые принялись за составление устава нового общества. Инициаторы очень активно взялись за дело, было решено учредить «Общество попечения о начальном образовании» с очень широкими функциями и возможностями. Планировалось, что это общество будет оказывать финансовую помощь всем учебным заведениям Кузнецка и Кузнецкого уезда, строить и содержать свои собственные школы, училища и библиотеки. Устав этого общества был отправлен на утверждение в Томск. Однако по неизвестным пока причинам устав общества был переработан, и общество стало называться «Вспомоществования нуждающимся учащимся». У него были более скромные функции и возможности. Оно должно было заботиться лишь о бедных учениках, не имеющих возможности самостоятельно платить за обучение, приобретать учебную литературу. Предполагалось, что деятельность общества будет распространяться на школы, расположенные не только в городе, но и в уезде. Помимо приобретения учебников, книг и одежды для детей, общество планировало организовывать благотворительные вечера, чтения, спектакли, собирать добровольные пожертвования.

Торжественное открытие общества состоялось 10 октября 1899 г. в помещении уездного училища. Традиционно был отслужен молебен, перед которым законоучитель отец Минералов сказал короткое напутственное слово. На открытие были приглашены немногочисленные представители интеллигенции Кузнецка, пришли также простые обыватели города. Торжественную речь произнёс Шунков, объявив о целях создания общества и предложив публике статистику за последние несколько лет об учениках, получающих образование в городе. При этом он отметил, что сейчас в Кузнецке нет проблем с помещениями для училищ, а ещё несколько лет назад учеников просто негде было учить. В городе действительно были неплохие здания училищ, но они были тесными, количество учащихся превышало положенные нормы. Далее он отметил, что в городе много малоимущих семей, которые нуждаются в помощи общества. После выступления Шункова были выбраны члены правления и организована подписка по сбору добровольных пожертвований. Всего удалось собрать 160 руб., что было меньше ожидаемой суммы (ВО. 1899. № 249).

Первый год существования общества был вполне удачным. За 1900 г. в состав общества вступили 3 почетных члена, 99 действительных членов и 52 члена-соревнователя. Состав правления был

следующим: председатель – уездный исправник А.А. Зеленский, товарищ председателя – врач военного лазарета Г.В. Казанский, секретарь – смотритель уездного училища И.С. Шунков, казначей – отец В. Минералов, члены правления – городской староста С.Е. Попов, мировой судья Ф.Б. Штильмарк, купец И.М. Красимович. Средства общества составляли членские взносы (471 руб.), от различных дарителей, жертвователей и лотерей было получено 1028 руб. 95 коп. Доходы от книжного склада и катка составили 35 руб. 85 коп. Всего же за 1900 г. было собрано 2157 руб., расход составил 1088 руб. 29 коп. Таким образом, более 1000 руб. было сэкономлено для следующего года. Финансовая деятельность общества в первый год существования была очень успешной.

Очень удачной оказалась лотерея-аллегри, устроенная 8 октября 1900 г. в пользу общества. На устройство лотереи потребовалось разрешение министра внутренних дел, которое усилиями Зеленского было получено. Билет стоил всего 25 коп., все билеты были проданы. Выигрышей было 400 на 775 руб. Главными выигрышами были: дюжина столовых серебряных ложек, лошадь, швейная машина, корова, бархатные ковры. Прибыль составила более 1000 руб. – на такой успех не считывали даже сами организаторы лотереи (СЖ. 1900. № 235, 239).

Деятельность общества за 1900 г. выразилась в том, что оно заплатило за обучение в уездном училище за 10 учеников по 15 руб. за каждого. Кроме того, было куплено книг для 23 учеников на сумму 25 руб. Бедным ученикам (68 человек) было выдано одежды на 215 руб. Двум ученикам, поступившим на педагогические курсы в Барнаульское городское училище, было выдано пособие по 30 руб. каждому. В отчётном году общество сумело организовать специальный склад учебных книг и материалов. На это было израсходовано 287 руб. 92 копейки. Книги на склад покупались оптом в Томске со скидкой 10%. Продавали книги по номинальной стоимости, полученная прибыль поступала на приобретение книг для бедных учащихся. Кроме этого, общество устроило для детей новогоднюю ёлку, гуляния и построило каток. Весьма полезным было приобретение обществом за 110 руб. так называемого «волшебного фонаря». Он использовался для проекции изображения на экран, с его помощью можно было демонстрировать движущиеся картинки. Дети очень любили смотреть «волшебный фонарь» (СЖ. 1901. № 48).

Раздача подарков была одним из благотворительных актов, практиковавшихся обществом. Так, в ноябре 1900 г. бедным ученикам были розданы шубы, шапки, валенки и платки на общую сумму 140 руб. Весной следующего 1901 г. накануне Пасхи вновь были розданы подарки. Выглядело

это таким образом. Перед магазином Емельянова собрали детей из малоимущих семей. «С вытянутыми лицами, полными детского любопытства, полными напряженной сосредоточенной терпеливой энергии, представляли они одно поглощенное внимание; ни шуток, ни разговоров, ни смеху не было между ними. Они ждали, скоро, скоро ли отворится дверь, и позовут их туда. Наконец, позвали. Они все, как один, чинно, не спеша, прошли в обувное отделение для примерки сапог». Приказчик примеривал обувь, если она подходила, то выдавал сапоги совершенно бесплатно. Газета «Сибирская жизнь писала: «С каким восторгом, с какой всеобъемлющей радостью и детски улыбающимися лицами выходили бедняги из магазина, вынося в руках пару опойковых сапог, приятно издающих из себя запах ворвани». Всего было роздано 14 пар сапог, 6 пар ботинок, 11 картузов и 50 аршин материи на общую сумму 60 руб. (СЖ. 1901. № 78).

Вскоре после образования общества оказалось в кризисе, между участниками начались споры. На общем собрании членов общества 5 августа 1901 г. обсуждались разные вопросы, в том числе о постройке народного дома, об устройстве народных чтений в воскресных школах. Кроме этого был поднят вопрос о корреспонденциях, напечатанных в газетах, где критиковалась деятельность общественности Кузнецка. Обсуждались разные проекты писем, порицавших корреспонденции и корреспондентов, излагающих неверную информацию о деятельности общества. Но все они были отклонены. В конце концов один из ораторов заявил, что не стоит «обращать внимание, когда какая-нибудь низкая гадина, сидя в своей конуре, лает... пусть себе лает» (СЖ. 1901. № 191). Под словом «гадина» имелся в виду один из корреспондентов, критикующих деятельность общества.

После отъезда из города в 1901 г. исправника Зеленского и выбытия из общества еще нескольких активных членов деятельность его стала менее заметной. В печати стали появляться критические статьи. В 1902 г. было приобретено обществом 10 шуб «барнаулок» по 10 руб. за штуку. Однако нуждающихся в шубах детей было больше, чем имеющих в наличии шуб. В печати критиковалось правление общества, которое должно было сначала выяснить, сколько детей нуждаются в верхней одежде, а потом, исходя из средств, пошить простые бараньи шубы или приобрести пальто для всех. Еще одно решение правления общества вызвало не меньшую критику. Дело в том, что шубы эти выдавались не навсегда, а лишь на время обучения детей в училищах в зимний период года. Весной они должны были вернуть шубы. Кроме того, возмущались тем, что не все бедные дети получали помощь. Несправедливость раздачи вещей

выразилась в том, что в списки не были включены некоторые дети из бедных семей.

Ограниченные средства общества стали причиной обсуждения, стоит ли оказывать помощь бедным детям, показывающим недостаточные знания и отстающим в учебе. Некоторые члены общества предлагали связать оказываемую помощь с успеваемостью учеников. Однако после долгих споров было решено помогать нуждающимся независимо от их успеваемости. Не подвергалась критике политика общества только в отношении содержания за счёт средств общества бедных приезжих учащихся и одного мальчика, взятого из тюрьмы, где сидел его отец (ВО. 1903. № 4).

Совсем возмутительные факты о деятельности общества были помещены в «Восточном обозрении». По сведениям корреспондента, в Кузнецк приехали крестьянские дети близлежащих деревень. Они не имели возможности платить за квартиры и поэтому обратились за помощью к правлению общества. Общество не нашло средств для оказания им помощи, зато многие из членов общества охотно взяли детей к себе на квартиры. Только потом выяснилось, что «у этих господ умысел совсем другой был: одному просто нужен был кучер, дворник, все что хотите; другому – лакей; третьему ...впрочем, для иллюстрации довольно двух случаев». Учение этих детей шло из рук вон плохо, так как им приходилось «то в конюшне чистить, то воду возить, то «барыню» возить кататься, то «барина» – на охоту или на рыбалку», а то и «бегать почти каждый день за пивом в портерную, то за вином в кабак». Такова была «благотворительная» деятельность некоторых членов общества (ВО. 1904. № 8).

Одним из направлений деятельности общества была организация народных чтений. Организаторами выступило общество вспомоществования учащимся. Чтения проходили в помещении уездного училища. Чтения начались в Великой пост 1902 г. Они были разделены на три отделения: духовно-нравственное, историческое и беллетристика. Программа была составлена очень удачно, поэтому на чтениях присутствовало много народа. В промежутках между чтениями хор любителей исполнял песни, показывались «туманные картинки». Первое чтение было особенно многолюдно, потом количество слушателей стало сокращаться. Все дело в том, что у самих организаторов чтений «иссяк дух». Кроме того, после первого чтения показ «туманных картинок» прекратился. Каждый раз чтецы менялись, одни из них больше нравились слушателям, другие – меньше. После чтений в Великой пост решено было организовать чтения на Пасху. Но идея потерпела фиаско. В первый день чтений никто не пришел. Организаторы не учли, что на Пасху многие жители любят просто «погулять и выпить» (ВО. 1903. № 10).

В сентябре 1903 г. любителями драматического искусства были поставлены пьеса В. Протопопова «Вне жизни» и комедия «Приличия». Весь сбор предполагалось передать в пользу общества. Несмотря на то, что артисты играли неплохо, зал был практически пуст. Особенно первые ряды, где обычно располагались самые состоятельные жители города. Дело в том, что местная интеллигенция сочла эту пьесу вредной и безнравственной. Многие просто не пришли на спектакль. Денежный сбор оказался гораздо меньше планируемого. Как писала газета «Сибирская жизнь», «на этом спектакле, кажется, любители пропели свою лебединую песнь и замрут, если не навсегда, то надолго в нашем стоячем болоте». В результате бедные дети остались без «теплого платья на зиму» (СЖ. 1903. № 223).

Нелучшим образом обстояли дела с воскресной школой общества. Она была открыта осенью 1902 г. Школа помещалась в здании женского двухклассного училища. Первоначально в ней преподавали несколько учителей. Однако в начале 1904 г. осталось только две учительницы. Занятия они вели со значительными перерывами. В том же году вышло распоряжение директора училищ Томской губернии, согласно которому школа должна была немедленно съехать из помещения женского училища. Критике директора училищ Томской губернии подверглись и народные чтения, которые изредка устраивало Кузнецкое общество вспомоществования учащимся в здании городского училища. Вышло распоряжение, запрещающее проводить в здании училища народные чтения. Причина была проста, в Кузнецке был учреждён Комитет попечительств о народной трезвости, который тоже проводил народные чтения. В губернском центре решили, что два общества не должны заниматься одним и тем же (ВО. 1904. № 45).

Отчёты общества не составлялись по несколько лет, собрания не проводились. Отчёт за 1904, 1905 и 1906 гг. был составлен только в 1907 г. Согласно этому документу, в 1904–1906 гг. в распоряжении общества находилось 1744 руб. 56 коп., из них было израсходовано 1247 руб. 31 коп. Осталось к 1 января 1907 г. неприкосновенного капитала 840 руб. 99 коп., расходного капитала к этому же времени накопилось 1662 руб. 35 коп., кроме того, у общества имелось разных материалов на 15 руб., книг и учебных пособий 1080 штук на сумму 282 руб. 62 коп. Отчёт был подписан председателем правления Казанским, казначеем Донорским и секретарём Шунковым. Причины слабой деятельности общества разбирались на общем собрании 5 ноября 1906 г. Было отмечено, что главной причиной слабой активности была Русско-японская война. На этом же собрании было принято решение об усилении деятельности общества по сбору

средств и оказанию помощи нуждающимся учащимся (СЖ. 1907. № 98).

Несмотря на усилия правления, активность общества практически не выросла. В 1907 г. поступило членских взносов 219 руб., от различных увеселительных мероприятий – 176 руб. 2 коп., с книжного склада – 74 руб. 75 коп., пожертвовано г. Петоречиновым 100 руб., из кружек было вынуждено 39 руб. 94 коп., по подписным листам собрано 65 руб. 50 коп., проценты на капитал составили 76 руб. 31 коп. Всего было собрано за отчётный год 751 руб. 52 коп. В 1907 г. было израсходовано 50 руб. на плату за обучение, 17 руб. 33 коп. – за квартиры для учеников, на покупку одежды ушло 483 руб. 68 коп., на приобретение книг и учебников 660 руб. 37 коп., на лекарства было израсходовано 52 руб. 37 коп., канцелярские расходы составили 10 руб. 47 коп., содержание воскресной школы обошлось в 35 руб. 47 коп. Всего было израсходовано за 1907 г. 1309 руб. 69 коп. (ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 234. Л. 17). Таким образом, годовой расход почти в два раза превышал годовой приход денежных сумм.

Любопытно, что общество накопило долги за приобретение книг в магазинах и различных книжных складах. В 1907 г. оно только начало выплачивать свои долги за прошлые годы. Долги накапливались годами. Так, в магазин Макушина в отчётном году было заплачено 571 руб. 45 коп. за книги, полученные еще в 1904 г. За одежду, купленную в магазине Емельянова в 1905 г., был возвращён долг в размере 91 руб. 26 коп. только в 1907 г. Правлению пришлось приложить немало усилий для погашения накопившихся долгов. К 1 января 1908 г. «в обществе состояло расходного капитала 1036 руб. 51 коп., неприкосновенный капитал увеличился до 908 руб. 66 коп., разного расходного имущества было на 186 руб. 54 коп. Кроме того, книг и учебных пособий имелось 1109 экземпляров на 251 руб. 42 коп.» (ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 234. Л. 17).

В 1907 г. почётных членов состояло 10 человек, действительных членов было 79 человек (в том числе бесплатных 23 человека, все они были учащиеся), членов-соревнователей и жертвователей 50 человек. Всего в обществе было 139 человек. В составе правления были: председатель Г.В. Казанский, его товарищ Л.В. Ушаков, казначей И.Н. Донорский, секретарь (он же неперменный член) А.М. Кутузов и члены В.М. Баев, М.М. Баева, отец протоиерей Минералов. Членами ревизионной комиссии были: Г.М. Семашко, Л.Я. Уманский, К.К. Гребнев. В отчётном году из членов правления выбыли Гадомский, Куйбышев, Ушаков, Шунков и член ревизионной комиссии Гребнев. В состав правления вступил кандидат Н.А. Короткевич.

Книжным складом заведовали вместо Шункова – Кутузов и Штамов. Медицинские услуги бесплатно оказывал врач Баев. При обществе продолжала функционировать воскресная школа, в которой учился 21 человек, учителями были священник Калугин, учитель Ф.М. Яременко, учительницы Леонтьева, Усанова и не имеющие учительского звания Казанская, Карпова, Петкевич, Фонарева. Благотворительная деятельность выражалась в оплате обучения 20 учеников кузнецкого городского училища, в съёме квартиры для двоих учеников, в оказании бесплатной медицинской помощи (164 случая), в выдаче учебных пособий (16 случаев). 93 ученикам была оказана материальная помощь в виде одежды и обуви (16 пар сапог, 49 пар пимов, 11 пар ботинок, 29 теплых пальто, а также шалей, передников, шароваров и т.д.). 16 учащимся было отказано в помощи.

Со временем из общества вспомоществования нуждающимся учащимся вышли практически все учителя. Педагоги, оставшиеся в нём, не ходили на общие собрания членов общества, которое всё больше стало напоминать бюрократическую чиновничью организацию. Общее собрание членов состоялось 8 апреля 1910 г. Был рассмотрен вопрос о выдаче пособия детям из малоимущих семей к празднику Св. Пасхи. На этом заседании практически не было учителей местных училищ. Это вызвало даже прения среди его членов (СЖ. 1910. № 91).

Уездный комитет попечительства о народной трезвости и Народный дом имени А.С. Пушкина (1902–1917 гг.). Пьянство было одной из серьёзных проблем России во все времена. В конце XIX в. одновременно с введением в империи питейной монополии были приняты меры по борьбе с пьянством. В 1894 г. было создано так

называемое Попечительство о народной трезвости (рис. 12). Сначала оно действовало только в нескольких губерниях Европейской России, затем его деятельность была распространена на Сибирь. Целью попечительства было отвлечение населения от чрезмерного употребления горячительных напитков путём устройства народных чтений, собеседований, постановки спектаклей. Попечительства имели право открывать народные дома, приюты для людей, страдающих запоем, лечебницы, чайные, читальни. Средства попечительства составлялись из сумм, отчисляемых из казны и добровольных пожертвований. Со временем во всех губернских городах страны были открыты губернские комитеты попечительства о народной трезвости. На уездном уровне были образованы уездные комитеты. В них, как правило, входили чиновники уездного звена, священники местных соборов и церквей, различные частные лица.

Томский губернский комитет попечительства о народной трезвости был учрежден в 1902 г. (Бутков Н.В., 2004. С. 202). В том же году был образован Кузнецкий уездный комитет о народной трезвости. В ведении комитета оказался Народный дом имени А.С. Пушкина. История возникновения этого первого в городе клуба имеет продолжительную историю. Вопрос о постройке народного дома в Кузнецке был поднят еще во время празднования столетия А.С. Пушкина в 1899 г. Тогда же было решено присвоить этому дому имя великого русского поэта. В день юбилея поэта кружок любителей драматического искусства дал спектакль, сбор от которого поступил в основание фонда для постройки народного дома. Городское управление отказалось взять эти деньги для хранения и приращения процентами. Поэтому было решено положить эти деньги в сберегательную кассу на особую книжку общественной библиотеки. В дальнейшем на этот счёт поступали еще деньги от благотворительных спектаклей (СВ. 1904. № 39).

В июне 1899 г. было созвано собрание самых состоятельных горожан, которые рассмотрели предложение Короткевича о постройке народного дома силами вновь учреждаемого «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся». Однако большинство собравшихся высказались против этого предложения, мотивируя это тем, что нельзя соединять в одно общество сразу два дела: помощь учащимся и постройку народного дома. К тому же возникло опасение, что в губернском центре отрицательно отнесутся к идее надления общества вспомоществования учащимся ещё правом постройки и содержания народного дома. После этого рассматривалось предложение о том, чтобы передать строительство народного дома городским властям. Однако от этого предложения тоже отказались, так как средства на по-

Рис. 12. Знак для членов «Попечительства о народной трезвости» (утверждён 10 февраля 1895 г.)

стройку планировалось собирать сообща путём организации благотворительных спектаклей и концертов, и доверять эти деньги городским властям было бы неразумно. В конечном счёте, было принято решение отложить постройку народного дома на неопределённое время, а пока заняться сбором средств и организацией благотворительных спектаклей и концертов.

Сбор средств продолжался несколько лет. Финансы аккумулировались в кружке любителей драматического искусства. Городские власти пообещали выделить землю под постройку народного дома, когда будут собраны необходимые средства. Городской староста С.Е. Попов принял решение передавать 10% от своего жалования в пользу народного дома (СЖ. 1901. № 239).

Вопрос о постройке народного дома был вновь поставлен на общем собрании общества вспомоществования учащимся 5 августа 1901 г. Инициатором выступил снова Н.А. Короткевич. Он подготовил и зачитал проект письма к начальству с просьбой выделить на постройку дома субсидию. Некоторые из общественных деятелей города сомневались в успехе ходатайства, тем более что автор письма Короткевич, по мнению корреспондента газеты «Сибирская жизнь» Л. Сетова, «не отличался убедительностью при выражении своих мыслей» (СЖ. 1901. № 191).

В 1902 г. был организован Кузнецкий уездный комитет о народной трезвости. Губернский комитет ассигновал необходимые средства на постройку народного дома в Кузнецке. В 1903 г. на эти деньги были закуплены различные материалы: лес, камень и т.д. В том же году был поднят вопрос о месте, где следует построить первый в городе народный клуб. Одни предлагали построить его в центре города на Соборной площади, где сгруппированы лучшие здания. Другие выступали за постройку здания на площади около городского училища. Вскоре был составлен проект дома. Он отличался изяществом и продуманностью. В доме планировалось иметь специальную сцену с отдельными помещениями для декораций и бутафорских принадлежностей, зал для публики, фойе, помещение для чайной, помещение для библиотеки и читальни. Однако и на этот раз постройку народного дома пришлось отложить на некоторое время (СЖ. 1903. № 156).

Между тем собранные любителями драматического искусства деньги на постройку народного дома стали предметом спора между «Обществом вспомоществования нуждающимся учащимся» и «Библиотечным обществом». Оба эти общества стали претендовать на капиталы ещё не построенного народного дома. Первым заявило о себе школьное общество. Было принято решение изъять часть средств на нужды общества. Вскоре его

примеру последовало библиотечное общество. Оставшиеся средства были взяты из фонда народного дома и потрачены на нужды библиотеки. При этом те лица, которые с таким трудом формировали фонд народного дома, ничего не могли возразить библиотечному обществу, так как часть из них уже уехала из города, а другая – не хотела участвовать в распрях (ВО. 1904. № 92).

Народный дом в городе всё же был построен, произошло это в 1905–1906 гг. Он должен был стать центром культурной жизни Кузнецка, но он не всегда являлся таковым. В пользу погорельцев деревни Феськовой 31 мая 1907 г. в Народном доме был организован спектакль. Пожар, произошедший 15 мая, уничтожил 23 двора. Человеческих жертв по счастливой случайности не было (СЖ. 1907 № 38). Распорядителями спектакля были г. Ешин и г-жа Оляшкевич. Сбор оказался средним, довольно хорошая выручка была от буфета, которым заведовали Попова, Окулова и уездный исправник Донорский. В этом буфете, кроме прочих продуктов, продавалась и водка, которую распивали тут же в Народном доме. В прессе появилась критическая заметка. Корреспондент возмущённо писал: «Согласитесь, господа, что нельзя же, на самом деле, превращать дом просвещения в дом развращения!» (СЖ. 1907. № 42).

Деятельность Народного дома часто критиковалась в печати. Чайная при Народном доме существовала всего около 3 лет, потом была закрыта. При открытии Народного дома была устроена библиотека, которая ежегодно пополнялась новыми периодическими изданиями и книгами. Но через несколько лет выписывать журналы и газеты перестали, более того, имевшиеся книги стали куда-то исчезать. По сведениям корреспондента «Сибирской жизни», в библиотеке осталась только половина от книг, занесённых в каталог. В библиотеке не было произведений русских классиков: ни А.С. Пушкина (именем которого был назван народный дом), ни М.Ю. Лермонтова, ни И.С. Тургенева, ни Л.Н. Толстого, ни Ф.М. Достоевского (писателя, венчавшегося в Кузнецке), ни Н.В. Гоголя. В библиотеке не имелось книг современных писателей, а были какие-то никому не известные авторы. Из периодических изданий имелись только правительственные газеты и журналы: «Сокол», «Дружеские речи», «Гражданин», «Витязь», «Крестьянин», «Голос Томска», «Товарищ», «Нива», «Томские губернские ведомости», «Сельский хозяин», «Сельский вестник». Библиотеку посещало очень мало читателей. Постоянных читателей было всего четыре человека. Все остальные – школьники, забегающие посмотреть картинки и захватить сказку, да еще очень редкие случайные посетители.

Ещё хуже обстояли дела с постановкой спектаклей в Народном доме. По сведениям корре-

спондента, с момента постройки дома, в котором имелась приличная сцена, до 1908 г. в нём не было поставлено силами Попечительства о народной трезвости ни одного спектакля. Не было устроено ни одного народного чтения, не было показано ни одного сеанса фоноскопа («туманных картинок»), т.е. не было «организовано никакого культурного развлечения для народа за всё время существования народного дома». По мнению корреспондента, попечительство о народной трезвости «не только не развивает никакой созидательной деятельности, но, наоборот, разрушает даже то немногое, что было создано ранее, при прежнем председателе и составе членов». Даже губернские власти не видели никакой пользы от народного дома в Кузнецке. Начальник губернии запросил мнение городских властей о судьбе Народного дома. Городская управа предложила закрыть попечительство о народной трезвости, а Народный дом передать в распоряжение города. В здании планировалось устроить школу или больницу (СЖ. 1908. № 210).

Критика печати подействовала, деятельность комитета народной трезвости активизировалась. В 1909 г. было объявлено, что в Народном доме будут проходить чтения. Сначала пришло около 50 человек, на вторые чтения – уже более 100 человек. Чтения носили не только просветительный характер, по просьбе зрителей были прочитаны несколько статей по пчеловодству, что имело практическое значение, так как некоторые жители города владели пасаками (СЖ. 1909. № 42).

Общество любителей драматического искусства (литературно-музыкально-драматическое общество, 1908–1917 гг.). Любительские спектакли ставились в Кузнецке еще во второй половине XIX в. Однако общество любителей драматического искусства организационно стало оформляться только в начале XX в. В 1907 г. был составлен устав общества, он был послан на утверждение начальнику губернии, который вернул его с требованием переработать согласно существующему законодательству. Общее собрание любителей театрального искусства было созвано 16 декабря 1907 г. Прибыла практически вся интеллигенция города. Было решено избрать редакционную комиссию, которой поручили переработать старый проект устава, согласно требованиям губернатора. Кроме этого, было решено устроить в Кузнецке рождественский спектакль в пользу общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Обсуждались и другие спектакли в пользу общественной библиотеки, для устройства женской прогимназии или даже в пользу самих любителей драматического искусства, однако остановились на школьном обществе (СЖ. 1908. № 18).

В 1908 г. после долгих канцелярских проволочек устав литературно-драматического обще-

ства был утверждён. Общество сразу же поставило несколько спектаклей. Причем, в отличие от крупных городов, где любители театрального искусства своими постановками стремились заработать как можно больше денег, в Кузнецке подошли к делу более серьёзно. В воскресенье, 19 октября 1908 г., кружок любителей театрального искусства поставил остроумную комедию Разсохина «На рельсах», а уже 22 октября – комедию Островского «Не так живи, как хочется». На этом активные члены общества не остановились. В том же месяце они репетировали пьесу Чирикова «Во дворе, во флигеле» и два водевиля (СЖ. 1908. № 242).

Серьёзные пьесы стали традицией для общества. На масленицу в 1909 г. была поставлена пьеса Н. Островского «Гроза». Декорации были изготовлены очень удачно, были даже симитированы гром и молния. Игра актеров тоже была доброжелательно встречена зрителями. Особенно понравилась главная героиня пьесы Екатерина. Искренняя игра актрисы заставила многих в зале прослезиться (СЖ. 1909. № 42).

В 1910 г. активная деятельность общества продолжилась. В это время председателем его был Н.П. Жуков, директорами – М.Н. Безсонов, К.С. Казанина, А.Е. Леонтьева и М.Н. Штамова (ПК на 1910. С. 146). Удачный спектакль был поставлен 25 февраля 1910 г. Большинство ролей исполняли дети, которые были награждены вполне заслуженными аплодисментами. Спектакль прошел очень оживлённо. Чистый сбор составил около 50 руб. Все деньги были перечислены в Томск в комитет, занимающийся открытием высших женских курсов в губернском городе (СЖ. 1910. № 51).

Однако постепенно деятельность общества стала затухать. По состоянию на 1911 г. председателем Кузнецкого литературно-музыкально-драматического общества был К.С. Казанин (или Казанина?). Директорами являлись Г.И. Елесин, Е.А. Замараева, А.К. Кузнецов и М.И. Штамова (ПК на 1911. С. 114).

В 1912 г. появилась критика в адрес Кузнецкого литературно-музыкально-драматического общества. Газета «Сибирская жизнь» писала, что после выборов нового состава правления его председателем стал Н.В. Дорошенко (ПК на 1912. С. 118). Многие надеялись, что с его избранием общество начнёт развиваться. Однако ничего такого не произошло. В течение 1911 г. общество поставило только один спектакль. Директора общества Г.И. Елесин, Е.А. Замараева и Н.Г. Медведев наскоро составили отчёт за 1910 г., представили его в губернское правление и больше ничего не делали (СЖ. 1912. № 74).

Наконец, в апреле 1912 г. состоялись два заседания драматического общества. На первом был

утверждён отчёт за 1911 г. На втором были рассмотрены несколько вопросов: о выборе дирекции, об организации при обществе музыкального кружка или оркестра, о приобретении для спектаклей бутафорских принадлежностей. В результате председателем общества единогласно был избран лесничий А.Ф. Барсуков (Борсуков). Как писала «Сибирская жизнь», «г. Барсуков зарекомендовал себя в должности председателя сельскохозяйственного общества, как энергичный общественный деятель, и, думается, что он вполне сумеет в дружной работе с другими членами правления вызвать захиревшее общество к жизнедеятельности и поставит его на твердую почву» (СЖ. 1912. № 99).

В период Первой мировой войны деятельность общества заметно снизилась. Известно, что на 1914 г. председателем его оставался А.Ф. Барсуков, директорами были П.Н. Игумнова, П.Н. Рудичева, В.П. Безбородов и Н.Г. Медведев (ПК на 1914. С. 108). Через несколько лет состав руководства полностью сменился. В 1915 г. председателем общества была С.Е. Авксентьева, директорами – К.Д. Корневская, А.И. Красимович, Е.В. Минералова, В.А. Шабалин (рис. 13) (ПК на 1915. С. 151).

Политическая жизнь (ссылки, революции, выборы в Госдуму)

Польские революционеры. Кузнецк располагался на кабинетских землях, поэтому уголовных сюда не ссылали. Однако этого нельзя сказать о политической ссылке. В виде исключения в Кузнецк ссылали политических преступников. Известно, что в 1839 г. несколько ксендзов за хранение бумаг возмутительного содержания, непозволительную переписку и преступные речи были арестованы и сосланы в Сибирь. Среди них был А. Анкудович. Он был направлен в Кузнецк под строгий надзор полиции. В течение десяти лет, с 1840 по 1850 г., он отбывал ссылку в этом городе. Известно, что он ходатайствовал о дозволении заниматься какой-либо службой для «снискания себе пропитания». Его корреспонденцию просматривали, а присланная ему из Полоцка посылка была возвращена обратно. В 1850 г. ему разрешили переселиться в Томск, где он служил викарием (Никулина, 2011. С. 404).

В 1864 г. в сибирскую ссылку стали отправлять участников Польского восстания 1863–1864 гг. В Сибири оказались около 20 тыс. поляков. К такому наплыву ссыльных местные власти оказались не готовы, перегруженность Тобольского приказа о ссыльных приводила к тому, что не хватало кормовых и путевых денег, этапные учреждения не справлялись со своими обязанностями (Ремнев., 1996. С. 29–30). Принять большое количество ссыльных на местах также было довольно сложно,

Рис. 13. В.А. Шабалин. Фото 1917 г. Фотокопия. Из фондов НКМ

местные власти вынуждены были селить ссыльных в пределах Алтайского округа, вопреки законам 1761 и 1762 гг. Весной 1865 г. по этому поводу возникла переписка между руководством Алтайского горного округа и Министерством императорского двора. В результате император Александр II повелел «оставить на жительстве водворенных уже в городах Алтайского округа Бийске, Кузнецке и Кольвани политических преступников из поляков». Правда, царь сделал оговорку, «чтобы прежнее воспрещение водворения ссыльных в Алтайском округе оставалось во всей силе и принято было к неперемennomу руководству». Кроме того, запрещалось селить тех ссыльных, которые были заподозрены в различных преступлениях, в том числе в поджогах, произошедших в Барнауле и других местах (ГАГО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 277. Л. 1).

По официальным данным, в Томской губернии было размещено 5 918 человек (Ремнев, 1996. С. 29). Большая их часть оказалась в Каинском, Томском и Мариинском округах. Однако, кроме сельской местности, политические преступники были и в городах. При этом власти вынуждены были селить поляков даже в городах, находящихся на землях Алтайского горного округа. По данным на 1866 г., в Кузнецке было размещено 87 человек ссыльных поляков (РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1556. Л. 39, 42).

В Кузнецке оказались братья Ландсберги, Кнюшевский, Кухарский, Ковальский, Доминик Жук, Георгий Косиловский, Андрей Кржижановский, Эдуард Котович, Урбан Торгонский, Викентий Юстинович и др. Некоторые прибыли с се-

мьями. Например, Михаил Еринович поселился в Кузнецке с женой Екатериной, детьми Константином, Амалией, Юлией и матерью жены Анной Домбровской. В Кузнецке даже оказалась ссыльная полячка, принимавшая участие в восстании, Юлия Стефановичева с дочерьми Анастасией, Алабиной и Королиной. Большинство сосланных в Кузнецк поляков были шляхтичами (польскими дворянами). Некоторые владели различными ремёслами. Шляхтичи получали небольшой ежемесячный паёк, а остальные зарабатывали себе на хлеб ремеслом (Никulina, 2011. С. 407, 412).

По воспоминаниям Е. Берви, часть ссыльных поляков объединились в Кузнецке в небольшое товарищество, в которое входило около 30 человек. Возглавил его ссыльный шляхтич Гудович. Каждый из членов товарищества имел свои обязанности, распределенные в соответствии с их способностями и умениями. Поляки обзавелись своим хозяйством: наняли дом, купили корову и кур, посадили огород. Более того, они организовали ловлю рыбы сетями и охоту на зайцев в окрестностях города. В результате у них всегда были свои продукты, и даже оставалось время. Вечерами они часто делились воспоминаниями, главными из которых были польские события 1863–1864 гг., пели польские песни, рисовали карикатуры, ставили различные сценки из спектаклей, сочиняли и декламировали стихи (Берви, 1915. С. 129–133).

Интересные образы поляков воссозданы в воспоминаниях Е. Берви. Один из них, некто пан Ю-ъ, был сослан лишь за то, что был братом одного из руководителей повстанческого отряда. За свой длинный рост и неуклюжесть он получил прозвище Дон-Кихота. Берви вспоминала: «С товарищами он не сошелся. Все его избегали под разными благовидными предлогами, и ему действительно больше ничего не оставалось, как завести свою Россинанту и развезжать на ней. Но и на лошади он был так же смешон. Длинные ноги его как-то беспомощно болтались. Не приспособленный к верховой езде костюм, неловкая посадка, нескладная фигура, все вместе вызывало всеобщий смех и остроты. Нам случалось иногда встречаться на прогулке, и неизменно он мне сообщал одно и то же: что жена его очень деликатной комплекции, что ей только минуло 22 года (ему же лет 47), и она, убоявшись суровости сибирского климата, осталась в крае, но что он все время занят мыслью, какой бы ей сделать подарок, и не может решить: купить ли ей муфту или воротник? На что я неизменно отвечала одним и тем же советом: «Полагаю, что вашей дорогой пани приятно было бы получить и то и другое: и воротник и муфту»... Когда мы через пятнадцать месяцев уехали из Кузнецка в Томск, наш Дон-Кихот все еще не совершил своей пресловутой покупки» (Берви, 1915. С. 130–131).

Почти все поляки, отбывавшие ссылку в Кузнецке, были католиками. Никакого католического костёла или даже каплицы (часовни) в городе не существовало. Ближайший и единственный костёл в губернии был в Томске. По мере накопления поляков в Кузнецке встал вопрос о совершении ими богослужений. В мае 1865 г. ссыльный ксендз Викентий Юстинович подал прошение на имя томского губернатора, в котором писал, что по прибытии его в Кузнецк местные ссыльные поляки, «согласившись между собою, изъявили мне свое желание присутствовать при отправлении мною молитв». Поскольку Юстинович не был лишён прав и сана священника, то он согласился. Для большей надёжности он просил разрешение выполнять свои церковные обязанности официально (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 280. Л. 2–2об.).

В августе еще один ссыльный ксендз, Гилярий Яковлевич Быцулевич (Бицулевич), подал подобное прошение. При этом он писал, что в Кузнецке находится до 80 человек ссыльных поляков и для совершения религиозных обрядов требуется домашняя каплица, которую он готов устроить. Быцулевич был сослан из Гродненской губернии за то, что препятствовал своим прихожанам вступать в брак с православными. Религиозного сана он не был лишён.

Поскольку никакого ответа на просьбы Юстиновича и Быцулевича не последовало, группа ссыльных поляков в лице Константина Борейко, Генриха Плавского, Ивана Колаковского и Иосифа Кобылинского обратилась с новой просьбой к томским властям. Они просили поддержать просьбу Быцулевича и позволить ему открыть домашнюю каплицу, ибо они лишены «духовной пищи продолжительное время» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 280. Л. 15–16).

Вероятно, просьба ссыльных поляков действовала на губернские власти, так как разрешение на устройство каплицы получил именно Быцулевич. В октябре 1865 г. он официально стал совершать обряды и богослужения в своей домашней часовне. Юстинович же, несмотря на повторные просьбы, не получил от властей разрешение на богослужение. Позднее ему было назначено денежное пособие в размере 5 коп. в сутки. Но ссыльный ксендз отказался его получать, объясняя тем, что оно значительно ниже того, которое ему полагается по закону, ведь он не был лишен прав состояния и сана. Переезжать в деревню из Кузнецка он тоже отказался. Юстинович надеялся, что после переезда в деревню ксендза Быцулевича он займёт его место и будет совершать обряды в домашней каплице (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 280. Л. 48–48об.).

Ссыльные поляки оказали большое влияние как на общественную жизнь Кузнецкого уезда, так

и на повседневную культуру быта. Говоря о влиянии поляков на Кузнецк Берви-Флеровский писал, что «они принесли с собою невиданное в этой глуши искусство и неизвестные до того ремесла. Все кинулись заказывать себе сбрую, мебель, экипажи, даже картины и изящные вещи. Стали устраивать праздники с небывалою до того роскошью, выписывали музыку. Явился домашний театр, устроилось что-то вроде клуба или гостиницы. Жители были в восторге – наша глушь цивилизуется, повторяли они» (Флеровский, 1869. С. 87).

Политические преступники, сосланные в города, получали «квартирные деньги» – 1 руб. 20 коп. в месяц. Этих денег не хватало. Некоторые поляки, оказавшиеся в ссылке в Кузнецке, не имели средств к существованию. Так, известно, что Урбан Торгонский в ссылке впал в «крайнюю нищету». По причине преклонности лет он не мог зарабатывать себе на хлеб, к тому же он не знал никакого ремесла. Другой поляк, Георгий Коссиловский, добился назначения денежного пособия от казны в размере 15 коп. в сутки для приобретения продовольствия. От своих родственников он не получал никакой помощи и существовать без поддержки со стороны властей просто не мог (Никулина, 2004. С. 104–106).

В связи с большим наплывом польских политических ссыльных местные полицейские власти не справлялись со своими обязанностями. В октябре 1864 г. томский губернатор ходатайствовал о выделении дополнительно нескольких десятков нижних чинов полиции для размещения их по сёлам и городам губернии. В течение последующих двух лет численность нижних чинов полиции в Западной Сибири была увеличена на 183 человека. В 1867 г. дополнительно было командировано еще 166 человек. Все они поступали в распоряжение полиции из военного ведомства. При этом делался расчёт, чтобы на каждого нижнего чина полиции в городе приходилось 5 политических ссыльных. В результате в Кузнецк прибыли 16 человек (РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1556. Л. 190–193).

По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири нижних чинов полиции размещали в кварталах, где проживали ссыльные. Они должны были нести постоянный «бдительный надзор» за преступниками, посещать каждого из них, препятствовать вступлению в брак с местными жителями и т.д. Городничим выделялись ежегодно 150 руб. «на секретные расходы». Эти деньги тратились в основном на перлюстрацию писем и наём «тайных агентов», которые внедрялись в среду политических ссыльных и доносили об их деятельности (РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1556. Л. 26–31об.; 194–195, 259).

Усиление полиции было не напрасным. Польские политические ссыльные даже в Сибири не

отказались от революционной деятельности. Так, в 1865 г. в Томске и Тобольске они создали тайную организацию, связанную со столичным обществом «Ад». Это общество, организованное саратовским разночинцем Н.А. Ипшутиным, ставило целью убийство императора. В него входил и известный впоследствии бывший студент Д.В. Каракозов, стрелявший в царя Александра II. Тайное польское общество в Сибири было раскрыто полицией в 1866 г. Два главных организатора, Антон Бонасевич и Генрих Вашкевич, были посажены в разные тюрьмы: первый – в Томске; второй – в Омске. В тюрьме к каждому из них подсадили провокаторов, с помощью которых удалось узнать фамилии некоторых участников организации, среди них были ссыльные поляки, проживающие в разных местах Сибири, в том числе и отбывающие наказание в Кузнецке. В результате в сентябре и октябре 1866 г. в Томск и Кузнецк был направлен жандармский штабс-капитан Халтурин, который провел многочисленные обыски. В Томске была создана следственная комиссия, которая выяснила, что участники тайной организации занимались агитацией и «рассчитывали растревожить простонародие пожарами и другими бесчинствами» (Русско-польские..., 1963. С. 610–611). В ходе обысков было изъято много документов на польском языке. Однако у полиции было очень мало квалифицированных переводчиков, поэтому многие документы так и не были переведены (Ремнев, 1996. С. 40–41). Заподозренные в антиправительственной деятельности ссыльные, вероятно, были переведены в другие места для отбывания ссылки.

В том же 1866 г. полиция раскрыла в Санкт-Петербурге заговор, ставивший себе целью освобождение из нерчинской каторги Н.Г. Чернышевского. Заговорщики имели обширные связи с политическими ссыльными как в Западной, так и в Восточной Сибири. Согласно полученной полицией информации, в Сибирь должен был отправиться один из заговорщиков. Там он должен был вступить в связь с несколькими ссыльными поляками, среди которых был Казимеж Кухарский, отбывающий наказание в Кузнецке. Кухарский был студентом Петербургского университета, в 1861 г. участвовал в студенческих демонстрациях, в 1863 г. сражался в отряде Зыгмунта Сераковского, действовавшего на территории Ковенской губернии. К заговору были причастны еще несколько ссыльных поляков, в том числе Виктор Гриневиц, отбывающий ссылку в Томске, и доктор Вышинский, находящийся в Тобольске. У арестованных организаторов заговора были изъяты бумаги на русском языке с написанными между строк симпатическими чернилами тайными посланиями на польском (Русско-польские..., 1963. С. 596–597, 703). По всей вероятности, после раскрытия заговора Кухарский был переведён из Кузнецка в другое место.

Местные власти неохотно размещали польских ссыльных на землях Кабинета. Появление их в Кузнецке было нарушением существующего законодательства и произошло в результате того, что их просто некуда было водворять. Поэтому администрация старалась как можно быстрее сократить численность поляков или вообще выселить их за пределы Алтайского горного округа. В течение 1867–1868 гг. многие польские ссыльные были переведены из Кузнецка в другие города, в том числе в Мариинск (Никулина, 2004. С. 156, 159, 160, 171, 174).

Возвращение политических ссыльных в Царство Польское началось уже в 1867 году. Указом от 17 мая Александр II распорядился прекратить все следственные дела, касающиеся восстания 1863–1864 гг., а всех обвиняемых освободить. Со сланным в Сибирь в административном порядке позволялось ходатайствовать о возвращении в Царство Польское. Если местные власти одобряли ходатайство, то ссыльные имели право вернуться на родину (ПСЗРИ-II. Т. 42. № 44601). Указом от 25 мая 1868 г. царь даровал прощение всем участникам Польского восстания, которым на момент осуждения было меньше 20 лет (кроме осуждённых на каторжные работы). Они получали право возвратиться на родину. Кроме того, значительно облегчалась участь сосланных по суду: некоторые категории ссыльных получали право приписываться к сельским и городским обществам с восстановлением прав и преимуществ; каторжные освобождались от работ и причислялись к поселенцам и т.д. (ПСЗРИ-II. Т. 43. № 45898).

В связи с массовым возвращением в Царство Польское политических преступников в марте 1870 г. все меры по усилению полиции, принятые в 1866 г., были отменены. Все нижние чины полиции были возвращены к местам их воинской службы. Кстати, к этому времени из Кузнецка, как города, находящегося на землях Кабинета, были выведены все польские политические ссыльные (РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1556. Л. 245–246об.; 249–249 об.). В течение 1870-х гг. большая часть участников Польского восстания 1863–1864 гг. вернулась на родину, хотя некоторые остались жить в Сибири навсегда.

Одновременно с польскими повстанцами в Кузнецке отбывали ссылку и другие политические преступники. В 1864 г. в город прибыл Василий Васильевич Берви, известный впоследствии под фамилией Берви-Флеровский (рис. 14). Он происходил из семьи обрусевших англичан. Его отец был профессором Казанского университета, который в 1849 г. окончил сам Василий Васильевич со степенью кандидата юридических наук. Ещё в студенчестве он увлекся революционными идеями. После университета Берви

Рис. 14. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Фото 1900-х гг.

служил в Министерстве юстиции чиновником особых поручений. Дослужился до чина надворного советника. С конца 1850-х гг. он сблизился с революционером-демократом и писателем Н.Г. Чернышевским.

Реформу освобождения крестьян 1861 г. В.В. Берви воспринял критически. Когда группа тверских мировых посредников, возглавляемая братьями Бакуниными, открыто заявила об отказе выполнять положения реформы, требуя немедленного перевода крестьян на выкуп и уравнивания их с прочими сословиями, Берви поддержал их. Он разослал воззвания в некоторые губернии и обратился с прошением к Александру II. В марте 1862 г. был арестован и отправлен в психиатрическую лечебницу, где пробыл до ноября. Потом был уволен со службы и выслан в Астрахань. В августе 1863 г. был вновь арестован по «делу о казанском заговоре» – попытке восставших поляков при поддержке московского и казанского отделений «Земли и воли» организовать восстание в поддержку восставшей Польши. По решению Казанской следственной комиссии был выслан в Томскую губернию. В январе 1864 г. в Томске ему были предложены на выбор два города для отбытия ссылки: Бийск и Кузнецк. В.В. Берви выбрал Кузнецк.

В Кузнецке Берви прожил больше года. Здесь он завёл знакомства с польскими политическими ссыльными. Более того, он занялся чтением им лекций о русском общественном движении и его

идеях. Свои мысли он не боялся высказывать и в общественных местах. В частности, часто посещая базар, Берви беседовал с простыми обывателями. Это привело к тому, что на него в Томск был написан донос. Однако за него вступился мировой посредник Энгельфельд, который сумел убедить местные власти в том, что в лекциях и беседах Берви нет ничего противозаконного. Всё, о чем он говорит, написано в журналах и газетах. В результате донос не был отправлен. Известно также, что в Кузнецке В.В. Берви писал прошения для ссыльных, чему способствовали хорошее юридическое образование и многолетняя практика (Кривошева, 1990. С. 8–9).

Летом 1865 г. В.В. Берви выехал в Томск, где устроился работать приказчиком к золотопромышленнику Б.Л. Хотимскому. Во время службы он посещал прииски, неоднократно бывал в Мариинске. В 1866 г. он отправился в Вологду, а потом в Тверь. Во время пребывания Берви в Сибири у него родился замысел написать книгу о рабочем классе в России. В основу её легли собственные наблюдения и впечатления. В 1869 г. под псевдонимом Флеровский он опубликовал прославившую его книгу «Положение рабочего класса в России». Это была первая серьезная попытка охарактеризовать зарождавшийся пролетариат в нашей стране. Есть в ней материал, касающийся Сибири и Кузбасса. Вот, что писал Берви-Флеровский: «Сказано, сделано; я уже в Кузнецке и разъезжаю по окрестностям, чтобы познакомиться с бытом крестьян. Первое, что меня поражает, – это обилие природных источников богатства: почва плодородная, покрытая богатою растительностью; душистые луга, доставляющие самый изобильный корм для скота; посевы дают прекрасные урожаи... Тут ли в самом деле не быть богатству, – крестьянин должен жить, по крайней мере, так же богато, как американец Соединенных Штатов... В недрах земли также существуют значительные источники богатства; каменный уголь в таком изобилии, что местами он дешевле простой глины, лодку угля можно приобрести за шестьдесят коп. Железом и металлами природа также не обидела Кузнецкий округ. Чего еще требовать от природы? Много ль стран так богато награждены ею?» (Флеровский, 1869. С. 38). Однако всё это богатство недоступно для большинства населения, живущего в «избах без крыш», питающихся скудной пищей. Бедность местных жителей такова, что, по словам Берви, «для крестьянской матери смерть ребенка приносит чаще радость, чем горе. В этой среде нередко встретить мать, у которой было тринадцать или даже девятнадцать человек детей, и ни один не остался в живых». Главная причина бедственного положения населения, по мнению Берви, – прямые подати и сборы в России. Он требовал упразднения всех

сборов с крестьян. «Кузнецкий крестьянин с отменной подушной оклада будет столь же беден, а казна еще беднее. Если же будут отменены все прямые сборы, то крестьянин неминуемо разбогатеет. Он теперь употребляет тридцать пудов хлеба в год с своим семейством и продаёт на уплату сборов сто семьдесят пудов» (Флеровский, 1869. С. 41, 58).

Неудивительно, что книга пользовалась большой популярностью среди демократически настроенной интеллигенции и революционеров-народовольцев, взявших многие тезисы на вооружение. Более того, исследование Берви-Флеровского было высоко оценено западным философом и ученым К. Марксом, сравнившим его труд с сочинением Ф. Энгельса «О положении рабочего класса в Англии». В мае 1871 г. Берви-Флеровский написал письмо Карлу Марксу, в котором прокомментировал основные свои выводы и идеи. Он, в частности, писал, что сам служил приказчиком у одного богатого заводчика в Томске, «прожил свыше года в Кузнецке в политической ссылке и, конечно, летом и зимой бродил по окрестным деревням и беседовал с населением» (Маркс, Энгельс, 1967. С. 191).

В 1870-х гг. Берви-Флеровский сблизился с народниками М.А. Натансоном, С.Л. Перовской и Н.В. Чайковским. Активно занимался пропагандой своих идей. Им были написаны еще ряд публицистических обличительных работ. В начале 1890-х гг. он некоторое время находился в эмиграции в Лондоне. Умер в 1918 г. в Юзовке на Украине.

В 1867 г. в Кузнецк на «смену» В.В. Берви прибыл другой ссыльный революционер-шестидесятник – Леонид Петрович Блюммер (рис. 15). Он происходил из дворян Тамбовской губернии, родился в г. Ени-Кале. Сначала учился в Симферопольской гимназии, потом перешёл в Харьковскую, но ее не окончил. Затем он учился в Санкт-Петербургском и Московском университетах. В 1861 г. при Московском университете выдержал экзамены на степень кандидата прав. Одновременно с учёбой он начал литературную деятельность. В некоторых столичных журналах и газетах были опубликованы его первые рассказы и наброски.

В 1861 г. Блюммер уехал за границу. В Лондоне он сблизился с А.И. Герценом, П.В. Долгоруким и другими революционерами-эмигрантами. В июле 1865 г. после возвращения в Россию был арестован и заключен в тюрьму. Определением Сената в ноябре 1866 г. был приговорен к ссылке в Томскую губернию, в январе следующего года был водворен в Кузнецк. Здесь он пробыл всего около года. В феврале 1868 г. Блюммер получил разрешение на возвращение в Европейскую Россию (Деятели..., 1928. Стб. 43–44). Год пребывания на кузнецкой земле не прошёл даром. В Кузнецке у Л.П. Блюммера зародился замысел книги о золотопромышлен-

Рис. 15. Леонид Петрович Блюммер, литератор.
Фото 1870-х гг. (Из: Деятели..., 1928)

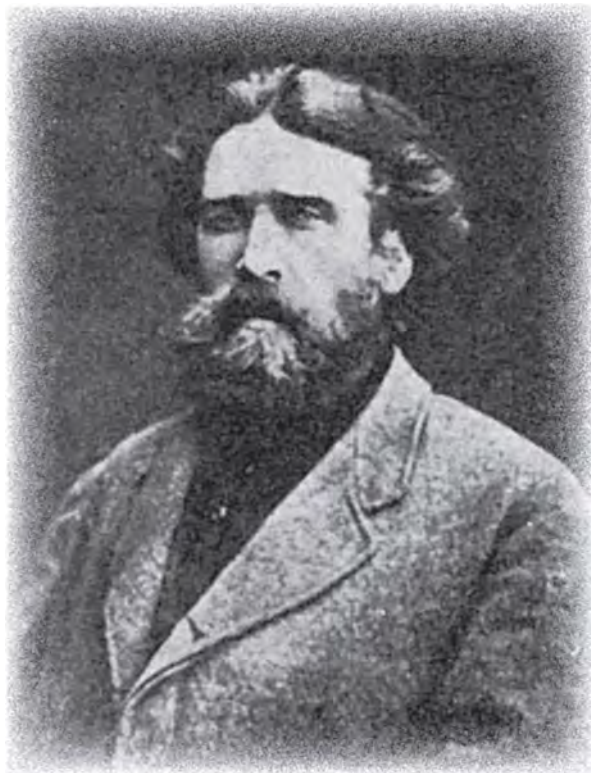

Рис. 16. Владимир Николаевич Фрессер.
Фото 1880-х гг. (Из: Деятели..., 1932)

ности. Позднее она была написана и опубликована под названием «На Алтае» (Блюммер, 1993).

Единственный из народовольцев-дворянин, отбывавших ссылку в Кузнецке, – поручик в отставке Владимир Николаевич Фрессер (он же Павел Александрович Новицкий) (рис. 16). В Петербурге он занимался переводом иностранной литературы, в том числе запрещенной. Был арестован в 1875 г. после участия в демонстрации, но потом освобожден и передан под строгий надзор полиции, в том же году выслан в Архангельскую губернию за связь с революционерами. Из ссылки сумел бежать за границу. В 1877 г. в Женеве выступил членом-учредителем «Общества пособия политическим изгнанникам из России». В следующем году нелегально вернулся в Россию, но был арестован в Петербурге. В 1878 г. его выслали в Томскую губернию и водворили в Кузнецке, в 1882 г. по ходатайству матери перевели в Минусинск (Деятели..., 1932. Стб. 1853–1854).

С Кузнецком связана судьба одного из лидеров рабочего движения России 1870-х гг. Виктора Павловича Обнорского (рис. 17). Он родился в 1852 г. в городе Грязовце Вологодской губернии. В губернском центре он окончил уездное училище и в 1869 г. переехал в Санкт-Петербург, где работал слесарем на разных заводах (Нобеля, патронном заводе и др.). В столице он увлекся революционной деятельностью, стал посещать рабочие кружки и сходки. В 1873 г. он проживал в Одессе, где работал на механическом заводе Фалька. В декабре того же года, нанявшись на пароход кочегаром, отбыл в Европу. Весь следующий год он проживал в Женеве, работая слесарем на механическом заводе. Поездка за границу позволила ему завести связи с российскими революционерами-эмигрантами. Потом Обнорский нелегально вернулся в Россию, где его давно разыскивала полиция. Некоторое время он проживал в Архангельской губернии. Вскоре он переехал в Санкт-Петербург, где жил по поддельным документам под именем Василия Павлова. Здесь он сблизился со Степаном Халтуринным и другими революционерами-народниками. В 1875–1876 гг. при активном участии Обнорского был создан «Северный союз русских рабочих». Он объединял различные разрозненные кружки, действовавшие на разных заводах и фабриках. В ноябре 1876 г., преследуемый полицией, Обнорский бежал за границу. В течение 1877 г. он жил в Женеве, ездил в Лондон, Париж, Берлин (Мирошников, 1960. С. 47–58).

В конце 1878–1879 г. Обнорский работал в Москве, Санкт-Петербурге и продолжал активную революционную деятельность в «Северном союзе русских рабочих». К нему прочно приклеилась подпольная кличка «Иван Иванович». В столицах он постоянно менял документы и проживал под

разными фамилиями. Однако полиции удалось его вычислить и установить за ним наблюдение. В конце января 1879 г. Обнорский был арестован в Санкт-Петербурге и помещён в один из казематов Петропавловской крепости. В июне 1880 г. петербургский военно-окружной суд приговорил революционера к 10 годам каторжных работ. Наказание он отбывал на Карийской каторге в Забайкальской области, куда прибыл в феврале 1881 г. В 1884 г. Обнорский попал под амнистию и был переведён на поселение. Потом он жил в Чите и на золотых приисках в Восточной Сибири. Занимался слесарными работами.

В 1909 г. Виктор Обнорский был выслан в Кузнецк. Здесь он поселился в доме Станкеева, снимая верхний этаж, состоящий из двух комнат и коридора. В одной комнате Обнорский жил, а в другой устроил мастерскую, в которой занимался выполнением частных заказов: ремонтировал самовары, ружья, швейные машины и т.д.

По свидетельствам современников, В. Обнорский жил очень скромно. Обстановка в квартире была очень бедная. Жена местного фельдшера К.С. Борисенко вспоминала, что в его комнате была только кровать и плохонький столик. Окна были забиты фанерой. Обнорский одевался очень скромно: рубашка из сатина, брюки, сапоги. Пальто у него было очень старое и потрёпанное (Берлин, 1990. С. 14). Ближайший круг Виктора Обнорского составляли семья бухгалтера Н.Н. Станкеева, семья фельдшера Р.М. Борисенко, политический ссыльный А.И. Васильев, слесарь К.А. Кобелев, акушерка А.Ф. Пржелковская, И.С. Коковин (рис. 18). Судя по некоторым воспоминаниям современников, в ссылке он продолжал заниматься политической агитацией. Когда в 1914 г. началась Первая мировая война и В.С. Станкеева призвали в армию, он советовал ему воевать не против немцев, а против царского самодержавия. Будучи в Кузнецке, Обнорский вёл переписку с многими политическими ссыльными, а также получал письма из Москвы, Санкт-Петербурга, Западной Европы. Революцию 1917 г. он встретил с воодушевлением и большими надеждами. По некоторым данным, Обнорский активно занялся общественной и политической деятельностью. Однако вскоре он тяжело заболел. Весной 1919 г. он уехал на лечение в Томск, где и умер (Мирошников, 1960. С. 91–98).

Первая русская революция 1905–1907 гг. поначалу вообще не затронула тихий уездный Кузнецк. В первый год революции, когда уже в январе в Санкт-Петербурге была расстреляна демонстрация рабочих, а в Томске были организованы митинги и произошли столкновения с полицией, в результате которых были погибшие и раненные, кузнецкие жители только обсуждали все эти события. Никаких стачек, демонстраций, митингов

Рис. 17. Виктор Павлович Обнорский. Фото 1890-х гг. Фотокопия. Из фондов НКМ

Рис. 18. Иван Спиридонович Коковин, основатель и первый владелец кузнецкой типографии «Алтай». Фото 1910-х гг. Из фондов НКМ

Рис. 19. Владимир Яковлевич Куйбышев.
Кузнецкий уездный воинский начальник.
Фото 1900-х гг. Из фондов НКМ

не было, их просто некому было организовывать. Как известно, в городе не было крупных предприятий, как в Томске, где имелись радикально настроенные рабочие, не было угольных шахт, как на Анжерских и Судженских копях, не было железнодорожного узла, как в Тайге или Мариинске. Леворадикальные политические партии, такие как социал-демократы и эсеры, не имели в городе своих представителей, и тем более каких-то организованных структур, отделов или комитетов. Поэтому все революционные события поначалу прошли мимо Кузнецка, жителям города оставалось только обсуждать новости, о которых писали все сибирские газеты.

На второй год революции ситуация немного изменилась. Обострение было связано с появлением в Кузнецке летом 1906 г. молодого революционера, члена РСДРП Валериана Владимировича Куйбышева. Будущий видный революционер, строитель советского государства и председатель Госплана СССР в то время был еще совсем молод. Выпускник Сибирского кадетского корпуса В.В. Куйбышев в июне 1906 г. приехал в Кузнецк к своим родителям. Отец революционера служил в городе уездным воинским начальником. По сведениям томского историка В.С. Синяева, в Кузнецке Валериан Куйбышев организовал кружок рабо-

чей молодежи. Под видом занятий по математике «революционеры» собрались в нижнем этаже дома по улице Водопадной, в котором жила семья Куйбышевых. В бане на усадьбе купца Фонарёва В.В. Куйбышев организовал подпольную типографию и начал выпускать листовки (Синяев, 1958. С. 4).

Революционные листовки предназначались, прежде всего, для солдат местной воинской команды, которой командовал отец революционера. По некоторым сведениям, фельдшер воинской команды Сотников распространял прокламации среди солдат. В нелегальной деятельности был замешан и брат Валериана Анатолий Куйбышев. Вскоре отцу стало известно о занятиях Валериана. Владимир Яковлевич Куйбышев (рис. 19) не разделял радикальных взглядов своего сына. Состоялся серьезный разговор, после которого в августе 1906 г. Валериан Куйбышев уехал из Кузнецка (Марина, 1963. С. 39). Правда, сам Валериан Куйбышев в своих воспоминаниях не упоминает об этом эпизоде своей жизни и вообще о посещении Кузнецка. Из этих же воспоминаний видно, что он с большим уважением и любовью относился к своему отцу (Куйбышев, 1957. С. 28–30).

Факт распространения листовок среди солдат местной воинской команды летом 1906 г. не подтверждается архивными документами. Если такие случаи и были, то отцу революционера, видимо, удалось избежать огласки и скрыть факты появления листовок среди солдат. Так или иначе, но пребывание в Кузнецке Валериана Куйбышева не прошло бесследно. С самого начала 1907 г. в городе стали появляться антиправительственные прокламации, подготовленные представителями сибирской социал-демократии. В ночь с 25 на 26 января 1907 г. в городе Кузнецке неизвестным лицом были разбросаны прокламации антиправительственного содержания. Всего было найдено 10 экземпляров прокламаций с тремя разными содержаниями: «Избирательная платформа РСДРП», «От офицеров к солдатам» и «Для чего идет социал-демократия в Думу». Найденные листовки имели социал-демократическую направленность. Поисками революционеров занялись все полицейские города, но их усилия ни к чему не привели. Полиция не смогла даже определить круг подозреваемых. Единственное, что сделала кузнецкая полиция, – это сообщила о находке томскому губернатору, прокурору Томского окружного суда и начальнику Томского губернского жандармского управления (ГАТО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 11. Л. 8). По некоторым сведениям, эти листовки распространял в Кузнецке некто М.В. Лоншаков (Макарчук, 2006. С. 98).

Как оказалось впоследствии, январские прокламации были «первыми ласточками». В ночь на

9 февраля в городе были разбросаны целые пачки прокламаций с такими же названиями. Всего на улицах и площадях города полицией было подобрано 207 экземпляров листовок. Виновные в распространении антиправительственных воззваний найдены не были. Как и прежде, полиция отправила в Томск экземпляры найденных в городе листовок и рапорт о поисках революционеров (ГАТО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 11. Л. 17).

В марте история с прокламациями повторилась. В ночь на 16 марта городские подобрали на улицах города 60 экземпляров прокламаций. В рапорте кузнецкого уездного исправника Донорского не указаны названия листовок, скорее всего, они, как и предыдущие, принадлежали социал-демократам. Поиски политических агитаторов снова ни к чему не привели.

Через несколько месяцев полиции удалось немного прояснить ситуацию, по крайней мере, выяснилось, какой из партийных комитетов РСДРП был причастен к распространению прокламаций. Правда, в этом не было заслуги самих полицейских чиновников, просто следующую партию листовок, найденную 18 июля 1907 г., революционеры подписали: «Барнаульский комитет партии РСДРП». Это были 9 прокламаций под заголовками: «Песни революции» и «Ко всем гражданам». В рапорте Кузнецкого уездного исправника было указано, что «виновные в разбрасывании прокламаций не найдены, расследование с целью обнаружения в разбрасывании их производится».

В сентябре 1907 г. уездный исправник доносил, что «полицейским надзирателем города Кузнецка и полицейским урядником 5-го участка 1-го стана Кузнецкого уезда 15 сего сентября найдены в разных местах на базарной площади города Кузнецка десять экземпляров прокламаций противоправительственного содержания Барнаульского комитета социал-демократической рабочей партии, из коих четыре экземпляра «Граждане, готовьтесь к выборам», три экземпляра «К товарищам рабочим» и три экземпляра «Новая царская милость». Виновные в разбрасывании этих прокламаций опять не были обнаружены.

В ночь с 27 на 28 сентября в разных концах города неизвестными лицами были разбросаны десятки листовок и нелегальная литература. Листовки были напечатаны в типографии Барнаульского комитета РСДРП. Среди них было 30 экземпляров прокламации «К товарищам рабочим», 18 экземпляров «Граждане – готовьтесь к выборам», 24 экземпляра «Ко всем гражданам», 24 экземпляра «Ко всем крестьянам – новая царская милость» и 6 экземпляров газеты «Обский рабочий» (№ 5 и 6). Газеты были напечатаны в городе Новониколаевске Обской группой социал-демократов. В очередной раз полиция занялась поисками революционеров,

найти которых не удалось (ГАТО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 11. Л. 34–44об.).

Манифест 17 октября 1905 г., объявленный императором Николаем II, явился важной вехой в реформировании государственного устройства России. Впервые в империи были провозглашены гражданские свободы: свобода слова, печати, личности, совести, собраний и союзов. Этим же манифестом было объявлено о создании Государственной думы с законодательными функциями. Выборы в Государственную думу проводились на основе ранее принятых законов от 6 августа и 18 сентября 1905 г. Общий закон и положение о выборах были утверждены императором 11 декабря 1905 г. С принятием этого закона Россия встала на путь перехода к конституционной монархии. И хотя Николай II сохранил в своих руках значительный объем властных полномочий, население страны получило определенное влияние на государственную политику. Проведение выборов в Государственные думы несколько оживило политическую жизнь в Кузнецке и Кузнецком уезде. Здесь были выдвинуты и свои депутаты (Ермолаев, 2011).

Кузнецк в период Первой мировой войны и накануне революции

Мобилизация в действующую армию, объявленная 18 июля 1914 г., касалась всех запасных нижних чинов. Дополнительно 22 июля было объявлено о призыве ратников ополчения I-го разряда. При этом призывались как те ратники, кто проходил ранее военную службу, так и те, кто её не проходил (Головин, 1939. С. 77–78, 81). Кузнецкий городской староста 18 июля получил от томского губернатора две телеграммы о проведении мобилизации в городе. Было приказано оказывать полное содействие военным в проведении всех мероприятий, организовать сборный пункт и питание мобилизованных. Кузнецкие городские власти немедленно приступили к выполнению распоряжений губернских властей: для размещения мобилизованных были подготовлены городские приходские училища, сделаны запасы питьевой воды, заготовлена солома. Сборный пункт был организован в Народном доме. Сюда было привезено всё необходимое для освидетельствования запасных нижних чинов (ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 207. Л. 40–42об.).

На период мобилизации в Кузнецк прибыло несколько тысяч запасных нижних чинов и ратников ополчения со всего уезда. В течение нескольких дней численность населения города увеличилась более чем в два раза! Мобилизованные временно были размещены по обывательским квартирам и в помещениях городских училищ. Мобилизация за-

пасных нижних чинов сопровождалась массовыми стихийными выступлениями. Кузнецк не стал исключением. Несколько дней в городе и в некоторых селениях уезда были учинены беспорядки, в некоторых случаях дело дошло до убийств и грабежей (Ермолаев, 2014. С. 109–114).

После того как основная масса мобилизованных была отправлена в действующую армию, 28 июля 1914 г. состоялось чрезвычайное собрание уполномоченных Кузнецкого городского общественного управления. На нём были рассмотрены последствия произошедших беспорядков и принято решение об оказании помощи семьям мобилизованных. Для этого была организована специальная комиссия под председательством помощника городского старосты П.А. Темникова. В неё изъявили желание войти кузнецкие мещане Дмитрий Федорович Вилесов, Василий Ксенофонтович Шукшин и Василий Иванович Псарев. Комиссия незамедлительно приступила к обследованию семей запасных нижних чинов. Для семей, имеющих собственный дом, было определено пособие в размере 2 руб. в месяц. Для семей, не имеющих своего дома, – 3 руб. Пособие для родителей призванных из запаса солдат не предусматривалось. В случае если они нуждались в помощи, содействие им должна была оказывать община (ГАГО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 207. Л. 40–42об.). (Подробнее см.: Ермолаев, 2014).

Благодаря своему отдалённому географическому положению и слабой транспортной доступности первые два года мировой войны в Кузнецке вообще не ощущались. В ноябре 1915 г. корреспондент «Сибирской жизни» некто Д. Г-ий писал: «Кузнецк почти совершенно не чувствует дыхания происходящих ныне военных событий. Живя в Кузнецке, можно подумать, что нет ни войны, ни беженцев, ни раненых... В Кузнецк эти бурные и грозные волны гигантской борьбы народов еще не докатились. Война здесь чувствовалась только во время мобилизации запасных и ратников ополчения. Обыватели, ничем никогда не интересовавшиеся, по-прежнему играют в карты, сплетничают и, между прочим, поругивают Вильгельма II (последний кайзер Германии. – АЕ.). Благо, это дозволено» (СЖ. 1915. № 241).

В первый год войны в городе не было проблем с обеспечением продовольствием. Однако уже в следующем году в Кузнецке стала ощущаться нехватка продуктов. Сначала это было не очень заметно, так как урожай текущего года был хороший. Но постепенно хлеб начал дорожать. Самый ходовой пшеничный хлеб подорожал на 1–2 коп. за фунт. Осенью 1915 г. он стоил 5–6 коп. Белый хлеб остался в той же цене – 7 коп. за фунт. Некоторые жители города винили в этом власти (СЖ. 1915. № 226).

Одним из эффективных способов борьбы с дороговизной было создание общества потребителей (Запорожченко, 2004. С. 38–39). С их помощью удавалось сдерживать цены на товары и бороться с дороговизной. Инициаторам создания Кузнецкого общества потребителей были учитель К.С. Казанин, лесничий А.Ф. Барсуков, титулярный советник Е.Ф. Попов, предприниматель П.П. Сычев и владелец аптеки И.А. Кохановский. Каждый член общества вносил пай в размере 5 руб., который можно было заплатить в рассрочку, а также вступительную плату 50 коп. Каждый член общества, независимо от количества приобретённых им паев, имел только один голос в общем собрании. Зато забор товара зависел от имеющихся у членов общества паев. Устав Кузнецкого общества потребителей был утверждён в апреле 1915 г. Первым председателем правления общества был избран приказчик купцов Ермолаевых В.В. Буханов. Членами правления стали А.В. Соколов, М. Ермолаев и еще один человек (Майрова, 2006. С. 62–63).

Главным препятствием к развитию Кузнецкого общества потребителей была удалённость города от основных центров закупки товаров и слабая транспортная доступность. Правление общества потребителей утверждало, что в течение года может сделать не более 4–5 оборотов на основной паевой капитал. В других городах Сибири, особенно в тех, что находились вдоль линии железной дороги, капитал потребительских обществ оборачивался 8 раз в год, а в Европейской России вообще до 10–12 раз в год. Правление общества считало, что до тех пор, пока в Кузнецк не будет проложена железная дорога, увеличение оборотов общества может быть только за счёт привлечения займов (Запорожченко, 2004. С. 140). Однако в условиях военного времени сделать это было очень сложно.

В период Первой мировой войны продолжало активно развиваться и кузнецкое кредитное товарищество. Разрешение Томского губернского комитета по делам мелкого кредита на открытие Кузнецкой волостной ссудо-сберегательной кассы было получено ещё в марте 1911 г. Управление кассы находилось в селе Христорождественском. Деятельность кассы охватывала всю Кузнецкую волость.

Однако в деятельности кредитного товарищества были не только положительные моменты. Вскоре его стали критиковать за непомерное стремление получить прибыль, не считаясь с общественными интересами. Дело в том, что в Кузнецке остро ощущалась нехватка сахара. В конце 1915 г. он вообще исчез с прилавков магазинов. Городские власти решили закупить сахар в Новониколаевске через посредничество Союза сибирских городов. Для этого требовались наличные деньги,

которых у городских властей не было. Тогда городской староста Кузнецка предложил кредитному товариществу принять участие в закупке сахара. Правление товарищества согласилось дать деньги на закупку сахара, но при условии получения прибыли в размере 12% годовых. Это был слишком высокий процент, даже частные торговцы просили меньший процент при предоставлении кредита. Городские власти предлагали различные компромиссы, но правление товарищества не согласилось. Как писала «Сибирская жизнь», «аппетиты не понимающей своих задач общественной организации – кредитного товарищества – оказались слишком непомерными, более аппетитов любого из местных торговцев, и поэтому благое начинание не могло увенчаться успехом» (СЖ. 1915. № 281). Город остался без сахара.

Критика, появившаяся в печати, действовала на правление кредитного товарищества. Вскоре оно стало больше учитывать интересы горожан. В конце 1915 г. товарищество закупило партию пшеничной муки – 8 тыс. пудов. Закупка была сделана большей частью для обеспечения членов товарищества. Но по договоренности с городскими властями правление пообещало, что в случае надобности оно будет продавать муку горожанам по себестоимости. «Сибирская жизнь» писала: «После требования двенадцати процентов за ссуду, которую город просил у кредитного товарищества на покупку сахара, согласие товарищества помочь горожанам в деле обеспечения мукой следует рассматривать как шаг вперед по пути осуществления правлением товарищества непосредственных задач общественной организации» (СЖ. 1916. № 12).

В начале 1916 г. состоялось годовое общее собрание кредитного товарищества. На нём рассматривались отчет правления и другие вопросы. Газета «Сибирская жизнь» писала об одном казусе, произошедшем на нем. Один из горожан, интересующийся кооперацией, решил прийти на собрание как частное лицо, чтобы ознакомиться с деятельностью товарищества. Предварительно он получил разрешение члена правления Казанина. Однако когда собрание началось, председательствующий на нем Огороков попросил этого человека покинуть помещение. Газета писала: «Деятельность товарищества должна проходить у всех на виду. Между тем, некоторые из влиятельных членов товарищества смотрят, очевидно, на дело с иной точки зрения и стремятся держать все под флером какой-то таинственности» (СЖ. 1916. № 30). В первые месяцы войны, несмотря на бунт мобилизованных солдат, в Кузнецке, как и по всей стране, преобладали патриотические настроения. Население активно участвовало в благотворительных акциях, каждый чем мог старался помочь армии. Большой

популярностью пользовалась деятельность благотворительных организаций, особенно Дамского комитета, который занимался сбором пожертвований и отправкой на фронт товаров и вещей. На всех благотворительных спектаклях, дававшихся в пользу армии, всегда присутствовало много публики. Сборы от таких спектаклей, как правило, превышали все ожидания. Главными темами для разговоров у всех жителей города была война. Информацию о боевых действиях жители получали преимущественно из печати. Для неграмотных горожан в Народном доме устраивались специальные читки газет. Все были уверены в скорой победе России над Германией и её союзниками.

Патриотические настроения стали постепенно меняться в 1915 г. Это было связано с затяжным характером войны, с бесконечными призывами в армию ратников и новобранцев, постепенным удорожанием продуктов и т.д. В архивах сохранилось несколько секретных рапортов кузнецкого уездного исправника о политических настроениях населения за вторую половину 1915 г. В рапорте за июль исправник подчёркивал, что настроение населения остаётся патриотическим, никаких выступлений не наблюдается. Хороший урожай хлеба прошлого года, выгодный сбыт его на нужды армии, полное отсутствие пьянства, пособия от казны, получаемые семьями призванных, способствуют спокойному течению жизни. Интеллигенция занята только обсуждением сообщений о военных действиях. Вместе с тем появляются и недовольные, главным образом это солдаты – к этому времени почти из каждой семьи в армию призвали по одному, а то и по два человека (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1544. Л. 127–130).

Рапорт исправника за август содержал уже меньше оптимизма. В это время в Кузнецке проводилась закупка лошадей для нужд армии. Из всех селений уезда крестьяне пригнали скот. Однако закупочная комиссия отобрала немного лошадей, так как большая их часть была изнурена сельскими работами и длительным перегоном до Кузнецка. Население стало роптать из-за напрасно потраченного времени и невозможности продать пригнанных лошадей. Среди горожан также стало больше недовольных. Предстоящие призывы ратников ополчения и новобранцев стали предметом постоянных разговоров. Семьи недовольны, что в армию забирают годных работников. В этом же месяце сильно осложнилась транспортная проблема. Река Томь обмелела, и пароходы не могут пройти до города. В результате многие жители не могут получить самое необходимое для жизни. Уездный исправник И. Загарин видел в этом большую проблему и советовал губернским властям приспособить мелкосидящие пароходы, находящиеся в ведении Переселенческого управления,

для перевозки грузов по Томи. Частные предприниматели вряд ли захотят заниматься водными перевозками по реке, так как это не приносит прибыли (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1544. Л. 164–166).

Примерно такие же настроения продолжались и в сентябре. Несмотря на преобладание патристических взглядов, проблемы и недовольство продолжали накапливаться. Семьи запасных стали отказываться платить причитающиеся с них по раскладке общества налоги, объясняя это тем, что мужчины на фронте и денег на уплату податей нет. Интеллигенция, представленная в основном чиновниками и учителями, всё больше внимания стала уделять не обсуждению военных действий, а внутривполитической ситуации в стране. Особенно беспокоило её досрочное прекращение четвёртой сессии Государственной думы, объявленное императором 3 сентября. Незапланированные каникулы Думы беспокоили часть населения Кузнецка (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1544. Л. 185–186 об.).

В конце 1915 г. протестные настроения продолжали нарастать. Хотя по-прежнему высказывались мысли о победе России в войне, но теперь это звучало все реже и реже. Главными возмутителями спокойствия были солдатки. Они отказывались платить налоги, так как их мужья на фронте. Даже жители, у которых не было родственников в армии, поддерживали солдаток. Солидарно с ними они высказывали мысль о том, что налоги нужно перевести в разряд недоимок, а после окончания войны, когда мужчины вернутся с фронта, то рассчитываются по долгам. Постепенное удорожание

продуктов питания привело к тому, что зажиточные крестьяне не торопились продавать хлеб, они ждали, когда цены на него поднимутся ещё выше. Обсуждение военных действий теперь нередко сопровождалось критикой. Отступление русской армии связывали с плохим снабжением её оружием и боеприпасами. В этом, естественно, винули правительство и командование. Масло в огонь подливали вернувшиеся с фронта раненые солдаты. Их рассказы возбуждали общество ещё сильнее. Второй важнейшей темой обсуждения стала Государственная дума, точнее политика царя, направленная на ограничение её деятельности. Четвёртая сессия Думы так и не была объявлена, это беспокоило часть населения города (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1544. Л. 255–256 об.).

В течение 1916 г. ситуация с продовольствием в Кузнецке ещё больше осложнилась. На некоторые виды товаров были введены карточки. В целом влияние войны на Томскую губернию было очень негативным. Посевные площади сократились на 28%, количество скота уменьшилось на 20%, сотни тысяч мужчин были призваны в армию. Это привело к тому, что землю обрабатывали в основном старики, женщины и дети. В результате урожайность снизилась в 2 раза. Цены на продукты выросли в разы, а некоторые товары вообще исчезли с прилавков (Томская..., 1917. С. 19–21). Патристические настроения начала войны сменились резкой критикой действующей власти. Усилились левые настроения в обществе. Всё говорило о начале серьёзных изменений.

